THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

K1564

B

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/znamenievremeniu00bonc

К 1564

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
С.-Петербургъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19.

Библіотека нашихъ читателей. Книга 9.

Влад. Бохчъ-Бруевичъ.

ЗНАМЕНІЕ ВРЕМЕНИ.

Убійство Андрея Ющинскаго и дѣло Бейлиса.

(Впечатлѣнія Кіевскаго процесса).

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1914.

Типографія Л. Я. Ганзбурга, Спб., Мытнинская ул., 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 1
I. Передъ процессомъ 9
II. Въ пути 13
III. Наканунѣ суда 15
IV. Въ судъ! 19
V. Въ судѣ 24
VI. Присяжные 26
VII. Эксперты. 27
VIII. Свидѣтели 31
IX. Обвиняемый. 34
X. Гражданскіе истцы 37
XI. Дѣти-свидѣтели. 41
XII. Публика 43
XIII. Пресса 45
XIV. Покушеніе на свободу печати 50
XV. Свидѣтель—еврейскій мальчикъ. 54
XVI. Семейство Нѣжинскихъ-Приходько-Ющинскихъ 58
XVII. Газетное объявленіе 62
XVIII. Кого судятъ? 64
XIX. Наволочка. 68
XX. Наконецъ заговорили о Бейлисѣ 70
XXI. Вѣра Чеберякъ среди свидѣтелей 75
XXII. Таинственный прохожій. 77
XXIII. Фонарщикъ. 78
XXIV. Сказка о похищеніи Ющинскаго 84
XXV. Волкивна 85
XXVI. Опять прокламація 89

стр.

XXVII. Обморокъ свидѣтеля. 90
XXVIII. Передопросъ студента Голубева. 91
XXIX. Новый передопросъ Голубева 94
XXX. Осмотръ мѣстности 97
XXXI. Ужасы черты еврейской осѣдлости . . . 109
XXXII. Отецъ Автономъ. 112
XXXIII. Козаченко. 115
XXXIV. Показанія Синяева 123
XXXV. Свидѣтель-арестантъ. 125
XXXVI. Козаченко въ синагогѣ 127
XXXVII. Человѣкъ истинно-чешскаго происхожденія 128
XXXVIII. Человѣкъ на службѣ конспиративной . . 133
XXXIX. Людмила Чеберякъ. 138
XL. Вѣра Чеберякъ. 142
XLI. Господинъ Чеберякъ 149
XLII. Свидѣтель Бейлисъ и обвиняемая Чеберякъ 151
XLIII. Гдѣ былъ трупъ Ющинскаго до пещеры . 153
XLIV. Что означаютъ многочисленныя раны на тѣлѣ Андрея Ющинскаго. 157
XLV. Еврейская молельня 159
XLVI. Беркины швайки 165
XLVII. Два цадика 168
XLVIII. Его надо убрать 174
XLIX. Производились ли работы на заводѣ Зайцева 12 марта, когда былъ убитъ Андрей Ющинскій 177
L. Свидѣтель одиннадцати лѣтъ. 179
LI. Петровъ 183
LII. Журналистъ-разслѣдователь 186
LIII. Поѣздка въ Харьковъ 191
LIV. Бывшій начальникъ сыскной полиціи Красовскій. 196
LV. Сестры Дьяконовы. 210
LVI. Свидѣтель-кровельщикъ 222
LVII. Сподвижники Красовскаго 224

стр.
LVIII. Арестантъ Сингаевскій 231
LIX. Сообщникъ Сингаевскаго—Рудзинскій . . 237
LX. Латышевъ 239
LXI. Супруги Малицкіе 242
LXII. О томъ, какъ евреи подкупаютъ свидѣтелей 244
LXIII. Судебно-медицинская экспертиза 248
LXIV. Экспертиза психіатрическая 254
LXV. Экспертъ, который ничего не знаетъ. . . 258
LXVI. Честь русской науки спасена 267
LXVII. Экспертъ Тихомировъ 269
LXVIII. Исповѣдь народа. 271
LXIX. Рѣчь прокурора 276
LXX. Рѣчь Замысловскаго. 279
LXXI. Рѣчь Шмакова 284
LXXII. Рѣчи защитниковъ 289
LXXIII. Послѣднее слово обвиняемаго 291
LXXIV. Постановка вопросовъ 292
LXXV. Резюме предсѣдателя 293
LXXVI. Просьба о дополненіи резюме 295
LXXVII. Передъ приговоромъ. 296
LXXVIII. Приговоръ суда присяжныхъ 298
LXXIX. Опредѣленіе суда. 300
LXXX. На улицахъ 301
LXXXI. Совѣсть народа. 303
LXXXII. Въ гостяхъ у Бейлиса 305

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемыя здѣсь впечатлѣнія Кіевскаго процесса,—вошедшаго въ исторію нашей общественности подъ наименованіемъ „Дѣло Бейлиса“,—ранѣе были опубликованы въ различныхъ изданіяхъ періодической печати („Кіевская Мысль“, „Утро“, и др.).

Въ нашихъ очеркахъ читатель кое-гдѣ встрѣтитъ повторяющіеся мотивы, но мы сознательно оставили эти повторенія, такъ какъ нѣкоторые персонажи процесса не однажды появлялись передъ лицомъ окружного суда съ присяжными, не однажды показывали они, не однажды стороны со страстью допрашивали ихъ и живое впечатлѣніе наблюдателя требовало немедленной зарисовки этихъ новыхъ и новыхъ подробностей, штриховъ и черточекъ столь кошмарнаго дѣла, гдѣ всякая мелочь казалась важной. Для цѣльности впечатлѣнія мы оставили ихъ и здѣсь, въ этой книгѣ.

Мы выпускаемъ въ свѣтъ эти наши впечатлѣнія по дѣлу Бейлиса потому, что по нашему мнѣнію полезно вспомнить именно те-

перь черты судебнаго разбирательства убійства Андрея Ющинскаго, такъ какъ процессъ этотъ конечно не законченъ. Съ очевидностью ясно что онъ только возгорается именно въ той плоскости, въ которой въ сущности и долженъ былъ бы итти: послѣ пятикратнаго заявленія въ окружномъ судѣ г. Кіева такихъ авторитетныхъ лицъ въ дѣлѣ розыска, какъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фененко и жандармскій полковникъ Ивановъ, заявленія прямого и весьма опредѣленнаго, указывающаго на несомнѣнное причастіе Вѣры Чеберякъ къ дѣлу убійства А. Ющинскаго,—не можетъ быть двухъ мнѣній, что по той или иной причинѣ, процессъ этотъ вскорѣ возобновится во всей своей полнотѣ. Въ газетахъ только что промелькнуло извѣстіе, что неутомимая „чиновница“ Чеберякъ, защищая честь и достоинство своей „малины“, желаетъ вновь судиться, на этотъ разъ уже привлекая къ суду слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Фененко. Это смѣло и хорошо для истины. Конечно никто не можетъ сомнѣваться что Фененко выступитъ въ судѣ, защищая себя, во всеоружіе документовъ, свѣдѣній и данныхъ и можетъ быть разскажетъ міру то, что до сего времени не было еще повѣдано...

Но почему только на г. Фененко обрушиваетъ свой гнѣвъ эта уголовная дама? По-

чему не привлекаетъ она полковника Иванова, околодочнаго Киричено, бывшаго начальника сыскного отдѣленія Красовскаго и сосѣдей своихъ: Добжанскаго, Наконечнаго, сестеръ Дьяконовыхъ и многихъ другихъ, которые всѣ, согласнымъ хоромъ, прямо утверждали на судѣ, что они знаютъ что трупъ Ющинскаго сохранялся въ квартирѣ Чеберякъ, что сама В. Чеберякъ принимала непосредственное участіе въ убійствѣ этого юноши, на котораго воровская шайка, видимо, возлагала сначала много надеждъ.

Этой ретивой дамѣ необходимо было бы нужно привлечъ также къ отвѣтственности товарища прокурора Виппера, который въ своей рѣчи прямо заявилъ, что онъ не исключаетъ возможности соучастія В. Чеберякъ въ дѣлѣ убійства Ющинскаго и тѣмъ самымъ очень умѣло отгородился отъ могущаго быть суда и обвиненія дѣйствительныхъ убійцъ Андрея Ющинскаго.

Также вѣдь и гражданскій истецъ Шмаковъ въ концѣ процесса съ крайней подозрительностью сталъ относиться къ В. Чеберякъ и тоже не отрицалъ возможнаго соучастія въ убійствѣ Ющинскаго этой родственницы Сингаевскаго, тѣлохранительницы Латышева и Рудзинскаго съ компаніей.

Привлекать—такъ привлекать ужъ всѣхъ!

И всѣ эти привлеченія несомнѣнно кончатся выясненіемъ правды, какъ это уже началось съ только что протекшихъ литературныхъ процессовъ въ Кіевѣ, возбужденныхъ осмѣлѣвшей В. Чеберякъ.

Внимательно изучивъ всѣ данныя процесса Бейлиса-Ющинскаго, я лично съ полной убѣжденностью присоединяюсь къ тому мнѣнію, которое указываетъ намъ единственно вѣрный и несомнѣнный путь раскрытія этого ужаснаго убійства: вся энергія должна быть направлена къ выясненію дѣятельности посѣтителей квартиры-„малины“ Вѣры Чеберякъ, къ „работѣ“ Латышева, Рудзинскаго и Сингаевскаго и несмотря на то, что уже прошло такъ много времени, несмотря на то, что эти ловкіе громилы сдѣлали многое для замѣтанія слѣдовъ, но при энергичномъ изслѣдованіи и собираніи всего матеріала, картина убійства Ющинскаго, уже и безъ того вполнѣ ясная, можетъ—и должна быть возстановлена совершенно, а убійцы, всѣмъ, особенно въ Кіевѣ, хорошо и безъ того извѣстные, выявятся передъ лицомъ безпристрастнаго правосудія сами собой.

Неужели это кошмарное дѣло, принесшее такъ много вреда общественной жизни Россіи, не будетъ ликвидировано такъ, какъ должно это быть со всякимъ уголовнымъ дѣломъ?

Неужели это убійство, столь простое и ясное, не будетъ раскрыто тѣми, кому это вѣдать надлежитъ?

Нѣтъ, этому нельзя вѣрить и я убѣжденъ что оно будетъ раскрыто и раскрыто скоро...

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.

15 іюня
1914 года.

УБІЙСТВО АНДРЕЯ ЮЩИНСКАГО

И

ДѢЛО БЕЙЛИСА.

I.

Передъ процессомъ.

Еще лѣтомъ 1913 г. повсюду въ книжныхъ магазинахъ стало появляться множество книгъ и брошюръ, вводящихъ насъ въ кругъ новой жизни, такъ мало извѣстной не только широкимъ массамъ населенія, но и русской интеллигенціи.

Брошюры, книжечки и книги, разсказывающія намъ о разнообразныхъ эпизодахъ тысячелѣтней исторіи еврейской жизни, о необычайныхъ, ужасныхъ, звѣрскихъ преслѣдованіяхъ этого народа въ средніе вѣка, о его вѣрѣ и обычаяхъ и, наконецъ, о такъ называемыхъ ритуальныхъ процессахъ—запестрѣли повсюду въ окнахъ магазиновъ. То, что было извѣстно до сихъ поръ спеціалистамъ-историкамъ, что смутно, тускло, отрывочно доносилось до сознанія общеобразованныхъ людей, теперь стало достояніемъ широкой демократіи. Книги о жизни еврейскаго народа, благодаря стараніямъ господъ ритуалистовъ, стали общедоступными, повсюду встрѣчающимися. Вездѣ возросъ интересъ къ изученію исторіи древняго Израиля. И въ этомъ мы можемъ

видѣть несомнѣнный плюсъ, несомнѣнное пріобрѣтеніе, толчкомъ къ чему послужилъ тотъ крайне реакціонный умыселъ, который не только таился, но явно себя обнаруживалъ въ самомъ фактѣ постановки ритуальнаго процесса по случаю жестокаго убійства Андрея Ющинскаго, по поводу дѣла Бейлиса.

Конечно, рядомъ съ этой литературой, выяснявшей со всѣхъ сторонъ какъ исторію ритуальныхъ процессовъ, такъ и болѣе или менѣе полно знакомившей съ исторіей еврейскаго народа вообще, появилась отвратительная, низменная, лживая литература русскихъ антисемитовъ, въ которой они не жалѣли красокъ, въ которой они использовали весь запасъ ругательствъ и издѣвательствъ надъ народомъ вѣками угнетенномъ, налагая на его согбенныя плечи всю ту клевету, весь тотъ циничный ужасъ, который могли создать жестокіе нравы среднихъ вѣковъ и хитрые, пронырливые, лукавые умы дѣятелей святой инквизиціи. Все было вновь поднято теперь, въ XX вѣкѣ. И этотъ срамъ, и этотъ позоръ пришлось переживать Россіи въ то время, когда самые дикіе элементы Западной Европы, кипящіе ненавистью къ евреямъ, уже стали настолько общекультурны, что стыдятся открыто, при свѣтѣ солнца, питать себя и народныя массы той клеветой и ложью, по отношенію къ евреямъ, которыя были столь сильны,

столь могущественны въ прежнія времена жизни нашихъ западныхъ сосѣдей.

И чѣмъ ближе къ осени прошедшаго года, когда мы всѣ могли ожидать разрѣшенія той опасной болѣзни нашей общественности, которая выразилась въ процессѣ Бейлиса, тѣмъ все настойчивѣй, все необходимѣй, все властнѣй и властнѣй передъ каждымъ современнымъ человѣкомъ поднимался вопросъ: какъ быть, что дѣлать, какъ отвѣтить на этотъ неслыханный вызовъ всей нашей культурѣ, нашему соціальному развитію и политической сознательности?

Всѣ сознательные люди, вездѣ и всюду, споря въ деталяхъ, расходясь въ частностяхъ, объединялись въ одномъ мнѣніи, въ одномъ порывѣ: обвиненіе въ человѣческомъ жертвоприношеніи, совершенномъ въ третьей столицѣ Имперіи, въ одномъ изъ самыхъ старинныхъ умственныхъ центровъ Россіи, въ пунктѣ сосредоточенія промышленныхъ, финансовыхъ и торговыхъ интересовъ юго-запада нашей страны,—совершенно невѣроятно. Обвиненіе, раздутое правыми организаціями, — двуглавцами, союзниками и иными такъ называемыми „истинно-русскими“ людьми, не имѣющими никакой связи съ дѣйствительно истинно-русскимъ прогрессомъ, съ истинно-русской новой Россіей, чающей и стремящейся ко всестороннему демократическому оздоровленію

страны,—являлось вызовомъ для всѣхъ, кто въ новыхъ путяхъ развитія нашей общественности видѣлъ единственный исходъ изъ печальной дѣйствительности. Этотъ кровавый навѣтъ, чернымъ пологомъ павшій на евреевъ, долженъ былъ быть признаннымъ коварнымъ замысломъ, коварнымъ нападеніемъ на общія основы нашей культурной жизни, замысломъ разнообразныхъ черносотенныхъ организацій изъ всѣхъ силъ стремившихся, возрождая нравы среднихъ вѣковъ, отвести назрѣвающее общественное вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ первостепенной важности на національную распрю, на религіозную вражду, на рассовую ненависть. Въ этой бурѣ и мятежѣ раздуваемыхъ народныхъ страстей антикультурными союзническими организаціями опять и опять хотѣли онѣ,—какъ это уже было въ 1906 г.—утопить, расхитить, раздробить то сосредоточенное тяготѣніе огромныхъ массъ населенія къ реорганизаціи общественныхъ порядковъ, которое повсюду въ странѣ такъ явно обнаружилось еще въ 1905 г. и вновь возрождается теперь въ народѣ.

Эта перчатка, брошенная всей просвѣщенной Россіи отсталыми, но къ несчастію все еще имѣющими силы, элементами нашей общественности, должна была быть немедленно поднята всѣми тѣми, кто въ свободѣ и демократизмѣ видитъ все прибѣжище и силу для творчества и жизнедѣятельности народа и общества.

Безъ уговора, безъ замысла, безъ организаціи, я бы сказалъ дѣйствительно стихійно, выходя даже изъ разныхъ точекъ зрѣнія, изъ разныхъ взглядовъ на жизнь и борьбу за формы жизни, со всѣхъ сторонъ, вездѣ и всюду, всѣ почувствовали насущную необходимость соучаствовать въ томъ общественномъ дѣлѣ, которое связывалось съ кіевскимъ процессомъ, съ убійствомъ Андрея Ющинскаго, съ дѣломъ Бейлиса.

II.

Въ пути.

Когда въ Петербургѣ я садился въ поѣздъ, я не зналъ, ѣду-ли я одинъ на процессъ въ Кіевъ, или здѣсь кругомъ меня, на вокзалѣ, въ вагонахъ, еще находятся люди, которые почувствовали необходимость ѣхать туда, въ этотъ древній городъ, чтобы узнать все, что тамъ сплелось вокругъ неслыханнаго процесса, и, узнавъ, такъ или иначе, по мѣрѣ силъ и возможности, откликнуться на это дѣло, связанное съ кровавымъ навѣтомъ, столь же древнимъ, какъ старо само христіанство.

Вскорѣ, однако, обнаружилось, что очень многіе изъ находившихся въ этомъ поѣздѣ ѣдутъ именно въ Кіевъ на дѣло Бейлиса. Здѣсь ѣхали и стенографистки, и корреспонденты, и частныя лица, имѣвшія и не имѣвшія билеты на засѣданіе.

— Все равно, какъ нибудь, что нибудь будемъ слышать, что дѣлается тамъ, въ залѣ

суда!...—говорили мнѣ эти люди, не считавшіе возможнымъ заниматься обыденными дѣлами въ то время, когда тамъ будетъ происходить тотъ судъ, гдѣ подсудимый выступаетъ въ роли совершенно странной: только подумать, что въ двадцатомъ вѣкѣ у насъ въ Россіи обвиняютъ человѣка въ людоѣдствѣ!

— Нѣтъ, нельзя быть спокойнымъ въ это время!—заявилъ мнѣ весьма почтенный русскій обыватель, стремившійся въ Кіевъ, чтобы хоть какъ нибудь да присоединиться къ общей печали, къ общему протесту.

Стенографистки не перестаютъ обсуждать какъ имъ лучше организоваться, лишь бы записать процессъ какъ можно точнѣй, какъ можно правильнѣй...

Подъ Двинскомъ нашъ поѣздъ долго былъ задержанъ той ужасной катастрофой, которая совершилась въ этомъ мѣстѣ въ ночь съ 22 на 23 сентября.

И несмотря на то, что всѣ были напуганы и взволнованы страшнымъ видомъ ужасной катострофы, когда одного за другимъ несли раненныхъ и убитыхъ, вытащенныхъ изъ подъ обломковъ совершенно исковерканныхъ вагоновъ и столкнувшихся паровозовъ, несмотря на это, когда мы тронулись и снова вошли въ свою обыденную колею путешественниковъ, мы всѣ опять и опять продолжали безконечные разговоры объ этомъ кошмарномъ дѣлѣ,

поднимавшемъ, казалось, уже совершенно отжившія легенды, сказки, сплетни и средневѣковые наговоры г.г. сочленовъ святѣйшей инквизиціи, столь тароватыхъ къ розысканію всевозможнѣйшихъ религіозныхъ „преступниковъ“.

Многіе въ пути читали соотвѣтствующія книжки, дѣлали выписки, записи... Однимъ словомъ и здѣсь въ поѣздѣ продолжалась очевидно та подготовка къ процессу, которую, какъ оказалось, уже давно совершали многіе и многіе русскіе люди, не желавшіе примирить въ своемъ сознаніи этотъ ужасный кошмаръ съ уровнемъ нашей общерусской культуры народныхъ массъ.

Когда мы пріѣхали, Кіевъ уже былъ совершенно заполоненъ тѣмъ общественнымъ возбужденіемъ, которое всегда столь благопріятно, столь пробуждающе дѣйствуетъ на тѣхъ, кто въ обыденщинѣ, волей или неволей, потопилъ всѣ свои стремленія, чаянія и ожиданія.

III.

Наканунѣ суда.

Кіевъ, охваченный трепетомъ ожиданія суднаго дня, дня дѣла Бейлиса, наканунѣ суда имѣлъ какой-то смущенный, взволнованный видъ.

На улицахъ движеніе больше обыкновеннаго... То тутъ, то тамъ собираются кучки народа и вездѣ и всюду только и разговоровъ, что о предстоящемъ процессѣ...

Ежедневная черносотенная газетка „Двуглавый Орелъ“, вышедшая экстренно, усиленно предлагается прохожимъ... Тамъ, конечно, собранъ весь букетъ „истинно-русской“ брани, который только возможенъ хотя-бы и для низкопробной печати, брани направленной особенно противъ евреевъ и противъ тѣхъ, кто, не обращая никакого вниманія на всю эту безсильную и, главное, глупую, тупоумную злостность, твердо рѣшилъ высказать то мнѣніе по этому дѣлу, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительности и исторической правдѣ.

Редакція газеты „Кіевская Мысль“, являясь сосредоточеніемъ прогрессивныхъ элементовъ города, давно не видала такого многолюднаго посѣщенія ея, какъ въ эти дни. Всѣ желаютъ знать послѣднія новости: какъ въ городѣ? Спокойно-ли всюду, или есть признаки наступающей бѣды?

Конечно, всѣ съ болью думаютъ о той многотысячной еврейской бѣднотѣ, которая ютится тамъ, на окраинахъ, всегда въ первую голову подвергающаяся опасности отъ натиска тѣхъ быстро воспламеняющихся элементовъ низовъ, на безсознательность которыхъ такъ легко воздѣйствовать желающимъ

разыгрывать трагикомедію „народнаго негодованія“, „рассовой ненависти“ и „религіозной вражды“.

Но репортеры со всѣхъ сторонъ приносятъ утѣшительныя свѣдѣнія: все вездѣ спокойно и полиція на чеку... Населеніе обсуждаетъ предстоящій процессъ и повсюду замѣтны симпатіи къ невиннозаключенному Бейлису: никто не вѣритъ въ его виновность.

Прекрасный признакъ, почти предсказаніе, для подсудимаго...

Но вотъ къ вечеру мы узнаемъ о печальныхъ случаяхъ: на базарахъ замѣтно волненіе, появились евреи, проявляющіе явно болѣзненные признаки душевнаго разстройства.

Переживаемые дни столь тяжко легли на и безъ того всегда потрясенную, всегда угнетенную психику еврейской массы, что наиболѣе нервные, очевидно, подошли къ грани дѣйствительной болѣзненности... Нельзя не отмѣтить, что почти одновременно обнаружилось нѣсколько случаевъ прямого психоза: вотъ одинъ изъ такихъ больныхъ людей вошелъ на амвонъ Софійскаго собора и оттуда сталъ каяться народу, провозглашая новую вѣру... Его отвезли въ больницу; онъ оказался совершенно потрясеннымъ человѣкомъ, дѣйствительно больнымъ...

Вотъ другой, изможденный старикъ, ходитъ по базару среди торговцевъ и толпы и

разрывая одежду, обнажая грудь, плача и рыдая, взываетъ ко всѣмъ: братья-православные, это я, бѣдный еврей, убилъ дорогого Андрюшу... Ахъ, какъ мнѣ его жаль!.. Ахъ, бѣдный мальчикъ!.. Зачѣмъ я тебя убилъ!.. Это я... я... убилъ Андрюшу... Братья-православные...

И его обступили, смотрятъ, дивятся на него... Многіе знаютъ старика, онъ тутъ же работалъ, что-то продавалъ, кормя себя и свою семью...

И „братья-православные", базарные люди, въ сущности никогда не имѣющіе въ своей душѣ никакой вражды ни къ иной вѣрѣ, ни къ иной національности, жалѣютъ этого бѣднаго старика, успокаиваютъ его, утѣшаютъ...

Кто-то догадался сказать ему:

— Что ты, что ты говоришь? Андрюша-то живъ!.. Никто его не убивалъ...

— Живъ?!...—съ радостнымъ ужасомъ воскликнулъ бѣдняга...

— Такъ я...—задумался, что-то сталъ соображать, притаился и вдругъ зарыдалъ... И снова, и снова мучившая его мысль стала давить, стала гнести его сознаніе и онъ, словно найдя что искалъ, опять воззвалъ къ окружающимъ: Братья-православные, это я убилъ милаго Андрюшу; ахъ, какъ я его любилъ...

И плачетъ, и скорбитъ старикъ и бродитъ по базару изъ конца въ конецъ, пока

кто-то не взялъ его и не увелъ туда, въ эти узенькіе переулочки, окаймленные маленькими, грязными домишками, гдѣ ютится невѣроятная бѣднота, гдѣ жизнь очерчена послѣдней чертой безысходности, гдѣ смерть такъ часто бываетъ желанной гостьей и истинной утѣшительницей скорбей...

IV.

Въ судъ!

Нѣтъ, нельзя больше сидѣть дома! Что-то сосетъ сердце, тянетъ туда, въ судъ. Знаю, что никогда въ первый день не начинается засѣданіе во-время. Знаю я, что суду еще такъ много надо исполнить предварительныхъ формальностей, и что тамъ, на мѣстахъ для публики, придется долго „безплодно“ сидѣть, ждать, томиться... Но дома еще хуже... На улицахъ, въ трамваяхъ, въ лавкахъ, вездѣ только и разговора, что о дѣлѣ Бейлиса.. Сегодня, какъ и вчера, „союзники“ усиленно продаютъ свой маленькій, жиденькій „Двуглавый Орелъ“, гдѣ убитый Ющинскій изображенъ на первой страницѣ, лежащимъ въ гробу, съ язвинами на вискѣ и лицѣ, нанесенными рукой убійцы...

— Десять копеекъ, пожалуйте-съ...—потребовалъ разносчикъ.

— Десять копеекъ? Почему? Вѣдь всегда три...

Теперь такое-съ время... Когда-же и нажить?...

Понимаю: теперь, стало быть, время вродѣ кіевскихъ „контрактовъ“, когда даже номера въ гостинницахъ отпускаются „по закону“ вдвое и втрое дороже...

Вотъ онъ, первый благопріятный результатъ этого дѣла: кто-то наживаетъ деньги, кто-то радуется тому, что нашлись люди, обвинившіе другихъ людей въ тяжкомъ, невѣроятномъ преступленіи...

Я пробую заговаривать при всякомъ случаѣ съ простыми людьми. Оказывается, кіевляне словоохотливы — сейчасъ вступаютъ въ откровенный разговоръ. Я жду, что меня осыпятъ градомъ ненависти, обольютъ отравленной желчью—вѣдь „Русское Знамя“, Земщина“ такъ раскричали о своей силѣ въ Кіевѣ, что я, не зная этого города совершенно, думалъ что вѣра въ ритуалъ, вѣра въ то что, при трамваяхъ, электрическомъ освѣщеніи, всероссійской выставкѣ и аэропланахъ — въ Кіевѣ, да и не только въ Кіевѣ, живутъ и ходятъ повсюду среди бѣлаго дня представители той націи, которую Россія знаетъ издревле, ходятъ и пьютъ человѣческую кровь, какъ французы красное вино, — такъ сильно укрѣпилась въ кіевскомъ простонародьѣ, что на меня, не вѣрящаго этимъ постыднымъ сказкамъ и глупостямъ, сейчасъ-же набросятся со всѣхъ сто-

ронъ и категорически заявятъ:—что вы, что вы! Это у васъ тамъ въ туманномъ Петербургѣ, можетъ быть, нѣтъ, а у насъ въ Кіевѣ... Ну, кто же этого не знаетъ!... И т. д., и т. д..

И къ моему величайшему удивленію рѣшительно никто, ни евреи, ни христіане, ни православные, ни поляки, ни извозчики, ни корридорные, ни вагоновожатые, ни кондуктора, ни городовые, ни газетчики, ни лавочники, ни нищіе, ни праздношатающіеся, ни неизвѣстные мнѣ случайные мои знакомцы, ни рабочіе, ни подгородные крестьяне, ни чиновники, — рѣшительно никто, ни одинъ не заявилъ мнѣ, что „у насъ въ Кіевѣ“ „эти изувѣры“ всегда запасаются человѣческой дѣтской кровью и продаютъ ее желающимъ оптомъ и въ розницу...

Также я рѣшительно ни отъ кого не слыхалъ, чтобы въ Кіевѣ исчезали каждый день, по крайней мѣрѣ, хотя бы по одному младенцу для надобности приготовленія запасовъ крови... На сто двадцать литровъ, которые, какъ утверждаетъ антисемитская литература, нужны будто-бы евреямъ ежегодно для приготовленія пасхальной мацы, сами понимаете, господа, нужно много, очень много младенцевъ...

Мнѣ пришлось слышать мнѣніе бездомныхъ поденщиковъ съ берега Днѣпра: и эти, въ сущности добродушные, но совершенно некультурные, темные люди,—и тѣ своимъ умомъ

дошли до того, до чего никакъ не могутъ додуматься многіе изъ „государственныхъ“ головъ.

— Зачѣмъ ему было тащить Андрюшку въ печь, отбивать отъ ребятъ, среди бѣла дня?... Такихъ дураковъ на свѣтѣ нѣтъ... А если ужъ ему нужно было бы ребятенка слопать,—приди къ намъ на берегъ, сколько тутъ дѣтворы? Бери, какого хочешь, безъ отца, безъ матери,—тащи, куда хочешь—никто не пикнулъ бы. А то, ишь, схватилъ, потащилъ... Нѣтъ, братъ, теперь и дураковъ не обманешь... Вѣры этому никто не даетъ...—Такъ разсуждаютъ эти люди.

Вотъ, видите, и до нихъ докатились волны общественнаго движенія, поднятыя этимъ процессомъ.

Такое простое, житейское соображеніе, совершенно разбивающее сразу весь обвинительный актъ—такъ просто, такъ ясно само по себѣ, такъ само бросается въ глаза каждому, что право, врядъ-ли найдется въ Кіевѣ двѣ сотни человѣкъ,—кромѣ тѣхъ, кто по „обязанности службы“ вѣритъ чему угодно, разъ это приказано,—которые бы по совѣсти, положа руку на сердце, придавали бы значеніе всѣмъ этимъ росказнямъ.

Съ души скатилось бремя... Я извиняюсь передъ кіевлянами, что могъ ранѣе думать такъ о нихъ, но право-же меня ввели въ заблужденіе господа союзники, такъ раскричавшіе на весь свѣтъ, какъ я полагалъ, о рассо-

выхъ особенностяхъ кіевлянъ, сохранившихъ въ нѣдрахъ своихъ доисторическую привычку людоѣдства...

Долженъ сказать, что это прямое, честное, крайне отрицательное отношеніе къ обвиненіямъ, возведеннымъ на Бейлиса, очень обрадовало меня. Я на минуту предположилъ было, что ужасная работа всѣхъ этихъ „Двуглавыхъ Орловъ“, по крайней мѣрѣ, въ низахъ населенія, привила, оставила слѣдъ ненависти, легковѣрія, недовѣрія и предубѣжденности, но поскольку я могу судить по своимъ наблюденіямъ—всѣ эти темныя усилія почти не оставили слѣда, говорю „почти“ только потому, что есть же гдѣ-либо рати „союзниковъ“, которые, одурманенные сплетнями и лганьемъ, не вѣдающіе науки, можетъ быть, и вѣрятъ этой древней клеветѣ на родъ человѣческій...

— Что тамъ говорить, заявилъ при мнѣ самый обыкновенный, что называется „сѣрый“ городской обыватель—просто по злобѣ все это, мина подведена...

Посмотрѣлъ я на этого простосердечнаго русака и подумалъ: „устами младенцевъ возвѣщается правда“. Вѣдь вотъ передо мной дѣйствительно политическій младенецъ, и онъ, сынъ народа, чутко уловилъ самое главное, самую основу какъ этого, такъ и всякаго другого, когда-либо возникавшаго обвиненія въ ритуальномъ убійствѣ христіанъ евреями...

Дѣйствительно, здѣсь „мина подведена“, и ничего больше нѣтъ и не можетъ быть въ этомъ кошмарномъ клубкѣ, которое пріобрѣло теперь историческое имя „дѣла Бейлиса“.

Съ облегченнымъ сердцемъ шелъ я въ судъ.

Я привыкъ наблюдать толпу, массы, и это отрадное, честное настроеніе кіевлянъ, увѣренъ, не можетъ не проникнуть туда, за холодныя стѣны суда, и тамъ оно должно претвориться въ мужественную правду и справедливость.

V.

Въ судѣ.

Около суда и въ судѣ настроеніе особенное, повышенное, боязливое. Полиція всюду: и конная и пѣшая, почти запрещающая даже проходить около суда... Иду черезъ нѣсколько полицейскихъ дозоровъ, расположенныхъ въ самомъ судѣ... Вездѣ спрашиваютъ, вѣжливо и предупредительно, билетъ...

Вотъ, наконецъ, я въ раздѣвальной. Вотъ я и въ залѣ суда... Народа еще мало... Начинаютъ являться эксперты... Вотъ ксендзъ Пранайтисъ... Интересная фигура... Лойола принялъ бы его несомнѣнно въ самые близкіе свои сотрудники... Сѣдой, ершистый, стриженный, какъ и всѣ ксендзы, плотно поджавшій

нижнюю губу, онъ углубился въ чтеніе какой-то книжки, а самъ... самъ тщательно и осторожно наблюдаетъ залу, словно высматривая кого-то, словно намѣчая жертву своего воздѣйствія... Худой, матоваго цвѣта отъ сѣдѣющей бритой бороды, такъ густо пробивающейся сквозь щеки и подбородокъ, онъ вдругъ неожиданно вспыхиваетъ, и краска багряной крови пятнами заливаетъ его окостенѣлое лицо. Павловъ, Бехтеревъ, Косоротовъ, Троицкій, Коковцевъ, московскій ученѣйшій раввинъ Мазе. Да какъ ихъ много! Будетъ буря, будетъ бой и твердо вѣрится, что тысячелѣтняя наука не сдастъ своихъ позицій передъ натискомъ тьмы и невѣжества...

Но гдѣ-же Сикорскій?... Его нѣтъ, онъ боленъ. Ахъ, какъ мнѣ искренно жаль, что я не увижу, что я не услышу этого рѣдкаго человѣка, который, вопреки всякому здравому смыслу, такъ охотно законопачиваетъ невинныхъ людей въ сумасшедшіе дома: достаточно вспомнить дѣло сектанта Кондрата Малеваннаго, который, благодаря экспертизѣ этого „ученѣйшаго“ мужа полтора десятка лѣтъ протомился въ казанскомъ сумасшедшемъ домѣ, откуда и былъ выпущенъ здравымъ и невредимымъ съ наступленіемъ дней россійскихъ свободъ...

Томительное ожиданіе тянетъ душу... Публика съѣхалась, какъ на премьеру въ оперу.

Безконечный трескъ разговора, наряды, бинокли, модныя шляпки, веселыя лица, радостныя улыбки... А вѣдь на самомъ-то дѣлѣ мы пришли на похороны нашей жизни, нашей культуры, нашего сознанія... Правда, начавъ за упокой, мы можемъ кончить за здравіе, но все-таки... все-таки, пока что, вотъ уже два года тянется это канительное, ужасное дѣло, и мы присутствуемъ не при разборѣ обыкновеннаго убійства, а убійства съ ритуальными цѣлями, съ цѣлями человѣческаго жертвоприношенія для ради Господа... Ужасно сознавать, что, въ сущности, судъ уже состоялся, ибо онъ открытъ, и оффиціальная рука уже наложила свой штемпель вѣры въ то, чего нѣтъ и не можетъ быть: вѣкъ канибальства уже за плечами исторіи народовъ, и кіевское населеніе, безъ различія націй, такъ же неповинно въ немъ, какъ и все культурное человѣчество.

VI.

Присяжные.

Ожиданіе кончилось...

— Прошу встать! Судъ идетъ...—и судъ, торжественно и важно, гремя регаліями своего судейскаго достоинства, вошелъ въ залу засѣданія...

Составъ присяжныхъ самый обыкновенный, обывательскій. Много крестьянъ, есть горо-

жане, чиновники. Послѣ отвода и отпуска по уважительнымъ причинамъ, выбраны 12 и 2 запасныхъ. Попали въ составъ въ большинствѣ крестьяне. Въ публикѣ раздавались огорчительныя мнѣнія по этому поводу... А мнѣ кажется, составъ вполнѣ хорошій. Наблюдая подобные же составы присяжныхъ по сектантскимъ дѣламъ, я всегда замѣчалъ крайне серьезное, совѣстливое, вдумчивое отношеніе крестьянъ къ процессамъ подобнаго рода. Все зависитъ отъ того, найдутъ-ли эксперты, найдутъ-ли защитники дорогу къ сознанію и сердцу этихъ простыхъ людей, не привыкшихъ къ ученымъ разговорамъ. Такой составъ присяжныхъ всегда робокъ и, къ сожалѣнію, крайне рѣдко рѣшаются они разспросить хорошенько о томъ, что непонятно... И интеллигенція, приходящая въ соприкосновеніе съ народомъ по столь важнымъ вопросамъ, вопросамъ науки и знанія, должна всегда принять всѣ и всяческія мѣры къ популяризаціи этихъ знаній здѣсь же, въ залѣ суда.

VII.

Эксперты.

Но вотъ, что меня удивило и встревожило. Когда возникъ вопросъ объ экспертахъ, то вдругъ было провозглашено постановленіе суда, что экспертамъ вовсе не нужно быть

всѣмъ все время въ залѣ засѣданія суда, что фактическая сторона дѣла совершенно не интересна богословамъ, что имъ можно гулять безпечно на свободѣ до конца судебнаго слѣдствія. А какъ тамъ убивали съ ритуальной цѣлью и кто убивалъ, христіанинъ-ли, еврей-ли,—богослововъ это почему-то не касается, а вотъ по книжечкамъ, по бумажкамъ они намъ пусть разскажутъ... Оставили только тѣхъ, кто занимается судебной медициной... Почтенный профессоръ Бехтеревъ, очевидно, былъ крайне изумленъ, что онъ былъ отнесенъ къ... богословамъ... Онъ даже переспросилъ: ему-то оставаться или нѣтъ? Ему разъяснили, что онъ... онъ собственно, причисленъ въ Кіевѣ къ богословамъ... Стало быть, его наука, психіатрія, не нуждается въ жизни реальной, не нуждается въ тщательномъ наблюденіи и анализѣ всего того, что происходило вокругъ этой драмы, онъ можетъ быть свободенъ до конца судебнаго слѣдствія. Процессъ, по моему, начался съ ошибки, которую въ началѣ засѣданія суда только чуть-чуть ощущали стороны, хотя и прокуроръ и защитники дружно настаивали на оставленіи всѣхъ экспертовъ въ залѣ суда... Нѣтъ, судъ большинство экспертовъ все-таки освободилъ, предоставивъ право, правда, и безъ того принадлежащее имъ по закону, находиться по желанію въ залѣ засѣданія суда когда угодно.

Самый главный пунктъ процесса—это ритуалъ убійства, схема и форма пораненій, вытачиваніе крови, способы ея собиранія, храненія, предполагаемая ловля Ющинскаго Бейлисомъ и какими-то фантастическими евреями въ опереточныхъ костюмахъ... И господа богословы, и отнынѣ причисленный къ нимъ профессоръ психіатріи Бехтеревъ, могутъ отсутствовать и ничего этого не слыхать... Какъ же такъ? Кто-же долженъ опредѣлять ритуалъ? Или господинъ Замысловскій и Шмаковъ по Лютостанскому? Для чего же были вызваны эксперты отъ науки, которые должны сказать свое безпристрастное мнѣніе на основаніи всего матеріала судебнаго слѣдствія, а не только при помощи книжной премудрости? А если всѣ эти раны Ющинскому были нанесены, предположимъ, садистомъ, въ мученіи жертвы обрѣтавшимъ величайшее наслажденіе, кто будетъ опредѣлять это крайне распространенное среди преступнаго міра явленіе? Или можетъ быть все тѣже всевѣдущіе и всезнающіе Шмаковъ и Замысловскій, которымъ уже до судебнаго слѣдствія стало „доподлинно извѣстно“, что „Бейлисъ подговаривалъ Козаченко отравить нѣкоторыхъ свидѣтелей“, — какъ это заявилъ чуть-ли не въ первой своей репликѣ гражданскій истецъ Замысловскій.

Этотъ моментъ самаго начала процесса долженъ былъ внушить серьезную тревогу въ ка-

ждомъ, кто только отдавалъ себѣ отчетъ въ роли и значенiи свободной, независимой, научной экспертизы, особенно, въ такихъ дѣлахъ, гдѣ провозглашаются религiозные мотивы, столь часто имѣющiе прямое сходство съ психопатологическими явленiями жизни. Нѣтъ, эксперты отъ науки все время обязательно должны были присутствовать въ теченiе всего процесса. Они обязаны, по той величайшей отвѣтственности, которая выпадаетъ на ихъ долю, самымъ активнымъ образомъ вмѣшиваться въ процессъ, и пользуясь закономъ предоставленнымъ имъ правомъ, задавать черезъ предсѣдателя всѣ нужные для ихъ научнаго мнѣнiя вопросы, провѣрять, проанализировывать каждый отвѣтъ свидѣтелей, которые и не предполагаютъ, что тотъ или иной косвенный контрольный вопросъ сразу можетъ измѣнить всю картину слѣдствiя и суда. Надо всегда помнить, что суду присяжныхъ,—особенно если составъ котораго выясняется, какъ самый обыкновенный, обывательскiй,—необходимо помочь всесторонне разобраться, тѣмъ болѣе въ такомъ запутанномъ дѣлѣ, тянувшемся болѣе двухъ лѣтъ, имѣвшемъ множество наслоенiй, выросшихъ въ пылу горячей ненависти и злорадства, подъ натискомъ разносторонней агитацiи. Такiе процессы всегда чреваты громадными неожиданностями. Именно, на экспертизу въ этомъ процессѣ смотрѣлъ

весь культурный міръ, и блестяще представленныя научныя силы могли и должны были служить гарантіей для всѣхъ, что и судейская истина восторжествуетъ въ кіевскомъ разбирательствѣ. Мнѣніе экспертизы—вотъ самый главный и центральный пунктъ этого суда, какъ для Россіи, такъ и для Европы и Америки.

И теперь, послѣ окончанія процесса, когда мы вспоминаемъ всѣ обстоятельства суда, мы еще болѣе убѣждены въ томъ, что отсутствіе экспертовъ и ихъ невмѣшательство въ ходъ судебнаго слѣдствія при допросѣ многихъ свидѣтелей, является отрицательной стороной этого удивительнаго, неслыханнаго дѣла.

VIII.

Свидѣтели.

Дѣлаютъ перекличку и опросъ свидѣтелей. Приходятъ они по группамъ. Какая разношерстная толпа: рабочіе, мастеровые, бездомные, бродяги, очевидно, не имѣющіе ни профессіи, ни ремесла, размалеванныя дѣвицы крайне подозрительнаго свойства, союзники, молодые люди съ двуглавыми орлами въ петличкѣ, духовныя лица, чиновникъ, элементы улицы, преступнаго міра и дѣти. Ихъ человѣкъ десять. Какъ жаль дѣтей! Робкія, измученныя, украдкой входятъ они и жмутся другъ къ другу, къ взрослымъ. Ихъ опрашиваютъ.

Иногда тихо, иногда крикливо отвѣчаютъ они и робѣютъ, какъ затравленные звѣрьки... Зачѣмъ дѣтей вмѣшали въ это ужасное дѣло?... А вотъ она, дѣвочка въ шляпкѣ... Какъ горько, какъ неудержимо плакала она тамъ на лѣстницѣ, приговаривая утѣшавшей ее женщинѣ: „я боюсь, я боюсь“...

Бѣдная дѣвочка, какіе кошмары съ юныхъ лѣтъ уже мучаютъ тебя!...

— А вотъ это воры,—говоритъ мнѣ какой-то присутствующій здѣсь сѣдоватый мущина.

— Какъ воры?...

— Да такъ, по воровской части...

Я изумляюсь.

— Живу я на Горѣ, грабежи у насъ постоянные были, прямо хоть уѣзжай или бѣги...— разсказываетъ мнѣ словоохотливый случайный сосѣдъ. — Полиція ничего сдѣлать не можетъ... Годика два пострадалъ я такъ... Ну, думаю, на полицію плохая надежда... Махнулъ на нее рукой... Сталъ знакомиться съ ворами... Говорю: господа воры, снимите у меня квартиру, вамъ все-равно гдѣ-либо жить надо...

— Оно, дѣйствительно,—говорятъ они,— надо...

И сняли... И что же вы думаете—все прошло... Хожу ужъ вотъ сколько лѣтъ у себя на Горѣ, какъ по Крещатику: ни кражи, ни разбою—все прекратилось... Только разъ приходитъ ко мнѣ околоточный и спрашиваетъ: у

васъ квартируютъ такіе-то? У меня, говорю... А у самого сердце такъ и упало: ну, думаю, бѣда, уберутъ отъ меня воровъ моихъ—пропалъ тогда я, жить будетъ нельзя, хоть убѣгай съ Горы, а вѣдь Лукьяновка наша—красавица, Швейцарія кіевская...

— А зачѣмъ, говорю, вамъ они нужны?

— Да вотъ слѣдователь вызываетъ... Тамъ, гдѣ-то монашку убили, такъ вотъ подозрѣніе на вашихъ квартирантовъ имѣется...

И вотъ такой-то элементъ въ достаточномъ изобиліи присутствуетъ здѣсь среди свидѣтелей... А вотъ какъ разъ ведутъ двухъ подъ сильнымъ конвоемъ, пришедшихъ прямо изъ тюрьмы. Одного, оказалось, привели по ошибкѣ, но другой остался въ свидѣтеляхъ. Одного, уже осужденнаго, гонятъ откуда-то изъ Сибири по этапу. Одинъ свидѣтель-арестантъ умеръ въ тюрьмѣ... И все это уголовные... Ясно, что въ этомъ дѣлѣ Бейлиса сильно замѣшана преступная среда...

А вотъ она, знаменитая Вѣра Чеберякова... Женщина худенькая, маленькая, но вся огонь и крѣпкая, желѣзная воля... Это она, покорительница и повелительница сердецъ жителей Горы, это она, страстная и порывистая, вертѣла всѣми, какъ хотѣла... Это она обмотала вокругъ пальца всѣхъ казенныхъ и добровольныхъ Шерлоковъ-Холмсовъ, оставшись твердой и неуязвимой при массѣ косвенныхъ

уликъ, которыя крутятся надъ головой этого своеобразнаго міра,—міра кіевской Горы.

Интересно будетъ узнать этотъ міръ...

IX.

Обвиняемый.

Что писать о немъ, объ этомъ самомъ заурядномъ евреѣ среднихъ лѣтъ, лицо котораго такъ всѣмъ хорошо знакомо?... Вы его видѣли и въ аптекѣ, и въ университетѣ, и среди рабочихъ... Черные, какъ смоль, волосы, зачесанные кверху, плотно и густо обрамляютъ его какъ будто-бы загорѣлое лицо, сливаясь съ аккуратно подстриженной густой, черной, закругленной бородкой. Но онъ блѣденъ и худъ. Всмотритесь въ него въ профиль и вы увидите, какъ заострились скулы, какъ впали щеки, какъ блѣденъ лобъ... Два года и два мѣсяца одиночной тюрьмы, два года и два мѣсяца безпрерывныхъ терзаній и мученій не могли и не могутъ пройти безслѣдно. Но онъ владѣетъ собой. Только иногда, когда что-либо рѣзанетъ его изболѣвшее сердце, онъ вдругъ исчезаетъ изъ поля зрѣнія слушателей этого ужаснаго процесса... Онъ припадаетъ лицомъ къ колѣнамъ и глухо, отрывисто рыдаетъ, хрипя и стоная... Эти вопли и эти стоны волнуютъ всѣхъ...

Въ публикѣ проносится тревога, лица морщатся и вотъ-вотъ, того гляди, у многихъ хлы-

нутъ благодатныя слезы... Суду, экспертамъ громадной волнѣ чиновничества, сидящаго, тамъ, за креслами суда, всѣмъ-всѣмъ дѣлается не по себѣ...

Но почему же такъ мало говорятъ о немъ, объ этомъ главномъ лицѣ процесса, котораго объявили людоѣдомъ, заперли въ камеру, засадили за рѣшетку, окружили непроницаемымъ кольцомъ тюремной стражи?... Ни въ одномъ процессѣ, нигдѣ я не видѣлъ такъ много солдатъ возлѣ одного беззащитнаго, смирнаго, запуганнаго подсудимаго... Вѣдь даже общеніе съ подсудимымъ его защитникамъ было обставлено совершенно особенными предосторожностями, въ рѣдчайшихъ случаяхъ примѣняемыми... Конвой каждый разъ долженъ сдавать Бейлиса подъ расписку самому предсѣдателю, когда кто-либо изъ защитниковъ пожелаетъ говорить съ нимъ наединѣ. Предсѣдатель долженъ допустить свиданіе и послѣ свиданія вновь сдать этого несчастнаго Бейлиса конвою подъ новую расписку, а конвой обязанъ, вновь принимая его, произвести тщательный личный обыскъ... Смотрите, сколько испишутъ бумаги, сколько потратятъ времени, сколько исполнятъ сложныхъ формальностей, чтобы осуществить законнѣйшее право подсудимаго всегда, во всякую минуту, общаться со своими защитниками.

Его разсматриваютъ въ лорнетки и бинокли, но вотъ, что удивительно: даже эта публика, проникшая въ залу засѣданія по особому ходатайству, очевидно, чувствуетъ неправоту дѣла и въ перерывахъ, въ буфетѣ, на лѣстницѣ, въ коридорахъ, постоянно слышны возгласы: „ну, какой же онъ убійца? Не похожъ: онъ не можетъ убить“. А тамъ, за прокурорской кафедрой, братъ историка-профессора Виппера,—товарищъ прокурора Випперъ, убѣжденъ что и въ наши дни среди насъ живутъ людоѣды... Какъ странно это видѣть, какъ странно это слышать въ XX вѣкѣ христіанской цивилизаціи!..

Что же сказать еще о Бейлисѣ?... Право трудно... Вотъ, когда я увидѣлъ его въ перерывѣ, успокоившагося, ласково смотрящаго на конвойныхъ, шутившаго и разговаривавшаго съ ними, и когда я въ глазахъ этихъ суровыхъ солдатъ, видавшихъ всякіе виды, не нашелъ и искры озлобленности или предубѣжденности противъ того, кого приказано такъ тщательно охранять, я подумалъ: да вѣдь подсудимаго-то собственно нѣтъ въ залѣ засѣданія суда! Онъ отсутствуетъ... Онъ гдѣ-то тамъ схоронился за стѣнами суда, тотъ преступникъ, который дѣйствительно убилъ неповиннаго мальчика Андрея Ющинскаго...

X.

Гражданскіе истцы.

Не знаю какъ и чѣмъ благодарить судьбу, что въ этомъ процессѣ участвуютъ гражданскіе истцы, причемъ такіе прославленные на многихъ поприщахъ люди: мы говоримъ про господина Шмакова,—этого столба и утвержденія всѣхъ „истинъ“ союзниковъ, и про господина Замысловскаго,—этого вдохновеннаго борца съ порядками и образомъ дѣйствія, такъ пышно расцвѣтшими въ сыскныхъ и охранныхъ отдѣленіяхъ всероссійской полиціи.

Человѣчество именно обязано убѣленному сѣдинами Шмакову раскрытіемъ на судѣ истиннаго мотива всего этого дѣла Бейлиса, который онъ почти геніально обнаружилъ... Этотъ представитель „союза русскаго народа“, пріѣхавшій въ Кіевъ, на удивленіе всѣхъ народовъ, доказать, что среди насъ есть людоѣды и кровопійцы въ прямомъ, а не въ переносномъ смыслѣ, особенно старательно допрашивалъ отца-діакона, учителя покойнаго Андрея Ющинскаго, присутствовавшаго на похоронахъ этой юной жертвы преступной руки.

Страстность и настойчивость допроса гражданскаго истца Шмакова передалась отцу діа-

кону и онъ воспылалъ прекрасной мечтой стать глашатаемъ истины, и взялъ, да и грянулъ:

— Какъ тѣло предавали землѣ,—да-а!.. Такъ вотъ, какъ изъ тучи, посыпались въ народъ прокламаціи,—да-а!... Мы сейчасъ схватили ихъ, да-а!... Преступники, думаемъ, совершаютъ, покушеніе на тишину и порядокъ и...стали читать...

— Что же-съ вы прочли?—заюлилъ тюленеобразный Шмаковъ...

— Прочли мы нижеслѣдующее: православные-христіане, Андрюшу Ющинскаго замучили жиды. Православные-христіане—бейте жидовъ!.. Да-а!..—И отецъ діаконъ покраснѣлъ и сильно крякнулъ...

Коротко, ясно, вразумительно!...

Шмаковъ—этотъ новоявленный любитель истины,—такъ и сѣлъ, точно его оглушили огромной дубиной, раскрылъ ротъ, таращитъ глаза, что-то бурчитъ, хрипитъ никому непонятное!...

Минута была замѣчательная, напряженная...

Вы должны знать, что Бейлиса арестовали далеко послѣ раскрытія убійства, когда процессу захотѣли придать характеръ ритуальности. А тутъ на судѣ вдругъ устанавливается отцомъ діакономъ, что сейчасъ же, какъ только нашли Ющинскаго, господа союзники, еще безъ суда и слѣдствія уже стали обвинять евреевъ въ убійствѣ Андрюши съ опредѣленной ритуальной цѣлью и на этомъ основаніи рѣшали

учинить погромъ! Вотъ одинъ изъ ключей этого необыкновеннаго для всего цивилизованнаго міра процесса,—одинъ изъ тѣхъ ключей, которымъ будетъ открываться ларчикъ истины.

Такъ вотъ оно что! Еще на похоронахъ Ющинскаго, вскорѣ, какъ только его нашли, вы, господа погромщики, уже знали убійцъ и мотивы убійства и призывали къ погрому еврейскаго населенія!

Такъ вотъ оно, откуда идетъ эта исторія о ритуальномъ убійствѣ! Такъ вотъ они—источники мудрости и знанія господъ современныхъ ритуалистовъ! Воистину великолѣпно! Да вѣдь одно это обстоятельство сразу переворачиваетъ все!... Да вѣдь здѣсь какая-то политическая махинація, чей-то расчетъ, какое-то ловленіе въ мутной водѣ драгоцѣнной рыбки!.. И все это открылъ господинъ Шмаковъ, поборникъ союзнической истины и справедливости... Правда, этими словами отца-діакона онъ былъ сильно взволнованъ, даже потрясенъ... Прекратилъ почти допросъ и надолго умолкъ, а его блѣдное, желтоватое лицо осунулось и сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ, такъ что мы публика, боялись, какъ-бы чего не случилось бы дурного съ этимъ старцемъ... Оно и понятно: какъ не волноваться, когда знаешь, что именно ты и есть виновникъ громадной важности открытія...

А господинъ Замысловскій, этотъ все насчетъ тайной полиціи—разоблачилъ ее уже въ достаточной мѣрѣ: статью закона примѣнила ту, которую не имѣла права примѣнять, запугивала и застращивала свидѣтелей и подозрѣваемыхъ, кого-то брила, кого-то красила, лишь бы въ чемъ-то кого-то уличить, однимъ словомъ, тайная полиція нарушала законъ рѣшительно на каждомъ шагу, и даже страшно становится за обывательскую жизнь, и такъ и хочется сказать, опираясь на разоблаченія Замысловскаго: да вѣдь это, милостивые государи, какая-то каморра, маффія... Вѣдь такъ жить нельзя! Господинъ Замысловскій, вносите скорѣе законопроектъ въ Государственную Думу объ уничтоженіи что-ли этихъ „сообществъ"– вотъ прямой выводъ изъ словъ, произносимыхъ на судѣ гражданскимъ истцомъ г. Замысловскимъ.

Но у меня мелькнула мысль: да, можетъ быть, въ Кіевѣ полиція-то еврейская! Навелъ справки—оказывается, нѣтъ: полиція въ Кіевѣ воистину „истинно-русская"... Вотъ тутъ и разбери!...

Есть и еще гражданскій истецъ, самый юнѣйшій изъ „стаи славныхъ". Онъ носитъ славную фамилію Дурасевича. Долгое время признаковъ жизни не проявлялъ, и на какой предметъ находился онъ въ процессѣ—это тайна отъ насъ сокрытая...

XI.

Дѣти-свидѣтели.

Вечеръ... Одиннадцатый часъ... Судъ приступилъ къ допросу дѣтей... Одинъ за другимъ идутъ малыши. Рѣдко кому исполнилось теперь четырнадцать лѣтъ. Все мелкота... Нѣкоторые отвѣчаютъ очень бойко, другіе крайне стѣсняются, путаются, сбиваются...

— Когда вы послѣдній разъ видѣли Андрюшу живымъ?

— Да такъ, вчера его нашли, а я сегодня его видѣлъ...

— Какъ, вчера нашли убитаго, а вы сегодня видѣли!..

— Да, да...—спѣшитъ подтвердить испуганный мальчуганъ.

Сдержанный, добродушный смѣшокъ проносится по залѣ суда...

Мальчику разъясняютъ, что́ онъ говоритъ... Онъ виновато обдергиваетъ курточку, переминается съ ноги на ногу, и сообразивъ, въ чемъ дѣло, чуть слышно выговариваетъ:

— Вчера его видѣлъ, а сегодня нашли...

Но, вѣдь, и это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: Андрюша долго не находился.

Мальчики блѣдны, измучены, они протомились цѣлый день взаперти, переволновались но ихъ все допрашиваютъ и допрашиваютъ...

Такъ и хочется сказать: отпустите же ихъ, вѣдь имъ давно пора спать!.. И только въ первомъ часу ночи кончается допросъ дѣтворы первой группы...

Какъ жаль, какъ тяжело смотрѣть на нихъ, на этихъ ребятъ!

У одного спросили:

— А повѣстку вы получили?

— Получилъ...

— А раньше получали повѣстки?

— Нѣтъ, это первая въ жизни...

— Какъ, а развѣ слѣдователь васъ не вызывалъ?..

— Насъ тогда цѣлымъ классомъ сразу водили...

Вотъ оно какъ: цѣлымъ классомъ!.. Только представить себѣ, что влилъ этотъ допросъ въ души малышей. Не забывайте что ихъ первый разъ допрашивали два съ половиною года тому назадъ, и тогда они были совсѣмъ малыми ребятами, только что начинавшими школу... Педагогическому міру слѣдовало бы поднять вопросъ о дѣтяхъ, вызываемыхъ на дознаніе въ судъ или въ полицію: если ужъ совершенно нельзя избѣжать этой страшной язвы воспитанія, которая должна калѣчить душу ребенка на всю жизнь, то, по крайней мѣрѣ, дѣти должны быть охраняемы въ такихъ случаяхъ родителями или родственниками, тѣмъ болѣе, какъ изъ этого процесса

все болѣе и болѣе выясняется, пріемы розыска и дознанія, практикующіеся теперь въ Россіи, распространяющіеся и на дѣтей, вызываютъ истинное изумленіе.

Все болѣе и болѣе накопляется этотъ крайне цѣнный матеріалъ, который съ такой старательностью обнаруживаетъ г. Замысловскій, преслѣдуя свою узенькую и странную идею, высказанную имъ еще въ Государственной Думѣ, что ритуальныя убійства совершаются при помощи подкупленной полиціи.

Въ результатѣ допроса дѣтей дано лишь то положительное свѣдѣніе, что они, играя съ дѣтьми своего возраста, безъ различія вѣроисповѣданія, не пропадали въ еврейскихъ домахъ для приготовленія мацы... Но, право же, не стоило бы калѣчить эти дѣтскія души такимъ громаднымъ нравственнымъ потрясеніемъ и тяжелыми переживаніями изъ-за того только, что нѣкоторые, не желающіе учиться, вздумали на весь свѣтъ утверждать то, чего нигдѣ нѣтъ во всей вселенной...

XII.

Публика.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушаетъ публика процессъ, отмѣчая каждую мелочь, все сопоставляя, сравнивая...

Настроеніе любопытства на второй же день, особенно послѣ прочтенія обвинительнаго акта,

сразу круто измѣнилось... Вдругъ всѣ насторожились... Вслухъ были сказаны слова, оттуда, съ судейскаго стола, что вотъ тотъ, кто сидитъ тамъ на скамьѣ подсудимыхъ, обвиняется въ соучастіи въ людоѣдствѣ... Вслухъ были оглашены различныя подробности дѣла, утвержденія яко-бы ученнѣйшихъ людей, отнынѣ соединенныхъ неразрывной цѣпью солидарности: вѣрнаго послѣдователя Лойолы, ксендза Пранайтиса, и достойнаго мужа науки, профессора Сикорскаго... Эти кровью несуществующаго ритуала спаянные братья, теперь вошли въ исторію русскаго позора и оскорбленія всей научной мысли. Публика все это усмотрѣла, всколыхнулась, заволновалась и словно поняла и свою долю отвѣтственности за все то, что совершалось тамъ, въ стѣнахъ кіевскаго окружного суда...

— Я человѣкъ, убѣжденно правый,—говорилъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ публикѣ, почтеннаго возраста, — но я вездѣ говорю громко: стыдно жить на свѣтѣ, когда знаешь, что могутъ возникать въ наше время подобныя дѣла...

И все болѣе и болѣе слагается мнѣніе, что здѣсь въ этомъ дѣлѣ, „подведена мина“, какъ мнѣ прекрасно формулировалъ сущность процесса простой человѣкъ съ улицы...

Будемъ же терпѣливо ждать, когда, наконецъ, всесторонній анализъ всѣхъ обстоя-

тельствъ дѣла вскроетъ этотъ гнойный нарывъ нашей современности.

XIII.

Пресса.

Знаетъ-ли Россія какой-либо иной процессъ, за которымъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили всѣ не только у насъ, но и въ Западной Европѣ и Америкѣ? Отчего къ этому дѣлу такое исключительное вниманіе всѣхъ? Люди, помѣшанные на евреяхъ, конечно, думаютъ, что это дѣло раскричали они — „евреи". На самомъ-же дѣлѣ совершенно иныя причины заставили всколыхнуться весь міръ. Современное культурное человѣчество не хочетъ, и не можетъ мириться съ мыслью, что имѣется хоть тѣнь какого-либо основанія предполагать, что въ XX вѣкѣ, когда люди побороли атмосферу, когда дѣйствуютъ безпроволочные телеграфы, радій и иксъ-лучи, когда политическая и соціальная жизнь во всѣхъ странахъ, даже самыхъ отсталыхъ, такъ сильно шагнула впередъ, среди насъ живутъ и ходятъ людоѣды, кровопійцы, нуждающіеся въ человѣческой крови для божественныхъ жертвоприношеній... Нѣтъ, этого нѣтъ и не можетъ быть... Вотъ почему равно во всѣхъ частяхъ свѣта, и свѣтскія и духовныя лица, и ученые, и литераторы, и рабочіе, и капиталисты, и короли, и представители

самыхъ крайнихъ политическихъ партій, и проповѣдники, и артисты, и писатели — всѣ всѣ, какъ одинъ, каждый по мѣрѣ силъ своихъ, кричатъ, что есть силы, — что нѣтъ и нѣтъ того, что вы, господа правые, любители политическихъ махинацій, такъ тщательно, но тщетно хотите утвердить въ жизни. И я убѣжденъ, что по мѣрѣ того, какъ этотъ процессъ будетъ подвигаться все впередъ и впередъ, общественная совѣсть будетъ еще болѣе обезпокоена, и она властно и твердо, вездѣ и всюду потребуетъ одного рѣшенія, согласнаго съ истиной.

Представители прессы не только русской, но и иностранной, внизу и наверху заняли мѣста, биткомъ набившись всюду, гдѣ только можно... Телеграфъ работаетъ такъ, какъ никогда, кажется, еще не работалъ въ Кіевѣ. Какое-то лихорадочное чувство охватываетъ всѣхъ. Всѣ волнуются, всѣ чувствуютъ, что это не простой уголовный процессъ, а нѣчто значительное и важное. Не о Бейлисѣ идетъ здѣсь рѣчь, а о цѣломъ еврейскомъ народѣ и не только о немъ, но и о всей русской культурѣ...

Я не знаю другого процесса, въ которомъ такую огромную роль сыграла бы пресса, своимъ ежедневнымъ газетнымъ обстрѣломъ всего цивилизованнаго міра, который мы наблюдали въ эти знаменательные тридцать пять дней. Де-

сятки корреспондентовъ, съ энергіей и нервностью, присущей представителямъ этой профессіи, безъ устали, съ утра до ночи, проводившимъ въ стѣнахъ суда, черезъ телеграфъ, телефонъ, почту, кондукторовъ желѣзныхъ дорогъ, частныхъ и нарочныхъ курьеровъ, разносили по всему свѣту свѣдѣнія о малѣйшемъ зигзагѣ, о малѣйшемъ измѣненіи въ ходѣ процесса, въ настроеніи публики, защитниковъ, судей, прокурора, присяжныхъ...

Здѣсь, въ этомъ маленькомъ помѣщеніи на хорахъ, въ поднебесьѣ кіевскаго окружного суда, въ этомъ прокоптѣломъ грязномъ судейскомъ буфетѣ и коридорахъ, здѣсь временно была развернута лабораторія общественнаго мнѣнія. Отсюда кидались всѣ свѣдѣнія о процессѣ, всѣ лозунги дня по отношенію къ этому дѣлу, подчеркивались тѣ или иныя стороны его, давая возможность тамъ, въ столицахъ Россіи и міра, въ городахъ широкой провинціи разрабатывать въ редакціяхъ общественные мотивы и побужденія, оцѣнивая и переоцѣнивая то или иное выступленіе, то или иное мнѣніе общественныхъ группъ, представителей общественнаго мнѣнія. И не думайте, что тамъ, въ Кіевѣ, все было безстрастно, хроникерски спокойно... Нѣтъ, тамъ отзывались всѣ направленія, всѣ страсти широкаго политическаго горизонта, на который распространилось вліяніе этого небывалаго процесса...

Я хорошо помню то смятеніе, почти ужасъ, который охватилъ черные ряды представителей мракобѣсной печати, когда разнесся сначала робкій слухъ, быстро окрѣпшій, нашедшій какія-то подтвержденія и покатившійся, наконецъ, повсюду какъ сама истина, слухъ о томъ, что Сингаевскій сознался въ тюрьмѣ, что именно онъ и есть убійца Андрея Ющинскаго, и что онъ сейчасъ здѣсь, на судѣ, открыто признается въ этомъ.

Ахъ, какъ забѣгали эти столь офиціально серіозные, надутые, осанистые люди и людишки, пріѣхавшіе туда, въ Кіевъ, представлять изъ себя „истинно-русское мнѣніе“ русскаго народа, которому въ сущности нѣтъ никакого дѣла до этихъ ставленниковъ черносотенной печати.

— Неужели, неужели это случится?... Неужели онъ сознается?...—волновался одинъ изъ сей „стаи славныхъ“.

— Вѣдь это ужасно!...

— Что собственно ужаснаго видите вы въ этомъ,—отвѣтилъ ему одинъ изъ весьма хладнокровныхъ политиковъ,—почему же? Это будетъ очень хорошо...

— Ахъ да, вы все о справедливости, невинный не будетъ осужденъ, истина восторжествуетъ...

— Ну, конечно, это будетъ только всѣмъ пріятно...

— А чортъ съ нимъ, съ этимъ подсудимымъ, будетъ онъ въ каторгѣ или на волѣ— мнѣ безразлично!...

— Какъ? А что же для васъ важно?...

— Ри-ту-а-ла, — понимаете — ри-ту-а-ла не будетъ, вотъ что ужасно!... Намъ нуженъ ритуалъ во что бы то ни стало...

— Ну знаете,—отвѣтилъ хладнокровный политикъ,—такой нужды я не только не понимаю, но и говорить о ней не хочу...

Вотъ видите въ чемъ нужда: нуженъ ритуалъ! Подай его сюда да и только?! Для чего это вамъ, господа, онъ потребовался?...

Неужели только для того, чтобы подтвердить несуществующими фактами ту безудержную болтовню о ритуалѣ, которую вы развели съ такой лстивой охотой, думая, что это очень модно, ново и мило?... Неужели только для этого?... Неужели у васъ не хватило мужества сказать вездѣ и всюду, что вы просто были введены въ заблужденіе, что это ошибка... Вѣдь, право же, это было бы не только честнѣй, но красивѣй и сильнѣй, чѣмъ то, что получилось въ концѣ концовъ изъ всѣхъ вашихъ смѣшныхъ усилій и натугъ.

Но мы думаемъ, что такое объясненіе, весьма распространенное теперь, не достаточно. Болтовня болтовней... Но почему же не обратить ее въ нѣкую политическую цѣнность, разъ она сама падаетъ въ ротъ, какъ манна

съ неба... Ну вотъ и рады стараться... и перестарались.

Не разъ, во время процесса, среди насъ журналистовъ, тамъ присутствовавшихъ, поднимались споры о значеніи и смыслѣ этого процесса и всегда съ кристаллической ясностью обнаруживались сейчасъ же не только всѣ симпатіи и антипатіи тѣхъ или иныхъ политическихъ группъ, но даже оттѣнки политической мысли ярко звучали и въ рѣчахъ, и, конечно, въ сообщеніяхъ всей пишущей братіи присутствовавшей тамъ, въ Кіевѣ, въ эти страдные дни дѣла Бейлиса: такое, несомнѣнно, политическое значеніе имѣетъ этотъ исключительный процессъ.

Но я долженъ отмѣтить, что общая бѣда и несчастіе, обрушившіяся на культурную Россію вмѣстѣ съ этимъ процессомъ, дали возможность найти нѣкоторыя плоскости, объединившія, конечно, на время, и даже на короткое время, многіе и многіе прогрессивные и демократическіе элементы прессы, элементы народа и общества.

XIV.

Покушеніе на свободу печати.

Ошеломляющее впечатлѣніе произвело неожиданное заявленіе товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты, присланнаго нарочито изъ столицы на процессъ Бейлиса.

Товарищъ прокурора Випперъ недоволенъ всероссійской печатью. Онъ признаетъ, что процессъ Бейлиса-Ющинскаго—міровой процессъ. Онъ признаетъ, что имъ очень заняты въ Россіи, но въ интересахъ справедливости, правды и истины онъ полагаетъ,что необходимо обуздать печать, и запретить давать не только стенографическіе, но и всякіе вообще отчеты и статьи по этому дѣлу.

Товарищъ прокурора придумалъ все это основательно, и даже статьи закона призвалъ себѣ на подмогу. Посмотримъ же, что это за статьи? Прокуроръ назвалъ ихъ три: 633, 645 и 699 устава уголовнаго судопроизводства.

Что же въ нихъ говорится?

Вотъ ихъ текстъ:

„633. Судебное засѣданіе по каждому дѣлу должно происходить непрерывно, за исключеніемъ времени, необходимаго для отдохновенія.“

„645. По провѣркѣ списка свидѣтелей, предсѣдатель суда приглашаетъ ихъ удалиться въ назначенную для нихъ особую комнату и не выходить оттуда прежде вызова ихъ къ допросу. При этомъ принимаются мѣры къ воспрепятствованію свидѣтелямъ стачки между собой.“

„699. Свидѣтели, высланные при открытіи судебнаго засѣданія въ особую комнату, призываются въ присутствіе суда порознь.“

Вчитайтесь въ нихъ. Какое же отношеніе имѣютъ онѣ къ поднятому вопросу, и — вы увидите, что рѣшительно никакого.

Если г. товарищъ прокурора не желалъ довѣрять добросовѣстности свидѣтелей, несмотря на принятую ими присягу и клятвенное обѣщаніе показывать лишь одну истинную правду, то почему-же, зачѣмъ-же онъ согласился на предложеніе предсѣдателя отпустить ихъ домой, а не оставилъ ихъ въ зданіи суда — если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ? Если онъ боится гласности, если онъ видитъ въ печати только „обработку общественнаго мнѣнія“, какъ угодно ему было заявить въ судѣ о работѣ міровой прессы, что защитники совершенно правильно занесли немедленно въ протоколъ, то почему же онъ передъ началомъ процесса не ходатайствовалъ о закрытіи дверей?

Правда, это ходатайство, конечно, было бы отвергнуто судомъ, но это былъ бы, по крайней мѣрѣ, законный путь, а теперь, во время процесса, вдругъ спохватиться, испугаться гласности и просить объ уничтоженіи, мѣрами суда, печати и общественной трибуны въ этомъ дѣйствительно міровомъ процессѣ,—значитъ, по меньшей мѣрѣ, быть крайне неувѣренно, крайне нервно настроеннымъ. Правда не боится свѣта, правда не боится гласности, и

чѣмъ будетъ ее больше, тѣмъ лучше, ибо никогда не надо забывать давнишнее изреченіе, что „свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ!“

Вся исторія уголовныхъ процессовъ врядъ ли знаетъ хоть одинъ такой еще примѣръ удивительнаго прокурорскаго покушенія на свободу и независимость общественнаго мнѣнія, гласности суда, общественной совѣсти и печати.

И мы можемъ отмѣтить, что составъ кіевскаго окружного суда съ достоинствомъ выдержалъ эту неожиданную атаку. Быстро давъ себѣ отчетъ въ этомъ неслыханномъ требованіи со стороны товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты г. Виппера, судъ въ одну минуту, не допустивъ даже до обсужденія сторонами возбужденный вопросъ, призналъ не только невозможность удовлетворенія ходатайства, но даже недопустимость его разрѣшенія, какъ выходящаго изъ рамокъ компетенціи суда.

Свобода освѣдомленія публики о процессѣ обезпечена, такимъ образомъ, компетентнымъ постановленіемъ суда, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о свободѣ обсужденія самого процесса.

Такъ писали мы тогда по горячему слѣду событій. Оглядываясь назадъ мы должны добавить, что обсужденіе процесса, какъ извѣстно, повлекло за собой цѣлый рядъ админи-

стративныхъ каръ и взысканій. А освѣдомленіе о процессѣ было настолько съужено прямымъ и косвеннымъ давленіемъ на печать, что многія весьма красочныя стороны судебнаго слѣдствія и суда такъ и остались совершенно не затронутыми въ печати.

XV.

Свидѣтель—еврейскій мальчикъ.

— Пригласите свидѣтеля Арендера.

Вошелъ свидѣтель Арендеръ.

Маленькій, худенькій, черненькій, пугливый...

— Разскажите, что вы знаете по дѣлу Бейлиса...

Чуть слышенъ дѣтскій лепетъ...

— Ничего не слышно,—замѣчаетъ сердито товарищъ прокурора.

— Ничего не слышно, — процѣдили гражданскіе истцы, недобрымъ взглядомъ окидывая ребенка.

— Говорите громче... мальчикъ,—говоритъ предсѣдатель, — подойдите ко мнѣ поближе, вотъ станьте здѣсь, не волнуйтесь и разскажите все, что знаете...

Мальчикъ, ободренный, немножко громче говоритъ, что они играли вмѣстѣ съ Андрюшей, дружили...

— Ну, вотъ, хорошо... Пойдите туда за барьеръ и громко, во весь голосъ повторите, что вы сказали мнѣ...

Мальчикъ идетъ, туда за барьеръ. И мы видимъ его лицо, блѣдное, помутнѣлое,—широко раскрытые глаза полны тревоги, боязни... Такъ и кажется, что онъ вотъ-вотъ заплачетъ...

Онъ пытается повторить какъ можно громче, то, что сказалъ предсѣдателю, но окидываемый перекрестными недоброжелательными взглядами, что-то хрипитъ, смущается...

Предсѣдатель предлагаетъ товарищу прокурора задавать вопросы. Тотъ, крикливо и рѣзко, задаетъ нѣсколько вопросовъ.

Мальчикъ кое-какъ справляется и отвѣчаетъ...

Выступаетъ юнѣйшій изъ гражданскихъ истцовъ, не подававшій доселѣ признаковъ жизни, господинъ Дурасевичъ. Онъ сидитъ очень важно, развалясь, и дѣлаетъ видъ, что именно отъ него зависитъ здѣсь все, что онъ такъ все отлично понимаетъ, какъ никто, и если молчитъ, то только потому, что стоитъ-ли ему ввязываться во всѣ эти пустяки?.. Его дѣло впереди... Но печать отсутствія всякой мысли, такъ великолѣпно запечатлѣнная самой матерью-природой на его деревянномъ лицѣ, выдаетъ съ головой истинное положеніе вещей...

— А скажите-ка, свидѣтель,—цѣдитъ онъ съ разстановкой сквозь зубы, окидывая мальчика такимъ взглядомъ, что такъ и кажется, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ бросится съ нимъ на кулачки...—А скажите, у васъ было игрушечное ружье?

— Вотъ такъ загнулъ! — подумалъ я,— вотъ онъ „настоящій“ вопросъ истиннаго блюстителя справедливости... Ай да юнѣйшій!...

— Было, — лепечетъ мальчикъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ,—я его Андрюшѣ подарилъ, мы дружили съ Андрюшей, онъ попросилъ, а я подарилъ,—оживляется мальчикъ...

— Да—а... подари-и-л-и?.. Да...

— А голуби у васъ были?

— Голуби были? — сердито и отрывисто переспросилъ онъ...

— Были,—пискнулъ мальчикъ...

— Вы ихъ Андрюшѣ продали?

— Продалъ...

— Сами купили за десять, а продали за сколько, за двадцать копеекъ?

— Да,—чуть не плача, выговорилъ этотъ маленькій представитель сѣмени Израиля,—и, вѣроятно, думалъ:—ну, конечно, пропалъ я! О, маммеле, о таттеле... Спасите меня!

Вопросовъ больше не имѣю, —отрывисто отчеканилъ юнѣйшій изъ стаи славныхъ, гордо откинулся на спинку стула, вертя карандашъ и съ видомъ побѣдителя посматривая на публику...

Тишина. Публика вздыхаетъ, жалѣетъ мальчика.

— И зачѣмъ такъ мучить ребенка?—говоритъ почтенная чиновница, — вотъ безсердечье...

Въ это время, какъ благодатный благовѣстъ, раздался мягкій, любовный, полный ободренія и ласки, голосъ дѣдушки къ внуку, голосъ присяжнаго повѣреннаго Карабчевскаго:

— Мальчикъ, вы любили голубей?...

— Любилъ...

— И что-же, вы ихъ купили или вамъ кто подарилъ ихъ?...

— Купилъ...

— Десять копеекъ дали?...

— Далъ...

— Что-же, они у васъ долго жили?...

— Жили...

— Кормили ихъ?

— Кормилъ...

— Покупали кормъ?

— Покупалъ...

— Ну, что-жъ, десять-то копеекъ прокормили?...

— Прокормилъ...

Мальчику сразу все это стало казаться очень интереснымъ, и онъ замѣтно пріободрился.

— Такъ что десяти копеекъ, вы не нажили?

— Нѣтъ...

— Ну, вотъ...

И Карабчевскій ласково улыбается, облегчено посматривая вокругъ себя.

— А ружье вы Андрюшѣ подарили?

— Подарилъ,—спохватился мальчикъ,—мы съ нимъ дружили, онъ попросилъ, я и подарилъ...

— Вы и подарили... — заканчиваетъ мягкимъ аккордомъ Карабчевскій.

Юнѣйшій изъ гражданскихъ истцовъ тщательно изучаетъ потолокъ залы окружного суда и энергично крутитъ то мѣсто, гдѣ обыкновенно у мужчинъ растутъ усы...

XVI.

Семейство Нѣжинскихъ-Приходько-Ющинскихъ.

Приходько доводится отчимомъ убитому Андрею Ющинскому. Допросъ бабушки Андрюши, О. Нѣжинской, съ точки зрѣнія процесса менѣе всего интересенъ, такъ какъ потрясенная старушка только то и дѣлала, что искренне разсказывала свое горе, свою жалость и скорбь о пропавшемъ, послѣ оказавшемся убитымъ, мальчикѣ. Плакала она чуть слышно, вспоминая эти тяжелые, полные тревоги дни розысковъ, обнаруженія трупа, похоронъ, обысковъ, арестовъ матери Андрюши,

братьевъ Приходько... Но чего нибудь того, что хоть сколько нибудь могло пролить свѣтъ на это загадочное убійство она не сказала, да и сказать не могла.

А вотъ допросъ Ѳедора Нѣжинскаго и отчима Ющинскаго-Приходько—крайне интересенъ. Ѳедоръ Нѣжинскій у судебнаго слѣдователя опредѣленно заявилъ, что Ющинскаго навѣрное убилъ Лука Приходько, отчимъ Андрюши изъ-за векселя, который предполагался имѣющимся, переданный на имя Андрюши его отцомъ, разошедшимся съ матерью Андрюши. Этотъ оговоръ не подтвердился, а на судѣ Ѳедоръ Нѣжинскій заявлялъ, что всему тому, что онъ говорилъ у слѣдователя, его подучила говорить полиція... Слышите: опять полиція!

Крайнее недоумѣніе вызываетъ это объясненіе, которому такъ охотно вѣрить г. товарищъ прокурора и которое, къ удивленію всѣхъ, не было выяснено достаточно основательно на предварительномъ слѣдствіи. Показаніе Ѳедора Нѣжинскаго и Луки Приходько, отчима убитаго Андрюши, — первое темное мѣсто въ процессѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: передъ нами человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, находящій себѣ работу для пропитанія изо-дня въ день, иногда опускающійся до полной нищеты. Совершенно неинтеллигентный, даже скорѣе тупой, хотя упорный въ утвержденіяхъ,—и вотъ этотъ-то

человѣкъ, по его словамъ, такъ былъ запуганъ сыскной полиціей, можно сказать, такъ былъ ею терроризованъ, что... какъ вы думаете, что? Выучиваетъ наизусть громадное показаніе, по его утвержденіямъ, со словъ полиціи, и такъ все это хорошо усваиваетъ, что на всякій вопросъ слѣдователя, предлагаемый, какъ всегда, неожиданно и часто врасплохъ, — отвѣчаетъ безошибочно вѣрно, какъ ему указала полиція!.. Не говоря уже о томъ, что всякая запуганность не совмѣщается съ проявленіемъ повышенной умственной работы, просто остается рѣшительно непонятнымъ, какъ могъ этотъ простой, полуграмотный человѣкъ запомнитъ наизусть крайне сложное, съ массой вводныхъ обстоятельствъ, объясненіе?... Право, это не всякому художнику-артисту было-бы подъ силу... Нѣтъ, здѣсь что-то не то... Полиція, въ этомъ случаѣ, намъ кажется, не причемъ... Здѣсь или простой откровенный оговоръ разсорившихся родственниковъ, или что-то другое, таинственное и непонятное.

Разсказъ отчима Андрюши Ющинскаго— Луки Приходько, — ремесленника, съ страннымъ голосомъ и дегенеративной головой, не только ничего не разъясняетъ, но по-моему, еще болѣе запутываетъ... Его порывистость, эта постоянная истерика, странное волненіе, частыя присаживанія на стулъ и почти без-

прерывное питье воды производятъ впечатлѣніе крайней дѣланности, игры, неискренности... Тутъ-же сидитъ мать Андрюши — въ высшей степени спокойная, даже странно спокойная; старушка-бабушка, полная искренности, но и та не такъ волновалась... А эти забѣганія впередъ передъ прокуроромъ, эти метанія, эти изліянія горя, жалости и страданія за пасынка, никогда не бывшія при жизни, какъ свидѣтельствуютъ показанія многихъ людей,—при наличности показаній обратныхъ, говорящихъ, что Андрюшѣ не разъ влетало отъ отчима; все это кажется намъ придуманнымъ, все это грубо осуществлено въ залѣ засѣданія суда,—вотъ какое внутреннее убѣжденіе сложилось у меня, когда я тщательно вслушивался и всматривался въ показанія и дѣйствія этого весьма страннаго субъекта. Какую роль играетъ въ дѣлѣ Лука Приходько, такъ и остается тайной... Крайне интересно было бы вскрыть отношеніе Нѣжинскихъ и Приходько къ Вѣрѣ Чеберякъ и ея друзьямъ... Туда, туда намъ нужно направлять всѣ взоры... Въ дѣлѣ уже промелькнули крайне важные намеки и обстоятельства, которые въ свое время многое уяснятъ намъ изъ этой запутанной, тяжелой, кровавой драмы...

XVII.

Газетное объявленіе.

Господина товарища-прокурора очень озаботило указаніе нѣкоторыхъ свидѣтелей, что они ходили въ „Кіевскую Мысль“ просить помѣстить объявленіе о пропавшемъ мальчикѣ. Товарищъ прокурора допытывается, почему именно въ „Кіевскую Мысль“, а не въ другую какую-либо газету, и почему „объявленіе“ помѣстили даромъ? Здѣсь дѣлается какой-то ходъ противъ газеты, давно стоящей на-стражѣ интересовъ населенія безъ различія религіи и національности. Я счелъ необходимымъ, подробно изслѣдовать этотъ вопросъ, столь заинтересовавшій товарища прокурора, тѣмъ болѣе, что въ послѣдній разъ онъ свое любопытство такъ далеко простеръ, что даже спросилъ у отчима Андрюши: не удивился-ли онъ, что „объявленіе“ взяли у него безплатно и можетъ-ли онъ опознать того сотрудника „Кіевской Мысли“, который это „объявленіе“ принялъ отъ Приходько?

Насъ крайне удивляетъ неосвѣдомленность г. товарища прокурора. Не говорю уже о томъ, что онъ, задавая вопросъ, долженъ былъ-бы знать смыслъ этого вопроса. А если бы онъ этотъ смыслъ зналъ, то ему ясно было-бы, что „сотрудники“ газеты объявленій

не принимаютъ,—для этого есть контора газеты, а въ ней спеціальные агенты.

Кромѣ того ему необходимо было-бы раньше ознакомиться съ этимъ „объявленіемъ“ и отыскать его въ газетѣ. А если бы онъ потрудился это сдѣлать, то вскорѣ убѣдился бы, что такого „объявленія“ въ газетѣ совершенно нѣтъ, а, стало-быть, и вопросовъ ему-бы задавать не пришлось. Въ № отъ 17 марта 1911 года (№ 76) есть замѣтка въ „Хроникѣ“ слѣдующаго содержанія:

„Исчезнувшій ученикъ. Нѣсколько дней тому назадъ изъ квартиры своихъ родныхъ исчезъ безслѣдно ученикъ кіево-софійскаго духовнаго училища, Андрей Ющинскій. Мальчикъ послѣдній разъ былъ въ училищѣ 12 марта“.

Вотъ и все.

Именно эта замѣтка была помѣщена хроникеромъ „Кіевской Мысли“ со словъ г.г. Приходько, приходившихъ въ редакцію.

— Но почему-же не взята плата?—интересуется г. товарищъ прокурора.

Да потому, отвѣчу я, что всѣ подобнаго рода замѣтки: о пожертвованіяхъ, о заблудившихся и затерявшихся дѣтяхъ, о благотворительныхъ спектакляхъ и пр. тому подобныхъ явленіяхъ мѣстной жизни, всегда помѣщаются безплатно въ отдѣлѣ хроники. Вообще-же, нужно знать, что, согласно давно

выработавшейся этикѣ всей прогрессивной и демократической печати, все, что печатается въ отдѣлѣ хроники и въ другихъ тому подобныхъ отдѣлахъ газеты, кромѣ отдѣла объявленій, печатается безплатно.

Только шантажистскія газеты да желтая бульварная пресса позволяютъ себѣ брать плату за разнаго рода статьи и замѣтки въ текстѣ...

При чемъ же здѣсь прогрессивная, демократическая печать?

XVIII.

Кого судятъ?

На этотъ разъ мы должны сообщить нашимъ читателямъ — писали мы 30 сентября 1913 года—исключительно важную, сенсаціонную новость: Бейлиса перестали судить! И не думайте, что я преувеличиваю,—отнюдь нѣтъ... Прочтите стенограмму и вы сами сейчасъ же въ этомъ убѣдитесь. Товарищъ прокурора и повѣренный гражданской истицы Замысловскій, прилагали все это время много усилій для разоблаченія тайнъ сыскной полиціи, но засѣданіе четвертаго дня процесса совершенно особенное. До перваго перерыва, бывающаго въ концѣ перваго часа, всѣ вонзились въ Кіевскую сыскную и наружную полицію... Бѣдный городовой! Бѣдный околоточный надзиратель! Что дѣлается въ ихъ переполненныхъ

страхомъ сердцахъ, когда они слышатъ грозныя рѣчи товарища прокурора, цѣпкіе допросы Замысловскаго, сердитое ворчаніе Шмакова и даже попытки нападенія юнѣйшаго изъ ритуалистовъ — господина Дурасевича. Вѣдь до сего времени такое огорченіе полиціи наносила только демократическая пресса, тѣ „революціонные листки“, которые столько испортили крови у всякаго начальства. А теперь, теперь... увы, „свои“ пошли войной: и товарищъ прокурора, и самъ Замысловскій!...

Но долженъ признаться, мы узнали здѣсь дѣйствительно пикантныя вещи. Мальчики, играя, нашли трупъ, сейчасъ же заявили объ этомъ.

Эка бѣда!... Подождетъ трупъ. Послать туда городового... Городовой лазилъ въ пещеру,— убѣдился,—трупъ въ самомъ дѣлѣ есть... Сейчасъ-же къ телефону, звонитъ въ участокъ:

— Такъ што, ваше бр-одіе, упокойника нашли...

Послали записку околоточному на квартиру: ты, что, молъ, сидишь дома, у тебя, молъ, тамъ упокойникъ въ околоткѣ, въ пещерѣ лежитъ. Нечего дѣлать... Надо идти... Пришелъ... Подошли городовые... Народъ валомъ валитъ... Должно вотъ-вотъ прійти начальство... Притащили лопату, давай снѣгъ расчищать, чтобы ихъ благородіямъ ножки не запачкать...

— Кто велѣлъ расчищать? Откуда лопата?— добивается Замысловскій.

Не тутъ-то было: никто ничего не помнитъ: расчищать—расчищали, а по чьему приказу—неизвѣстно.

— Я не приказывалъ! — заявилъ сердито околоточный.

— Снѣгъ сгребали, да и землицу изъ пещеры выкидывали...

— Какъ, и землю?..

— Точно такъ...

— Да развѣ вы не знаете, что полиція обязана сохранять всѣ слѣды преступленія, охранять мѣстность, не нарушать картину, гдѣ совершено преступленіе?

— Какъ-же-съ, знаемъ, —отвѣчаетъ бравый околоточный, увертливо поглядывая направо и налѣво.

— Такъ почему-же вы это дѣлали?—добивается положительно неугомонный врагъ полиціи, Замысловскій.

— Такъ што, господинъ приставъ нашъ, который должны были прибыть, — тучный, — и околоточный осанисто обвелъ изрядное пространство вокругъ себя, — такъ што имъ не войти-бы... въ пещеру-то...

— Такъ вы и расширяли для этого входъ въ пещеру?—взволнованно гудитъ Шмаковъ.

— Точно такъ, — рапортуетъ околоточный...—Пещерка-то маленькая...

Въ залѣ водворяется тишина. Всѣ въ раздумьѣ.

Изъ допроса городового выяснено, что когда онъ явился съ околоточнымъ, то, зажегши свѣчу, полѣзъ осматривать трупъ убитаго мальчика. Оказывается, это они закапали стеариномъ нижнее бѣлье Андрюши.

— Что-жъ, вы трогали трупъ? — задалъ вопросъ товарищъ прокурора.

— Никакъ нѣтъ, не ворошили...

— Совсѣмъ не трогали?

— Такъ што околоточный надзиратель приказали посмотрѣть, связаны у него руки или нѣтъ: вотъ я маненечко и отодвинулъ упокойника, а потомъ опять притулилъ его къ стѣнѣ...

Прокуроръ, судъ, защита — всѣ качаютъ головами. И дѣйствительно, при современной техникѣ розыска, всякая мелочь важна: отпечатокъ пальца на стѣнѣ иногда раскрываетъ важнѣйшее преступленіе, а тутъ — что тамъ слѣдъ отъ пальца: лопатами землю выбрасывали, трупъ сдвигали, нижнее бѣлье стеариномъ закапали и пр. и пр.

Долго тянется этотъ перекрестный допросъ...

Околоточный не выдерживаетъ и нѣсколько негодующе заявляетъ:

— Я-то здѣсь при чемъ?!... Начальство вскорѣ прибыло на мѣсто... Я дѣлалъ все по распоряженію начальства...

— И трупъ отодвигали по распоряженію начальства, и снѣгъ расчищали... и землю выбрасывали... и подштаники стеариномъ закапали?—набрасывается Замысловскій.

Какъ видите и въ этомъ крушеніи полиціи, повидимому, будетъ виноватъ стрѣлочникъ...

Во время этихъ юридическихъ турнировъ, во время этого слѣдствія надъ Кіевской сыскной и наружной полиціей казалось, что вотъ-вотъ скажутъ:

— Подсудимый Бейлисъ! Можете отправляться домой, мы заняты болѣе важными государственными дѣлами, вы намъ болѣе не нужны... Можете не возвращаться въ зданіе засѣданія суда...

Но этого сказано не было.

И Бейлисъ все такъ же продолжалъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ, недоумѣнными глазами посматривая то на предсѣдателя, то на присяжныхъ засѣдателей, то на защитниковъ, то на публику.

XIX.

Наволочка.

Городовой—вотъ тотъ первый свидѣтель, который нашелъ въ курткѣ убитаго Ющинскаго какой-то обрывокъ, скорѣе тряпку, оказавшуюся послѣ кускомъ наволочки...

Эту тряпку, на которой имѣются какія-то пятна, предъявляютъ сторонамъ, присяжнымъ... Всѣ положительно впиваются въ нее,—до такой степени всѣ чувствуютъ, сколь важна

она—эта ничтожная тряпочка, въ этомъ дѣлѣ... За ней, какъ за тяжелымъ занавѣсомъ, скрыта истина, таится правда въ дѣлѣ убійства Андрея Ющинскаго...

Обвинители изъ всѣхъ силъ стараются скомпрометировать это вещественное доказательство—и одно уже это чрезмѣрное стараніе раскрываетъ намъ то значеніе, то исключительное мѣсто, которое она—эта наволочка—занимаетъ въ процессѣ...

Товарищъ прокурора, вопреки желанія предсѣдателя, раскрывая документъ дознанія, который нельзя читать на судѣ, обнаруживаетъ ошибку околоточнаго надзирателя, который при первомъ бѣгломъ осмотрѣ и описи трупа эту тряпочку не упомянулъ въ своемъ, даже не формально составленномъ протоколѣ...

Для всѣхъ совершенно ясно, что вѣдь это соломинка, за которую всегда не прочь схватиться утопающій, что есть свидѣтели, которые нашли эту наволочку, что здѣсь простой недосмотръ со стороны спѣшившаго околоточнаго надзирателя, о чемъ онъ такъ и заявилъ судебному слѣдователю, который его спрашивалъ по этому поводу... И это желаніе во что-бы то ни стало отвязаться отъ наволочки—ярко бросается въ глаза.

Объ этой наволочкѣ мы уже знаемъ, что она не принадлежитъ семьѣ убитаго Андрюши Ющинскаго — это единогласно показали не

только сами семейные Ющинскаго, но и ихъ знакомые.

Кому-же принадлежитъ эта наволочка?

Какъ, какимъ образомъ попала она въ карманъ убитаго?

Чья рука положила ее туда?

XX.

Наконецъ, заговорили о Бейлисѣ.

Вызываютъ свидѣтеля Наконечнаго... Онъ вызванъ по настоянію повѣренныхъ гражданской истицы...

Шмаковъ и Замысловскій смотрятъ на него влюбленными глазами... Онъ христіанинъ, мѣстный окраинный житель, живетъ около Бейлиса, и главное—ему извѣстно, что будто-бы Бейлисъ просилъ арестанта Козаченко его, Наконечнаго, отравить. А Козаченко, какъ вамъ уже извѣстно, былъ нарочно посаженъ въ одну камеру съ Бейлисомъ. Наконечный имѣетъ прозвище Лягушка... Вотъ эта, отнынѣ знаменитая, „Лягушка"—и есть первый свидѣтель по дѣлу Бейлиса.

— Разскажите, что вы знаете по дѣлу?..

— Я живу поблизости Вѣры Чеберякъ. Меня взволновало убійство Андрюши; я его зналъ—онъ жилъ здѣсь раньше и, бывало, часто игралъ съ моими дѣтьми и съ дѣтьми Чеберяковой... Я сталъ прислушиваться, что говоритъ наша улица...

И вотъ, я встрѣтилъ какъ-то фонарщика Шаховскаго, который разсказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ 12 марта—въ день убійства—Андрюшу Ющинскаго вмѣстѣ съ Женей Чеберяковымъ и еще какимъ-то мальчикомъ у воротъ дома, гдѣ жила Чеберячка...

Мнѣ сразу показалось, что здѣсь что-то не ладно, что если это такъ, то именно здѣсь кроются нити преступленія...

Въ слѣдующій разговоръ тотъ-же Шаховской сказалъ мнѣ, что къ этому дѣлу надо „пришить Менделя", т. е. Бейлиса, такъ какъ онъ жаловался на него, Шаховского, полиціи, что воруетъ дрова у Зайцева съ кирпичнаго завода, гдѣ служилъ Бейлисъ...

Господа гражданскіе истцы начинаютъ хмуриться...

Замысловскій пробуетъ перебить свидѣтеля, но тотъ, волнуясь, говоритъ:

— Позвольте мнѣ все здѣсь высказать, сердце мое взволновано, и я не могу ничего утаить передъ судомъ...

Замысловскій краснѣетъ и покорно усиленно киваетъ головой...

— Чеберякова — женщина хитрая, умная, она занимается пріемомъ краденнаго и вообще женщина очень странная. Она отъ всѣхъ насъ тщательно скрывала, что ее подозрѣваютъ соучастницей въ этомъ дѣлѣ. Вдругъ у ней сдѣлали обыскъ и это еще больше смутило меня...

— Тутъ арестовали Бейлиса и стали говорить, что онъ схватилъ Андрюшу Ющинскаго и уволокъ его куда-то въ печку, а другія дѣти разбѣжались...

— Это неправда,—почти кричитъ свидѣтель,—этого не можетъ быть... Если-бы это случилось, всѣ дѣти подняли-бы такой крикъ, что не прошло-бы и часа, какъ всѣ мы, вся улица наша, уже знали-бы объ этой пропажѣ мальчика...

Обвинители дѣлаютъ героическія усилія, чтобы затушевать ошеломляющее впечатлѣніе, произведенное показаніемъ этого крайне искренняго, умнаго, сердечно взволнованнаго простого человѣка... Прокуроръ долгое время не понимаетъ, о чемъ, собственно, говоритъ свидѣтель, и все хочетъ утвердить мысль, которую не высказывалъ свидѣтель, что, если бы дѣти катались на мялѣ—особое приспособленіе при кирпичныхъ заводахъ для разминанія глины—и ихъ оттуда прогнали бы, то тогда вся улица знала бы...

— Да нѣтъ, господинъ прокуроръ, я не то говорю!...—въ отчаяніи заявляетъ Наконечный.

— Что же вы утверждаете?..

— Я утверждаю, что если бы Бейлисъ схватилъ среди бѣлаго дня на глазахъ дѣтей Андрюшу Ющинскаго и потащилъ бы его въ печь,—объ этомъ бы мы всѣ знали сейчасъ-

же... Да этого и не могло быть, господинъ прокуроръ, такъ какъ дѣти на мялѣ послѣдній разъ катались года три тому назадъ, т. е. по меньшей мѣрѣ, мѣсяцевъ за пять до убійства Андрюши...

— Какъ такъ?..

— Очень просто!... Я все время добивался, чтобы обратили вниманіе на то обстоятельство, что ранѣе въ усадьбу Зайцева легко могли проникать дѣти въ лазейки забора, заборъ былъ старый и во многихъ мѣстахъ не хватало по три, по четыре доски, а потомъ сдѣлали новый, высокій заборъ, лазеекъ нигдѣ нѣтъ и черезъ него, если перелѣзать, надо высоко карабкаться... Я много разъ объ этомъ говорилъ всѣмъ властямъ, но никто не хотѣлъ разслѣдовать, когда именно, въ какое время былъ поставленъ заборъ, и я утверждаю, что ни Андрюша, ни кто другой даже не могли быть тамъ въ усадьбѣ Зайцева. Дѣти были на улицѣ и играли возлѣ дома Чеберяковой...

Въ залѣ создается крайне напряженное настроеніе.

— А ваша дочь показываетъ совсѣмъ другое...

— Знаю, знаю, господинъ прокуроръ, ее спутали... Ей было двѣнадцать лѣтъ, когда ее допрашивали. Ее спрашивали—ты каталась съ Андрюшей на мялѣ?

— Каталась!..

— И вѣрно... Она много разъ каталась, бывало въ день по нѣсколько разъ, и я самъ ихъ каталъ... Да когда, вотъ вопросъ? Тогда, господинъ прокуроръ, когда Андрюша еще жилъ здѣсь—это во-первыхъ,—а это было давно, а потомъ она могла съ нимъ кататься только до того времени, когда поставили заборъ, а заборъ поставили еще въ 1910 году. Я и плотника отыскалъ, который его дѣлалъ, да спросите вы всю улицу—всѣ вамъ тоже самое скажутъ...

Но, очевидно, здѣсь не очень-то расположены спрашивать „всю улицу", такъ какъ одинъ этотъ мѣстный старожилъ, прожившій на этой окраинѣ двадцать пять лѣтъ и, конечно, прекрасно знающій всю подноготную мѣстныхъ жителей, причинилъ столько ужасныхъ хлопотъ... Гражданскіе истцы—эти высокомудрые люди, вызвавшіе такого великолѣпнаго свидѣтеля для оправданія Бейлиса,—принимаютъ всевозможныя обходныя движенія, чтобы хоть какъ-нибудь умалить грандіозное впечатлѣніе отъ показаній этого свидѣтеля, но нѣтъ, ничто не помогаетъ: силу совѣсти, силу правды нельзя ничѣмъ умалить...

Даже юнѣйшій изъ истцовъ, господинъ Дурасевичъ, и тотъ не могъ облегчить тяжелое положеніе г.г. обвинителей.

Онъ гордо бросилъ одинъ, — только одинъ,—вопросъ, который, очевидно, долженъ

былъ разъяснить все, но не успѣлъ еще Наконечный промолвить слово, какъ предсѣдатель заявилъ:

— Да вѣдь свидѣтель уже нѣсколько разъ говорилъ, что онъ этого не знаетъ...

Господинъ Дурасевичъ гордо поднялся, выпрямился, нѣсколько склонилъ на бокъ голову, окинулъ уничтожающимъ взглядомъ чиновный уголъ и медленно опустился на стулъ...

— Не понимаютъ!.. Гдѣ имъ?..

И онъ снова погрузился въ предѣлы полнаго и глубокаго отдохновенія отъ всякой мысли...

XXI.

Вѣра Чеберякъ среди свидѣтелей.

Совершенно неожиданно предсталъ предъ судомъ новый штрихъ изъ вырисовывающагося портрета героини этой трагедіи, Вѣры Чеберякъ, и опять этому помогли—да благословитъ ихъ небо!—гражданскіе истцы. Это они вызвали свидѣтельницу Чеховскую... Простая женщина взволнованная входитъ въ залъ засѣданія суда, и не успѣлъ еще предсѣдатель задать ей вопросъ, какъ она, точно боясь, что ей не дадутъ сказать, скороговоркой заявляетъ суду:

— Двадцать пятаго числа сама слышала, какъ Чеберячка подучала мальчика Заруцкаго говорить, что Бейлисъ утащилъ Андрюшу, а

они двое—онъ да Женя Чеберякъ, еле вырвались изъ его рукъ и убѣжали...

— Постойте, постойте, когда, гдѣ это было?..

— Было, было, сама слышала, не буду таить, сама слышала, и мальчикъ ей сказалъ:— не буду этого говорить, а скажу правду суду: ходили воровать дрова, а насъ рабочій прогналъ, а Бейлисъ никуда насъ не тащилъ...

— Да гдѣ это было?..

— Было, было, въ свидѣтельской комнатѣ было, сама слышала... Мальчикъ потомъ всѣмъ говорилъ, и свидѣтелямъ, и городовымъ, онъ вамъ самъ разскажетъ, вотъ вы спросите его...

Гражданскіе истцы разводятъ руками, ничего не спрашиваютъ вызванную ими свидѣтельницу... Ее оставляютъ въ залѣ засѣданія суда.

Если этотъ фактъ дѣйствительно подтвердится, *) то, несомнѣнно, будетъ ясно, что Чеберячка не теряетъ времени, а работаетъ крайне энергично, никому не давая ни отдыха, ни срока, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ.

— Для чего же вы вызваны сюда?—наконецъ, спрашиваетъ прокуроръ свидѣтельницу Чеховскую.

— О матери Андрюши разсказать!..

— А сами разсказываете о Вѣрѣ Чеберякъ!..

---

*) Впослѣдствіи все это дѣйствительно подтвердилось.

— Сама слышала, сама слышала, правды не утаю, все скажу...—и она опять готова была повторить этотъ, такъ ошеломившій ее, разговоръ ребенка съ Чеберяковой.

XXII.

Таинственный прохожій.

Свидѣтель Ященко разсказываетъ, что именно 12 марта онъ, идя на работу, остановился за своей надобностью въ канавѣ, изъ которой видна дорога—это было утромъ, часовъ въ 7, и видѣлъ, какъ прошелъ мимо него какой-то человѣкъ въ черномъ пальто, кашнэ, бритый, въ калошахъ, порядочно одѣтый... Поднялся дальше... Смотрю, онъ тоже по-надъ горой идетъ и прямо ушелъ въ лѣсъ... Я еще подумалъ: какъ странно, такъ рано и человѣкъ, хорошо одѣтый, ранней весной ушелъ прямо въ лѣсъ... А когда сталъ читать въ газетахъ, что мальчикъ пропалъ, я все это вспомнилъ, люди узнали, что я видѣлъ какого-то человѣка, проходившаго близъ мѣста, гдѣ нашли трупъ, стали разспрашивать... А потомъ ко мнѣ стали сыщики приходить, допросъ снимать, а потомъ позвали и говорятъ: мы тебѣ покажемъ одного человѣчка—не онъ-ли это будетъ? На мѣстѣ показывали—признать я не могъ, лица не видѣлъ, а пальто подходящее...

— Кого-же вамъ показывали?..

— Луку какого-то...

— Луку Приходько... Лука Приходько, разскажите намъ, какъ васъ показывали...

— Когда меня арестовали, меня обрили, усы нафабрили колечками и почернили... затылокъ взъерошили... волосы, подстригли и тоже покрасили... Я говорю: ваше благородіе, что это вы дѣлаете со мной?—Ничего,—говоритъ,—нужно...—Я сталъ плакать... А мнѣ и говорятъ: не смѣй плакать, слезы твои гримъ попортятъ, размочатъ...

Гражданскіе истцы невѣроятно обрушиваются на полицію, словно забывая, что рѣшительно всегда, съ незапамятныхъ временъ, такъ дѣлала и дѣлаетъ полиція во время розысковъ...

— Чему собственно вы удивляетесь, г.г. Шмаковъ, Замысловскій и иже съ вами?—хотѣлось сказать мнѣ.—Вѣдь это и есть тотъ истинный порядокъ, который вы такъ твердо защищаете.

XXIII.

Фонарщикъ.

Какъ-то бокомъ, озираясь, входитъ, скорѣй низкаго, чѣмъ средняго роста, всклокоченный человѣкъ, бѣдно одѣтый. Нерѣшительно озирается онъ и послѣ нѣкотораго раздумья начинаетъ разсказывать то, что знаетъ...

— Что знаю?.. Да вотъ видѣлъ я Андрюшу Ющинскаго съ Женей Чеберякъ утромъ 12-го марта, когда его убили...

— Свидѣтель, разскажите намъ все подробно, какъ это было...

— Какъ это было... Очень даже просто... Шелъ я по улицѣ, утромъ, птичекъ ловить шелъ... Щегловъ мы ловимъ... Смотрю: стоятъ они, да еще какой-то мальчикъ... Андрюша меня по спинѣ шутейно ударилъ и даже вспрыгнулъ на меня... А я его обругалъ... „Ахъ ты, говорю, байстрюкъ, право-слово, ваше бродіе, такъ его обругалъ, покойника, истинно такъ обругалъ... И пошелъ дальше...

— А что въ рукахъ у него было?...

— Баночка съ чернымъ порохомъ... Они съ Женей любители были взрывы дѣлать... Вотъ я ушелъ... А потомъ слышу—нашли Андрюшу убитымъ. — Ну, думаемъ, знаемъ чьихъ рукъ это дѣло... Только молчать надыть... Не ввязываться... Убьютъ... Я и молчалъ... А потомъ вотъ какъ-то сказалъ, съ тѣхъ поръ мнѣ и житья нѣтъ... Боюсь я говорить вамъ...

— Чего жъ вы боитесь?

— Я фонарщикъ, приходится по улицамъ поздно ходить вечеромъ и ночью, подколятъ меня, обязательно подколятъ... Меня ужъ и такъ били...

Шмаковъ настораживается, надѣваетъ очки и нѣсколько приподнимается изъ своего укромнаго уголка...

— Кого жъ вы боялись, кто васъ билъ?..

Упорное молчаніе. Фонарщикъ Шаховской понурилъ голову и стоитъ, переминаясь съ ноги на ногу...

— А кто дѣтей прогналъ изъ завода?...

— Какой-то человѣкъ...

— Кто-же именно?.. Боитесь сказать?.. Скажите, кто научилъ васъ бояться говоритъ правду,—гудитъ Шмаковъ,—кто научилъ васъ не показывать противъ Бейлиса?.. Вы говорите, что противъ Бейлиса васъ научили показывать сыщики, а за Бейлиса кто училъ?...

Эти назойливыя забѣганія впередъ гражданскаго истца Шмакова начинаютъ раздражать защиту...

— Скажите, свидѣтель, васъ учили или вы сами по своей волѣ сказали, что Менделя надо пришить къ дѣлу?

— Мнѣ сыщики наговорили, болѣе сыщикъ Полищукъ, что Мендель жаловался имъ, что я у него краду дрова. А я не кралъ... Вотъ они и говорятъ: пришей его къ дѣлу...

— Вы и пришили?..

— Я и пришилъ...

— Но пришить, — выясняетъ Замысловскій,—это не значитъ говорить неправду, а разсказать правду...

— Да, правду...

— Въ чемъ же правда?...

Перекрестнымъ допросомъ и изъ чтенія показаній свидѣтеля,—который былъ допрошенъ шесть разъ,—выясняется, что объемъ этой правды крайне маленькій... Свидѣтель, въ концѣ концовъ, наотрѣзъ заявляетъ, что ему Женя Чеберякъ разсказалъ, что ихъ отъ печки завода прогналъ какой-то рабочій съ черной бородой, но, что это былъ Бейлисъ,—онъ никогда никому не говорилъ.

А если бы даже говорилъ,—прибавимъ мы отъ себя,—то что изъ этого? Изъ этого ясно только одно: Бейлисъ продлилъ жизнь Ющинскому, прогнавъ ихъ отъ печки, потому что Шаховской опредѣленно показалъ слѣдователю, что убить Андрюшу Ющинскаго рѣшила компанія Чеберяковой и убить въ печкѣ завода, куда Женя Чеберякъ, сынъ Чеберячки, долженъ былъ, подъ предлогомъ устроить взрывъ, заманить Андрюшу, но ихъ спугнулъ оттуда человѣкъ съ черной бородой...

Эта „черная борода“ занимаетъ долгое время вниманіе суда, но ничего болѣе о ней не удается никому выжать изъ свидѣтеля.

На вопросъ же: не говорилъ ли ему Женя, что Бейлисъ утащилъ Андрюшу въ печку, Шаховской наотрѣзъ заявляетъ, что никогда ему Женя этого не говорилъ, и въ показаніяхъ предварительнаго слѣдствія онъ много разъ повторяетъ это.

— Скажите, вотъ вы говорите о компаніи Чеберяковой, что это за компанія?..

— Такая компанія, что не приведи Богъ...

— Что же, къ ней много народа приходитъ?

— Много: придутъ чиновниками, а уйдутъ простыми...

— Такъ не этой-ли компаніи вы и боитесь, когда не все говорите?..

— Этой...

— А кто васъ билъ: евреи или русскіе?...

— Русскіе...

Шмаковъ поднимаетъ голову и недовольно шевелить усами.

— А не изъ этой ли компаніи Чеберяковой васъ били?..

— Они и били...

— Они и били...—повторяетъ Карабчевскій.

— За что-же васъ били?..

— Да, вотъ, за то, что слѣдователю разсказалъ, что Андрюша здѣсь былъ, а во мнѣ совѣсть заговорила, нельзя не сказать.

— А что вамъ Чеберячка говорила про Женю?...

Свидѣтель упорно молчитъ... Видно, онъ много-бы разсказалъ, если-бы только его охранили отъ этой странной, столь могущественной компаніи госпожи Чеберякъ.

При чтеніи многократныхъ показаній Шаховского выяснилось, что нѣсколько разъ онъ

подтвердилъ, что эта дама, встрѣчаясь съ нимъ, такъ изволила выразиться о своемъ собственномъ сынѣ:

— Изъ-за этого...—и тутъ эта дама изволила произнести про своего собственнаго сына нѣкое слово, хотя дважды оглашенное въ судѣ, но которое мы все-таки не рѣшаемся воспроизвести...—Изъ-за этого... Женьки придется мнѣ отвѣчать, говорила она Шаховскому.

Надо знать, что у этой чадолюбивой матушки ея сынъ неожиданно умираетъ...

А вѣдь Женя Чеберякъ являлся однимъ изъ самыхъ главныхъ свидѣтелей по этому дѣлу...

— Вы Женю получше разспросите,—твердилъ Шаховской слѣдователю,—онъ вамъ не все показываетъ...

И здѣсь опять, и этотъ свидѣтель приглашаетъ насъ вновь и вновь устремить свой взоръ къ квартирѣ Чеберяковой.

Не забудьте, читатель: это все показалъ одинъ изъ самыхъ главнѣйшихъ свидѣтелей обвиненія...

А что-же въ это время, во время предварительнаго слѣдствія, дѣлаютъ сыщики?

Они все время, особенно одинъ изъ нихъ—сыщикъ-ритуалистъ Полищукъ—уговариваютъ фонарщика Шаховского показывать на Бейлиса...

XXIV.

Сказка о похищеніи Ющинскаго.

Приглашена жена Шаховского — простая, крайне ограниченная женщина, помогавшая ему зажигать фонари.

Она молчитъ, какъ убитая, или совершенно невпопадъ говоритъ: Да-да! Нѣтъ-нѣтъ!..

И, наконецъ, послѣ ряда попытокъ допроса предсѣдателемъ, прокуроромъ, гражданскими истцами и защитой, удалось все-таки въ отрывистыхъ фразахъ, часто безсвязныхъ, добиться отъ нея крайне загадочнаго разсказа:

— Оправляли это мы фонари, глянь,— идетъ Волкивна, пьяна-распьяна, еле на ногахъ стоитъ... Подошла, это, она ко мнѣ,— она нищенка, бездомная,—да и говоритъ: вотъ вы тутъ близко живете, да про Ющинскаго ничего не знаете, а я далеко—да все знаю... Шла это я снизу по Кирилловской, а смотрю, тамъ, на горѣ, Ющинскаго тащатъ въ печь... Сказала это она такъ да и умолкла... А потомъ говоритъ: прощай, будь здорова... И пошла дальше...

Прокуроръ усиленно добивается отъ жены фонарщика: кто-же это былъ? Не Мендель-ли? Не Бейлисъ-ли? Она категорически отвѣчаетъ: нѣтъ! Когда ей напоминаютъ, что она на Бейлиса показывала на предварительномъ слѣ-

ствіи, измѣнивъ свое первое показаніе въ худшую сторону—противъ Бейлиса,—Шаховская много разъ подтверждаетъ, что ее этому научили сыщики—Полищукъ и другой, которые приходили къ нимъ, уводили ихъ—ее и мужа—на поляну, поили водкой, кормили и подучали, какъ показывать, и все время настаивали показывать противъ Бейлиса...

Показаніе Волкивны, конечно, само по себѣ не можетъ имѣть никакого значенія какъ женщины, бывшей въ то время въ состояніи полнаго опьянѣнія, женщины крайне опустившейся и, вѣроятно, съ пьяныхъ глазъ передававшей слухи, которые такъ усиленно распространяли тогда въ Кіевѣ среди простонародья. Однако, ее считаютъ, очевидно, за очень важную свидѣтельницу, и вотъ она въ залѣ засѣданія суда.

XXV.

„Волкивна".

Вотъ она, эта женщина, которая является истиннымъ столпомъ обвинительнаго акта. Это она должна подтвердить, что своими собственными глазами видѣла, откуда-то снизу, съ Кирилловской улицѣ, какъ Бейлисъ одинъ-одинешенекъ тащилъ Андрюшу прямо въ печь!.. Толстая, обрюзгшая, украдкой, бочкомъ входитъ она въ засѣданіе суда, очевидно производящее на нее ошеломляющее впечатлѣніе:

въ такихъ хоромахъ она, вѣроятно, никогда и не предполагала, что можетъ очутиться. Она озирается то туда, то сюда и застываетъ въ полуоборотѣ, приковавшись къ эксперту лейбъ-медику Павлову, грудь котораго сплошь залита учеными значками, крестами, звѣздами и иными знаками отличія.

— Что вы знаете по этому дѣлу?

— По какому?

— Да вотъ объ убійствѣ Ющинскаго.

— Ничего, ничегисеньки не знаю...

— Все забыли?

— Ничегисеньки не знала и не знаю...

Предсѣдатель смотритъ на прокурора. Товарищъ прокурора спрашиваетъ:

— Вы были на Слободкѣ?

— Я-то?

— Вы-то!

— А кто ее знаетъ, ходили вездѣ...

— Вы нищенствуете, просите подаяніе?

— Просимъ...

— Ночуете, гдѣ придется?

— Тамъ и ночуемъ, гдѣ придется...

— Встаете рано?

— Рано, какъ изъ ночлежки выгоняютъ, такъ и встаемъ...

— Шаховскую вы знаете?

— Я-то?

— Вы-то!...

— Знаемъ, какъ не знать...

— Разговаривали съ ней?...

— Разговаривали...

— Про Андрюшу?

— Про какого?..

— Да про Ющинскаго?

— Ющинскаго... Нѣтъ, такого не знаемъ...

— Да вы его видѣли?

— Кого?

— Ющинскаго?

— Ющинскаго никогда не видѣли!

— Какъ его Бейлисъ тащилъ, видѣли...

— Куда тащилъ?... Что вы, что вы!..

Волкивна полна недоумѣнія.

— А вы пьянствуете, пьете?

— Мы-то?...

— Вы-то...

Маненечько выпиваемъ, — говоритъ она сиплымъ густымъ басомъ.

— А вы болтливы, любите больше говорить или молчать?

— Мы-то?...

Задумалась.

— Мы больше молчимъ...

Съ ней устраиваютъ очную ставку фонарщицы Шаховской—ничего не помогаетъ. Она твердо стоитъ на своемъ, что ни съ кѣмъ о Бейлисѣ не говорила, и даже мальчика Калюжнаго не видала.

Установлено, что она что-то говорила Шаховской въ совершенно пьяномъ видѣ, но что

именно, такъ и не доискались. Находившійся тутъ же при этомъ разговорѣ шустрый мальчикъ Калюжный, помогавшій Шаховской оправлять фонари, знавшій Андрюшу, никакого разговора объ Ющинскомъ не слыхалъ.

Соотвѣтствуетъ ли это жизненной правдѣ? Да, мы думаемъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и утвержденіе мальчика крайне характерно. Представьте на минуту, что такой разговоръ былъ-бы: какъ навострилъ-бы уши этотъ мальчуганъ! И нѣтъ сомнѣнія, что вся уличная дѣтвора сейчасъ-же бы знала, что ихъ пріятеля Андрюшу утащилъ еврей Бейлисъ, куда?.. Въ печку!.. Да, вѣдь, и Шаховская не молчала бы!.. Вѣдь надо помнить, что это все представители именно той мѣщанской среды, гдѣ болтливость и сплетничество являются однимъ изъ главныхъ основныхъ признаковъ этого типа людей. Правда, Волкивна заявила на судѣ, что она больше любитъ молчать, но это, очевидно, столь же достовѣрно, какъ утвержденіе ея, что она „маненечько“ пьетъ, а заявила это она съ такой скромной, сладкой улыбкой, что, право, трудно было ей не повѣрить, но, къ несчастью, произнесла эти слова такимъ хриплымъ глухимъ басомъ, что невольно закрадывается въ душу сомнѣніе: да такъ ли это? И въ концѣ концовъ выяснилось, что она пьетъ мертвецки...

И вотъ этотъ-то матеріалъ и послужилъ главнѣйшимъ основаніемъ для утвержденія легенды о похищеніи Андрея Ющинскаго Менделемъ Бейлисомъ.

Эту свидѣтельницу даже товарищъ-прокурора допрашивалъ въ крайне насмѣшливомъ тонѣ,—чувствовалось, что она, эта Волкивна, носительница творимой легенды о похищеніи Ющинскаго, компроментировала его и онъ хотѣлъ отъ нея какъ можно скорѣе избавиться...

Такъ безвозвратно рухнулъ и этотъ козырь обвиненія. Волкивна оказалась совершенно ненужной для процесса, а на нее возлагались, судя по обвинительному акту, такія большія надежды.

XXVI.

Опять прокламація.

Свидѣтель Прокофій Ященко, давая свои показанія, вдругъ заявляетъ суду:

— А на похоронахъ Андрюши Ющинскаго разбрасывали листочки, прокламаціи—и призывали бить евреевъ, говорили, что это все евреи устроили...

Выясняется, что это все та-же погромная прокламація, о которой мы уже упоминали...

— У меня она съ собой,—охотно заявляетъ свидѣтель и энергично лѣзетъ въ карманъ...

Присяжный повѣренный Зарудный опять настаиваетъ на пріобщеніи ея къ дѣлу, основательно выясняя всѣ мотивы, почему это можно сдѣлать сейчасъ-же.

Судъ совѣщается во время перерыва и вновь выноситъ резолюцію, отказывающую пріобщить къ дѣлу этотъ документъ чрезвычайной важности.

XXVII.

Обморокъ свидѣтеля.

Допрашивается послѣдняя „нерушимая стѣна“ обвиненія—членъ организаціи „Двуглавый Орелъ“—Голубевъ, столь прославленный въ Кіевѣ своимъ откровеннымъ юдофобствомъ. Онъ показываетъ крайне волнуясь. Оказывается, онъ велъ частное разслѣдованіе по дѣлу убійства Ющинскаго и теперь желаетъ разсказать суду всю правду... Немного погодя, онъ начинаетъ говорить тише и тише, и, наконецъ, шатается, ему подаютъ стулъ, воды, кто-то изъ экспертовъ даетъ ему нюхать нашатырный спиртъ. Онъ нѣсколько отдыхаетъ, приподнимается, начинаетъ говорить и вдругъ блѣднѣетъ больше, чѣмъ полотно: опускается на стулъ, склоняетъ голову... Его подъ руки выводятъ изъ залы засѣданія суда. Профессоръ Павловъ идетъ къ нему съ медицинской помощью, вскорѣ возвращается и заявляетъ, что свидѣ-

тель не можетъ давать показаній безъ вреда для своего здоровья: у него острое малокровіе, плохой пульсъ и сердце...

Судъ опредѣляетъ отложить его допросъ на слѣдующій день.

XXVIII.

Передопросъ студента Голубева.

Юный антисемитъ Голубевъ заинтересовался дѣломъ убійства Андрея Ющинскаго потому, что былъ убѣжденъ, что его замучили „жиды". Самъ, по своей личной иниціативѣ, со своими товарищами производилъ разслѣдованіе этого дѣла и настолько былъ увлеченъ имъ, что превратилъ его даже въ спортъ, на споръ съ кѣмъ-то оставшись на ночь въ той самой пещерѣ, гдѣ былъ обнаруженъ трупъ покойнаго мальчика, трупъ, сидящій у стѣны, съ опущенной на грудь головой, почти въ колѣни, упершимися въ противоположную стѣну ногами.

Я не знаю, что этимъ споромъ хотѣлъ доказать Голубевъ: что онъ слишкомъ храбръ, что онъ не боится покойниковъ, что онъ равнодушенъ, что-ли, къ этому несчастному мальчику... Право, не знаю, но что-то кольнуло въ сердце, когда услышалъ я это... Такое же чувство, какъ если-бы узнать, что чью-либо могилу взяли да осквернили...

Что же показалъ этотъ храбрый юноша?

Онъ непоколебимо установилъ передъ судомъ присяжныхъ, что покойный сынъ Чеберяковой, Женя Чеберякъ, разсказалъ ему, что Андрей Ющинскій, его пріятель, 12 марта, т. е. въ день исчезновенія его, заходилъ къ нему, къ Женѣ. Они вмѣстѣ бѣгали играть на поляну, потомъ пришли на улицу, пошли, купили сало, вернулись домой, вошли въ квартиру, гдѣ жило семейство Чеберякъ, и тамъ Андрюша раздѣлся, снялъ пальто, оставилъ книги... И Женя сразу умолкъ, понявъ, что проговорился... И послѣ этого, несмотря на всѣ попытки Голубева, ни повторить, ни продолжить этого разговора ни за что не хотѣлъ, а на всѣ вопросы отвѣчалъ незнаніемъ... Отмалчивался... Вотъ что установилъ этотъ главнѣйшій свидѣтель обвиненія. Его легенда о новыхъ гвоздяхъ, которыми прибита одна изъ дощечекъ у забора усадьбы, граничащей съ Загоровщиной, не имѣетъ не только никакого значенія, но и не выдержала малѣйшаго прикосновенія критики. Прежде всего забора этого онъ ранѣе, до убійства Ющинскаго, не видалъ; когда была прибита доска— не знаетъ; когда вбиты гвозди—тоже не знаетъ; все строитъ только по предположеніямъ, что иной дороги, по его личному мнѣнію, убійца не могъ избрать, когда тащилъ въ пещеру трупъ Ющинскаго.

Не говоря уже о томъ, что слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фененко рѣшительно не согласился съ нимъ и вмѣстѣ съ понятыми ничего особеннаго въ указываемыхъ Голубевымъ гвоздяхъ не нашелъ, не говоря уже объ этомъ, но и въ самомъ судѣ гвозди Голубева потерпѣли полное крушеніе во время самого судебнаго слѣдствія.

— Скажите, извѣстно ли вамъ,—спрашиваетъ Маклаковъ,—какъ можно отличить старый гвоздь отъ новаго? Какими способами можно установить, насколько старъ или новъ вбитый гвоздь? Сколько времени находится онъ въ доскѣ? Отвѣтьте намъ, пожалуйста, на эти вопросы, а также разскажите, дѣлали ли вы какіе-либо опыты въ этомъ направленіи.

Очевидно, Голубевъ не ожидалъ этихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что все это происходило на третьемъ передопросѣ его.

— Нѣтъ, опытовъ я никакихъ не дѣлалъ и не знаю, какимъ образомъ можно установить, насколько старъ или новъ вбитый гвоздь.

— Такъ, значитъ, вы все это намъ сообщили по личнымъ соображеніямъ, потому-что вамъ это такъ кажется?

— Да, по личнымъ соображеніямъ.

— Потому, что вамъ такъ кажется?

— Да, такъ кажется.

— Ну да—такъ кажется... такъ кажется—повторяетъ нѣсколько разъ хладнокровный,

изысканно вѣжливый и предупредительный Маклаковъ.

— Вы тамъ сами не были? Ранѣе ничего не видѣли?.. Ни забора, ни гвоздей, ни досокъ?.. Когда они прибиты—до убійства, послѣ убійства, за годъ, за два—всего этого ничего не знаете?..

— Не знаю...

— Не знаете, такъ... не знаете,—да-съ, не знаете!..

— Садитесь, свидѣтель, садитесь—говоритъ предсѣдатель.

— Стороны не имѣютъ нужды въ допросѣ...

Гробовое молчаніе со сторону прокурора и гражданскихъ истцовъ.

Полная единодушная удовлетворенность допросомъ со стороны защиты...

Вотъ все, что далъ обвиненію, правильнѣй сказать, защитѣ, этотъ одинъ изъ столповъ обвинительнаго акта.

XXIX.

Новый передопросъ Голубева.

Утвержденія Голубева слишкомъ вредны для обвиненія, ибо они разрушаютъ многое изъ построенія обвинительнаго акта. И вотъ его опять передопрашиваютъ въ связи все съ тѣми же вопросами.

Что же показалъ онъ вновь на судѣ, этотъ ярый антисемитъ?

Сообщилъ онъ все тоже чрезвычайно важное обстоятельство, нѣсколько разъ его засвидѣтельствовалъ, и несмотря на перекрестный допросъ товарища прокурора и гражданскихъ истцовъ, остался твердъ и непоколебимъ въ своемъ убѣжденіи.

И это его показаніе необходимо не только твердо запомнить, но и повторить его еще разъ: не даромъ же его столько разъ повторяли въ судѣ.

Дѣло въ томъ, что онъ, возмущенный и потрясенный мученическимъ убійствомъ Андрея Ющинскаго, сейчасъ же, съ присущей ему страстностью, вмѣшался въ это дѣло и ушелъ въ него съ головой. Онъ исходилъ всю окружающую мѣстность, перезнакомился со всѣми жителями, сдружился съ Женей Чеберякъ. И когда Голубевъ сталъ у него разспрашивать объ Андрюшѣ, то Женя, безъ всякаго вліянія со стороны, вдругъ разсказалъ ему:

— Мы ходили съ Андрюшей на поляну, играли тамъ, потомъ мы пошли въ лавочку, купили сало, зашли домой. Андрюша раздѣлся, оставилъ пальто и книги...

Здѣсь Женя вдругъ спохватился и замолчалъ, и сколько разъ Голубевъ ни поднималъ вновь этотъ разговоръ съ Женей, онъ всегда отмалчивался.

— Убѣждены ли вы, что Женя говорилъ въ это время правду?

— Да, я въ этомъ убѣжденъ...—твердо, нѣсколько даже страстно отчеканилъ Голубевъ.

Какъ извѣстно изъ процесса, Женя заболѣлъ дизентеріей, былъ помѣщенъ въ больницу, и неожиданно былъ взятъ оттуда домой, несмотря на протесты докторовъ, своей матерью, только что вышедшей изъ тюрьмы. Нѣсколько дней она содержалась подъ стражей по подозрѣнію въ причастности къ убійству Андрюши Ющинскаго. Дома Женя черезъ два дня умеръ.

Съ неожиданной смертью Жени въ могилу ушла правда объ этомъ кошмарномъ дѣлѣ, которую теперь возстановить представляется такъ много труда.

И вотъ опять и въ этомъ показаніи, которое должно было быть, по задуманной программѣ, противъ Бейлиса, мы снова и снова стоимъ передъ квартирой Вѣры Чеберякъ, куда передъ смертью заходилъ Андрей Ющинскій, и гдѣ онъ раздѣлся, оставивъ пальто и книжки въ квартирѣ своего друга Жени Чеберякъ.

Гдѣ же эти книжки? Ихъ не нашли... Но ученическія тетрадки, которыя у каждаго ученика всегда бываютъ вмѣстѣ съ книжками, найдены въ пещерѣ, куда былъ перетащенъ трупъ Андрюши...

Кто же перенесъ эти тетрадки, оставленныя гдѣ-то Андрюшей, въ пещеру, гдѣ ихъ обнаружили вмѣстѣ съ трупомъ?..

Вотъ она тайна, которая разрѣшитъ намъ многое, если мы будемъ твердо помнить показаніе умершаго Жени Чеберякъ.

А пальто?

Пальто пропало неизвѣстно куда...

XXX.

Осмотръ мѣстности.

Зала сразу оживляется, когда предсѣдатель объясняетъ, что черезъ полчаса, послѣ перерыва, судъ въ полномъ своемъ составѣ выѣдетъ осмотрѣть мѣстность, гдѣ былъ обнаруженъ трупъ Андрея Ющинскаго...

Пресса допущена вся... Корреспонденты бросились запасаться извозчиками, и около суда образовался большой заѣздъ всевозможныхъ экипажей.

Вотъ появились конные городовые, конная стража, прохожіе останавливаются вокругъ суда на тротуарахъ...

Въ отдаленіи идутъ арестанты длинной цѣпью, одинъ за однимъ, перенося какія-то вещи, и эта вереница сѣрыхъ людей еще болѣе придавала колоритности моменту... Небо ясное, свѣже-осеннее, вдругъ заволокло тучами, и порывы вѣтра стали срывать и кружить пожелтѣвшіе широкіе листья деревьевъ, окружающихъ судъ...

Вотъ, наконецъ, вышелъ въ полномъ составѣ, судъ. Идутъ присяжные, садятся въ

экипажи, ихъ окружаютъ конные городовые и стражники. Всѣ двинулись и сильной рысью покатили туда, въ тѣ мѣста, гдѣ было совершено это тяжелое, кошмарное преступленіе... На всемъ долгомъ пути нашемъ вездѣ были разставлены усиленные наряды полиціи, конные стражники, пристава, околоточные. Народъ толпится по улицамъ, раскрываютъ окна, бѣгутъ изъ прилегающихъ переулковъ... Вездѣ возбужденіе, возгласы... Скачутъ присяжные, окруженные стражниками, скачетъ судъ... Вотъ на автомобилѣ обгоняетъ насъ прокуроръ... Скачутъ во всю прыть экипажи корреспондентовъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ. Журналисты правительственной и черносотенной печати ѣдутъ въ автомобилѣ, то обгоняя насъ, то отставая; чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ кварталы становятся демократичнѣй, и населеніе тѣмъ болѣе интересуется всей этой небывалой кавалькадой...

— Но гдѣ же Бейлисъ?

Бейлиса уже ранѣе провезли въ каретѣ, провезли туда, гдѣ онъ столько времени жилъ, работалъ, трудился... Наконецъ, мы на мѣстѣ... Судъ начинаетъ осмотръ... Вотъ мы у большой лазейки, черезъ которую, какъ разсказалъ одинъ изъ свидѣтелей, трупъ Андрюши Ющинскаго былъ вынесенъ изъ двора, гдѣ жила Вѣра Чеберякъ...

— А этой дорогой можно пройти къ пещерѣ?—кто-то интересуется изъ присутствующихъ...

—Это прямая дорога къ пещерѣ...

— А лазейка эта откуда?

— Изъ сада, гдѣ жила Чеберякъ,—получается лаконическій отвѣтъ.

Запомнимъ-же и это обстоятельство.

Вотъ мы и во дворѣ, гдѣ жила Чеберякъ, а рядомъ въ домикѣ жилъ французскій гражданинъ Мифле—страстный поклонникъ этой героини, которая изъ ревности выжгла ему глаза сѣрной кислотой, но онъ... не измѣнилъ ей... Онъ также и послѣ этого происшествія остался рабски подчиненъ своей возлюбленной, которая, измѣняя ему постоянно, держала, однако, его въ крѣпкихъ, цѣпкихъ рукахъ, въ награду за непоправимое уродство посылая ему обѣды со своего стола...

Домикъ самый обыкновенный двухъэтажный; тщательно осматриваютъ и производятъ испытаніе, будетъ-ли слышно внизу, если наверху, въ квартирѣ Вѣры Чеберякъ, начнутъ двигать мебелью, перебѣгать изъ комнаты въ комнату и, наконецъ, кричать...

Когда двигали мебель, оказывается, слышно... Когда перебѣгали тоже слышно; когда кричали—еле слышно...

Послѣдній опытъ меня очень занималъ.

Слышали-ли вы, господа изслѣдователи, когда-нибудь крикъ погибающаго человѣка, напримѣръ, горящаго, тонущаго? Похожъ ли онъ, этотъ крикъ человѣка, стоящаго передъ лицомъ смерти, на самый сильный крикъ здороваго человѣка? Говорятъ, здѣсь, во время пробы, нѣсколько разъ кричали: „а!... а!“ Но только представить себѣ, какъ долженъ былъ хоть разъ вскрикнуть бѣдный Андрей Ющинскій, когда вонзали въ него то или иное орудіе убійства, и если ужъ дѣлать предположеніе, что убивали именно въ этомъ домѣ, то какой ужасъ долженъ былъ объять этого мальчика, когда онъ увидѣлъ своихъ же знакомыхъ, набросившихся на него съ остервенѣніемъ, со злобой и страстью опьяненныхъ кровью убійцъ... И если онъ издалъ хоть одинъ предсмертный крикъ, то ненужно провѣрять крѣпость этихъ тонкихъ потолковъ сквернаго глинобитнаго домика: каменныя стѣны—и тѣ бы не удержали этого послѣдняго крика убиваемаго юноши.

Вотъ мы въ саду. Разсматриваемъ заборъ, отдѣляющій усадьбу Зайцева, гдѣ жилъ и работалъ Бейлисъ, отъ усадьбы, гдѣ жила Чеберякъ. Громадный заборъ, безъ всякихъ щелей, совершенно такъ, какъ разсказывалъ этотъ на рѣдкость правдивый и, несомнѣнно, совѣстливый человѣкъ Наконечный.

Вотъ мы опять на улицѣ... Повсюду стража, городовые, гарцуютъ пристава и стражники... Въ улицахъ смятеніе... Тысячная толпа стоитъ на противоположныхъ тротуарахъ, слышны голоса: „здравствуй, Бейлисъ! Здравствуй!“

Онъ смѣется, кланяется... Иногда говоритъ: „здравствуйте, здравствуйте...“ И вотъ удивительное дѣло, никакой злобы, никакой ненависти нѣтъ здѣсь и въ поминѣ... Наоборотъ, сосѣди относятся съ полнымъ радушіемъ къ нему, душевной лаской, жалѣютъ, разспрашиваютъ о немъ...

— Мы о немъ жалкуемъ,—говоритъ какая-то женщина.—У него дѣтки маленькія...

И какъ-то тепло, какъ-то радостно становится на душѣ, что здѣсь, даже въ Кіевѣ, въ этомъ самомъ пеклѣ антисемитизма, въ простомъ народѣ его нѣтъ, а есть все то же добродушное, уживчивое, добрососѣдское отношеніе, которое наблюдается повсюду въ Россіи между отдѣльными народностями.

А что если, подумалось мнѣ, хоть на одну минуту повѣрить кровавому навѣту, то какъ бы должна была бы встрѣтить эта толпа простыхъ людей - христіанъ, еврея, который убилъ и выпилъ кровь юноши. О, если бы, такъ, то можно навѣрное бы сказать, что Бейлиса пришлось бы охранять ротой солдатъ отъ мстительности толпы. И вотъ одно это-то

обстоятельство, это добродушное, доброжелательное, жалостливое отношенiе народа Лукьяновки къ Бейлису и его семьѣ краснорѣчивѣе всѣхъ доказательствъ сказало мнѣ: нѣтъ, все въ чемъ обвиняется Бейлисъ—это фантазiя досужихъ людей, рѣшительно ни на чемъ не основанная.

— Бейлисъ, вы желаете взойти въ свою бывшую квартиру?.. — говоритъ предсѣдатель.

— Желаю, желаю!..

И его подъ конвоемъ вводятъ туда, гдѣ не былъ онъ уже болѣе двухъ лѣтъ...

Выходитъ оттуда, добродушно улыбается и глаза его свѣтятся радостью.

Вотъ онъ и заводъ. Вотъ они, эти мялы на которыхъ любятъ кататься дѣти, и съ одного изъ которыхъ, по легендѣ, сочиненной сыщиками, Бейлисъ схватилъ и потащилъ въ печь Андрея Ющинскаго. Кстати: пусть читатели знаютъ, что на судѣ рѣшительно установлено, что покойный Андрюша былъ сильнымъ, рослымъ мальчикомъ, свободно на далекое разстоянiе носилъ тяжести по полтора-два пуда и что одному человѣку съ нимъ ни за что бы не справиться.

Запомнимъ это: вѣдь, не забудьте, ранъ ему нанесено было много, можетъ быть, его убивало нѣсколько человѣкъ?

Громадное пространство, десятинъ пятнадцать, занимаетъ усадьба завода. Расположена она по склонамъ овраговъ, окаймленныхъ густолиственными садами и лѣсомъ, уже позолотившимся отъ осеннихъ дуновеній.

Тамъ, направо, въ отдаленіи, на противоположномъ берегу оврага, маячатъ деревянные кресты православнаго кладбища, такъ рѣзко, такъ отчетливо выдѣляясь на прозрачной синевѣ безконечной дали.

Внизу, далеко, далеко, разлились по поемнымъ лугамъ проливы и лиманы Днѣпра, между которыми зеленѣютъ, золотясь, купы деревьевъ... Чарующая, спокойная красота природы, и эти водоемы, отражающіе въ себѣ благодатную синеву неба, и спокойствіе безбрежной дали, и это осеннее безмолвіе глубокихъ пропастей, по обрывамъ которыхъ мы такъ много ходимъ, такъ много хлопочемъ, такъ много ищемъ,—все это волнуетъ сердце, и хочется крикнуть: „остановитесь, вы, люди! Поднимите глаза ваши отъ лица земли къ красотѣ неба—и неужели вы не почувствуете, неужели въ сердцѣ вашемъ не запоетъ всехвальная пѣснь примиренія расовой и религіозной вражды и вы... вы, обремененные годами, тяжелымъ опытомъ житейской борьбы, вы, люди дѣла и закона, не скажете всѣмъ, что нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ ни у насъ въ Россіи и нигдѣ, гдѣ уже разлился свѣтъ просвѣще-

нія, ни среди евреевъ, ни среди русскихъ, ни среди французовъ, нѣмцевъ и англичанъ, сектантовъ или ортодоксовъ, нѣтъ и не можетъ быть ни причащенія человѣческой кровью, ни ритуальныхъ убійствъ?!...

Но здѣсь никто не сказалъ этого, и мы всѣ, одинъ за другимъ, полѣзли въ „печь огненную“, гдѣ обжигаютъ кирпичи и гдѣ, господа ритуалисты предполагаютъ, былъ убитъ Андрей Ющинскій, а отсюда уже черезъ лѣса, овраги, буераки, спуски, кручи, заборы, и иныя препятствія, — этимъ путемъ истинныхъ мытарствъ — былъ переправленъ въ пещеру... Странное дѣло: какіе тупые убійцы! Придумали для себя эту истинную муку: поди-ка, тащи чуть не три версты окровавленный трупъ такой ужасной, непроходимой дорогой и, вѣроятнѣе всего, въ глухую, темную ночь, безъ фонарей, и не только трупъ, но и тетрадки, и шапку, и куртку...

И ничего не потеряли, и никакихъ слѣдовъ не оставили... Странные, глупые убійцы!

Но совѣсть повелительно говоритъ: убійцы здѣсь не ходили, ибо, какъ говорятъ мѣстные жители, тутъ и днемъ одному человѣку не пройти, а не то, что ночью, да еще съ ношей, да съ какой!?—Съ трупомъ крупнаго, сильнаго мальчика!

Странно все это, странно...

И вотъ, наконецъ, мы идемъ прямой, а потому и кратчайшей дорогой къ пещерѣ...

Идемъ-же, идемъ!..

Идемъ прямо отъ той лазейки, гдѣ, какъ указываютъ мѣстные жители, проносили трупъ Андрея Ющинскаго.

Она дѣйствительно кратчайшая, она дѣйствительно удобная для несенія всякихъ ношъ: мѣсто глухое, настолько глухое, что врядъ-ли кто-либо изъ обывателей рискнулъ бы здѣсь итти не только ночью, но даже подъ вечеръ... Намъ разсказываютъ, что въ 1911 г. здѣсь было еще глуше—больше лѣсу, зарослей. Теперь появились здѣсь дома, а тогда жилья никакого не было...

— Что-же, по ночамъ здѣсь можно было встрѣтить прохожаго?

— Что вы, что вы?..—отвѣчаетъ кто-то изъ обывателей.

И отвѣтъ этотъ столь искрененъ, столь вѣрно передаетъ то настроеніе, которымъ полны здѣшніе люди, что становится яснымъ, что здѣсь было совершенно удобно, вполнѣ возможно нести ночью что угодно, въ томъ числѣ и трупъ убитаго, не рискуя никакой встрѣчей...

Постепенно мы все поднимаемся... Оказывается, это любимое мѣсто окрестныхъ жителей. Сюда любятъ приходить на прогулку, на попойки, на отдохновеніе...

Мѣстность эта, называемая Загоровщиной, здѣсь дѣйствительно привольная, поэтическая... Широкій лугъ, на которомъ повсюду разбросаны громадныя, великолѣпныя деревья, такъ и манящія къ себѣ, подъ свои шатры.

Сейчасъ здѣсь все полно полиціи. Повсюду возвышаются конныя фигуры стражниковъ, вездѣ городовые, вездѣ пристава...

Вотъ мы какъ-то сразу, неожиданно подошли къ пещерѣ. Остановились... Подъ огромнымъ, развѣсистымъ деревомъ вырытъ узкій и низкій входъ, такъ что влезать въ нее приходится, пятясь назадъ...

Одинъ за другимъ проникаютъ въ пещеру присяжные засѣдатели. Пещеру освѣщаютъ фонаремъ...

— Не толпитесь тамъ, на верху,—все время предупреждаетъ предсѣдатель,—а то еще обрушится, засыпетъ кого-нибудь...

Вотъ экспертъ Павловъ, снимаетъ шашку и несмотря на свой почтенный возрастъ, бодро и быстро спускается туда, гдѣ былъ трупъ убитаго юноши...

Тутъ же на мѣстѣ опрашиваютъ городовыхъ, какъ и что они нашли...

Судъ двинулся дальше, а мы, представители печати, полезли въ пещеру...

Вотъ и моя очередь...

Сознаніе, что сюда, этимъ ходомъ, также, какъ иду теперь я самъ, тащили бѣднягу

Андрея Ющинскаго, намучились, устали и толкали, пропихивали его сюда такъ-же спиной, какъ мы,—иначе нельзя,—а онъ со связанными руками, закостенѣлый, съ полуоткрытымъ ртомъ и перекошенными глазами, не лѣзъ, не слушался, мѣшая своими растопыренными ногами тащить скоро и безъ задержки, словно упираясь, словно не желая идти туда,—это сознаніе мучитъ меня, тревожитъ, и я вижу, я чувствую его, этого несчастнаго мальчика...

Вотъ я тамъ, въ пещерѣ—крошечная площадка; направо одно русло пещеры—тамъ найдена куртка, вся въ глинѣ... А налѣво маленькая закутка-пещерка. Сюда-то и втащили убійцы трупъ Андрюши, здѣсь прислонили они его, окостенѣлаго, къ стѣнѣ—иначе нельзя было—нѣтъ мѣста... Онъ такъ стоялъ здѣсь около недѣли, и члены его становились все мягче и мягче, и онъ садился все ниже и ниже, со связанными руками назадъ, царапая ими стѣну, точно хватаясь за нее... Вотъ онъ уперся ногами о противоположную стѣнку, осунулся еще, склонилъ голову и... успокоился недвижимымъ.

— Надолго-ли?

— До судебнаго слѣдователя...

— Какъ же онъ тутъ „сидѣлъ?“—спрашиваетъ какой-то сотрудникъ: для ускоренія мы лазили по-двое.

— Вотъ такъ,—говоритъ намъ охотно паренекъ, свѣтившій фонаремъ.

И онъ быстро садится на землю, на тѣ, можетъ быть, листья, на которыхъ сидѣлъ Андрюша; скорчился, уперся согнутыми ногами въ стѣнку, притулился спиной къ другой, весь согнулся, руки назадъ и опустилъ безпомощно голову.

Такъ постепенно здѣсь образуется новый промыселъ объясненія и показыванія пещеры, приходящимъ и пріѣзжающимъ сюда любопытнымъ. Это новая доходная статья жителей Лукьяновскаго предмѣстья города Кіева.

— А тутъ вотъ, въ печурочкѣ, тетрадки были... — говоритъ намъ этотъ-же мальчикъ.

И мы, осмотрѣвши, вылѣзли на „бѣлый свѣтъ“, который не только намъ, но и фонарщику Шаховскому милѣй, чѣмъ вся правда, чѣмъ вся подноготная этого дѣла...

Но правда придетъ и мы ее узнаемъ...

Всѣ перепачканные глиной, мы бѣжимъ догонять судъ; они осматриваютъ заборъ, доски, гвозди, черезъ который, согласно утвержденій союзника студента Голубева, якобы несли трупъ изъ завода Зайцева.

— Здѣсь, этой дорогой-то, по буеракамъ то нашимъ, и человѣку-то одному не пройти, а не то што трупъ нести...—говоритъ кто-то изъ полицейскихъ...

Возбуждается вопросъ о необходимости пройти прямымъ путемъ отъ печки зайцевскаго завода къ пещерѣ...

— Нужно итти... Идемъ сейчасъ...

Вечерѣетъ... и сразу начинаетъ темнѣть.

— Нѣтъ сейчасъ нельзя, мы всѣ простудимся, я уже чувствую насморкъ, съ жаромъ заявляетъ одинъ изъ обвинителей...

Понимаете, господа читатели, насморкъ чувствуется, а тутъ предлагаютъ итти тѣмъ путемъ гдѣ будто-бы несли трупъ Ющинскаго! Стоитъ-ли изъ-за этого безпокоиться?...

И осмотръ этого пути отлагается до другого раза... Кстати сказать: онъ такъ и не состоялся.

Въ полутьмѣ маячатъ стражники... Вотъ проводятъ Бейлиса подъ сильнымъ конвоемъ и сажаютъ въ тюремную карету... Садятся присяжные въ четырехмѣстныя коляски.

Гудятъ автомобили... Выѣзжаетъ судъ... Скачутъ стражники вокругъ экипажей присяжныхъ... Мчимся всѣ мы... Вездѣ народъ, вездѣ полиція, патрули пѣшіе и конные, и небо кропитъ насъ дождемъ, точно слезой омывая тяжелыя думы...

XXXI.

Ужасы черты еврейской осѣдлости.

Въ XX вѣкѣ, завѣтъ Христа, что „нѣсть эллина и іудея“, теперь приходится мѣнять

у насъ въ Россіи и говорить вездѣ и всюду, что „есть эллинъ и іудей“.

Ограниченіе правъ жительства, ограниченіе правъ образованія, попытки ограниченія правъ въ торговлѣ и даже въ кредитѣ, за который, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, кредитующійся расплачивается значительными процентами, ограниченіе вездѣ и всюду—вотъ то, къ чему стремяться для евреевъ владѣющіе и господствующіе элементы нашей современности...

Но помимо этого, оказывается, въ самихъ ограниченіяхъ есть еще особыя ограниченія, въ самой чертѣ осѣдлости есть еще внутренняя черта осѣдлости, есть огненные круги, за которые человѣкъ, виноватый лишь тѣмъ, что онъ родился евреемъ не можетъ переступать, не нарушая законъ.

Изъ показаній Шнеерсона и другихъ евреевъ я первый разъ въ жизни услыхалъ, что въ городѣ Кіевѣ еврей, спокойно живущій въ одномъ кварталѣ, не можетъ жить въ другомъ... Когда усомнился въ этомъ, не ослышался ли я, и сталъ разспрашивать, то я узналъ еще болѣе странныя вещи, совершенно не вмѣщающіяся въ моемъ мозгу: я узналъ, что есть улицы, на одной сторонѣ которыхъ жить еврею можно, а перейдя черезъ улицу, на другой тротуаръ, онъ уже совершаетъ преступленіе, ибо ему тамъ жить нельзя!.. Нѣтъ, я этому не вѣрю, ибо

это, дѣйствительно, какія-то чудеса въ рѣшетѣ, и намъ, русскимъ людямъ, имѣющимъ право свободнаго передвиженія, даже дѣлается невозможнымъ понять той психологіи, которая должна выработаться при этомъ вѣчномъ страхѣ совершенія противозаконнаго дѣйствія, почти преступленія, за которое могутъ взыскивать... Только на минуту подумать, что я въ Петербургѣ, или въ Москвѣ, начиная пріискивать себѣ квартиру, долженъ точно помнить всю эту хитрую механику: туда не пойди, здѣсь не ночуй, тутъ не снимай квартиру, тамъ не засиживайся у знакомыхъ,— да только отъ одной этой мысли, голова начинаетъ пухнуть, и надо положительно преклоняться предъ мужествомъ этого долготерпѣливаго народа, насыщеннаго такимъ громаднымъ патріотизмомъ къ своей родинѣ, къ Россіи, что они, при всѣхъ этихъ горестныхъ обстоятельствахъ, еще живутъ среди насъ, а не бѣгутъ куда-либо, закрывши глаза, отряхнувши, по древнему обычаю, прахъ отъ ногъ своихъ.

Что ихъ держитъ? Что ихъ приковываетъ здѣсь, гдѣ ихъ гонятъ, гдѣ ихъ преслѣдуютъ? Почему возвращаются они изъ Америки, чтобы „коснуться родной земли“, какъ вычиталъ я въ одномъ изъ писемъ хорошо обезпеченнаго еврея-семьянина, рѣшившаго, черезъ двадцать лѣтъ жизни въ Соединенныхъ Штатахъ пере-

браться въ какой-то захолустный городишко черты еврейской осѣдлости.

Право, это загадка, надъ которой слѣдуетъ задуматься.

XXXII.

Отецъ Автономъ.

Благообразный іерей, убѣленный сѣдинами, повѣствуетъ намъ о томъ, что ему извѣстно, какъ евреи замучивали христіанскихъ дѣтей, и что, если бы открылась земля, то нашлось бы много „христіанскихъ косточекъ“... очевидно „ритуальнаго происхожденія“—хотѣлъ подчеркнуть о. Автономъ. Но здѣсь отецъ архимандритъ былъ остановленъ предсѣдателемъ...

Архимандритъ разсказалъ на судѣ два случая, про одинъ изъ которыхъ онъ процитировалъ слова слѣдователя, ведшаго разслѣдованія по этому дѣлу:

— И все это вы врете,—заявилъ слѣдователь яко бы пострадавшему.

Другой, будто бы, разбирался въ судѣ и виновный пошелъ въ каторгу.

— Но въ чемъ же виновный?

Оказывается, въ обоихъ этихъ случаяхъ говорится о еврейскихъ мальчикахъ, перешедшихъ въ православіе, и въ одномъ случаѣ, по показанію о. Автонома, мальчикъ былъ убитъ,

а въ другомъ случаѣ—такого мальчика щипали и били...

Что же это доказываетъ?

Доказываетъ только то, что религіозные фанатики вездѣ есть...

Но какое же это отношеніе къ ритуальному убійству, съ цѣлью извлеченія крови для причащенія?..

Рѣшительно никакого... Право же, это очевидно даже младенцамъ, и надо прямо поражаться, какъ этотъ о. Автономъ могъ быть вызванъ свидѣтелемъ для того, чтобы разсказать то, что онъ и подтвердить ничѣмъ не могъ, и все время только и отыгривался на „кажется“, да „можетъ быть“.

Но, вотъ, скажутъ, какіе евреи фанатики—окрестился мальчикъ,—сейчасъ же бить его?..

— Вы еврей?..—задаетъ совершенно неожиданно вопросъ товарищъ прокурора о. архимандриту,—вы изъ евреевъ?..

Отецъ Автономъ, немного смущаясь своего явнаго происхожденія отъ праотцевъ древняго Израиля, тихонько заявляетъ:

— Да, одиннадцати лѣтъ меня крестили...

— Ну, а когда вы были евреемъ,—спрашиваетъ Грузенбергъ,—вы отъ вашихъ родителей, родственниковъ, или отъ еврейскихъ учителей слыхали когда-нибудь, что евреи крадутъ христіанскихъ мальчиковъ, убиваютъ ихъ и пріобщаются кровью христіанскихъ младенцевъ?..

— Нѣтъ, никогда не слыхалъ! — взволнованно отвѣтилъ о. архимандритъ.

— А отъ кого-жъ вы слыхали это?

— Этому меня обучали православные учителя...

Въ публикѣ большое движеніе. „Вотъ оно что!“—недоумѣнно восклицаетъ мой сосѣдъ.

А мнѣ такъ и хотѣлось спросить:

— Ваше преосвященство, а васъ лично не крали, не били, не убивали?..

Конечно, онъ мнѣ отвѣтилъ-бы, что нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ...

Значитъ, если мы даже повѣримъ о. Автономy, то мы навѣрное ужъ знаемъ, что хотя бы только изъ двоихъ выкрестившихся еврейскихъ мальчиковъ—одного крали, другого—не крали; одного били, а другого не били.

Потомъ у меня заворошился другой навязчивый вопросъ:

— А что, если бы, скажемъ, въ Кіевѣ христіанскій мальчикъ одиннадцати лѣтъ, перешелъ бы въ еврейство, принялъ іудейское вѣроисповѣданіе, что было бы тогда?

Били-бы кого нибудь или не били? Писали бы о еврейскомъ засиліи или не писали?

Какъ жаль, что о. Автономy никто этихъ вопросовъ не предложилъ. Вѣдь онъ могъ бы, вѣроятно, намъ на нихъ отвѣтить съ большой точностію...

XXXIII.

Козаченко.

Посадили Бейлиса въ тюрьму... Сидитъ онъ, томится, тяжело ему... И вотъ, тюремное начальство, заботясь о томъ, чтобы его не обижали арестанты,—переводитъ въ камеру „скрывающихся“ арестановъ. Что-же это за люди, что-же это за арестанты, которые даже въ тюрьмѣ должны скрываться отъ своихъ-же товарищей по несчастію?

Это тѣ, которые на волѣ занимались добровольнымъ или служебнымъ сыскомъ, а потомъ сами проворовались, или, совершивъ то или иное уголовное преступленіе, попали, въ ожиданіи суда, въ тюрьму. Здѣсь они чувствуютъ обыкновенно себя въ большой опасности отъ арестанской среды, которая всегда готова съ подобными субъектами расправиться самосудомъ...

Находясь въ тюрьмѣ, эти любители сыска охотно продолжаютъ заниматься тѣмъ же своимъ ремесломъ.

Въ дѣлахъ разслѣдованія уголовныхъ преступленій нерѣдко примѣняется пріемъ, когда особо интереснаго арестанта переводятъ въ компанію этихъ проворовавшихся сыщиковъ, доносчиковъ, продажныхъ людей, провокаторовъ и пр. т. п. молодцовъ. Поручаютъ тому

или иному лицу подружиться съ нимъ, войти въ довѣріе, а потомъ... потомъ дать слѣдствію то, что ему необходимо.

Такъ случилось и здѣсь. Бейлиса почему-то перевели въ эту камеру.

Съ Бейлисомъ начинаетъ знакомиться арестантъ Казаченко, который былъ на волѣ агентомъ, кажется, добровольнымъ, сыскной полиціи.

Бейлисъ совершенно ввѣряется ему. Они сильно „дружатъ". И вотъ, Козаченко обучаетъ Бейлиса, какъ можно черезъ надзирателя снестись съ волей, написать письмо женѣ...

Чадолюбивый Бейлисъ, которому не давали свиданія и который тосковалъ о семьѣ, обрадовался, сейчасъ-же написалъ письмо.

Вотъ оно:

„Дорогая моя жена, подателемъ сей записки увѣдоми меня, какъ здоровье ваше и дѣтей, что на свободѣ слышно, до какихъ поръ я буду безвинно страдать, хлопочетъ кто-либо за мной или нѣтъ, и прошу заплатить за трудъ этому человѣку и напишите мнѣ записку, какъ и все здоровье твое и дѣтей моихъ. Мендель Бейлисъ."

Написалъ записку Бейлисъ. Подписался въ ней собственной рукой и отдалъ, черезъ Козаченко, надзирателю. Куда-же понесъ надзиратель это письмо Бейлиса? Къ женѣ? Къ дѣтямъ? Нѣтъ,—къ тюремному начальству.

Что дѣлаетъ съ письмомъ тюремное начальство? Оно снимаетъ съ него копію, дѣлаетъ видъ, что ничего не знаетъ, не возбуждаетъ ни административнаго, ни судебнаго взысканія противъ наивнаго Бейлиса... Посылаетъ съ тюремнымъ солдатомъ эту записку женѣ Бейлиса. Та обрадовалась, та счастлива...

Получила письмо отъ мужа. Онъ самъ писалъ своей рукой... Читаетъ дѣткамъ... Отъ папы письмо!

— Папочка живъ, папочка здоровъ!—Онъ скоро будетъ съ нами!

— Скоро-ли?

— Каковъ-то нашъ папочка теперь?..

Дрожащей рукой пишетъ „дорогая жена“ своему Менделю отвѣтъ на этой-же запискѣ. Что-же она пишетъ эта бѣдная женщина, дѣйствительно несчастная страдалица?

Она почти не находитъ словъ...

Вотъ что она написала: „Дорогой мужъ мой, мы, слава Богу, здоровы, я и дѣти. Пинька ходитъ въ гимназію, а Дудикъ и Тевка пока еще дома и я не имѣю за что ихъ учить. Дорогой, не безпокойся, Богъ дастъ и ты освободишься. Богъ знаетъ правду, что ты напрасно сидишь. Больше я тебѣ не имѣю что писать. Будь здоровъ. Твоя жена Эстеръ Бейлисъ“.

Она тысячу разъ благодаритъ этого хорошаго, добраго человѣка, этого тюремнаго сол-

дата, который, какъ ангелъ - благовѣстникъ, принесъ ей и радость, и счастье, и утѣшеніе.

— Да благословитъ его всемогущій Богъ!

Ахъ, если-бы она знала что отъ этого выйдетъ, какое горе, какое зло, какія муки ковали эти руки ея дорогому Менделю!..

Не радовалась-бы она этой вѣсточкѣ изъ-за тюремной рѣшетки...

— Но надо отблагодарить этого хорошаго человѣка!...

И она, бѣдная, еле кормящаяся, отъ всѣхъ своихъ щедротъ героически отвалила тюремному солдату... пятьдесятъ копеекъ!...

Что-же дѣлаетъ солдатъ?

Онъ несетъ отвѣтъ „дорогой жены“ своему начальству. Начальство снимаетъ съ отвѣта копію, а подписанное рукою жены письмо передаютъ Бейлису. А полтинникъ? Полтинникъ отдается по начальству. А начальство все время сообщаетъ объ этой перепискѣ, кому слѣдуетъ.

Бейлисъ радъ. Бейлисъ читаетъ письмо... Угощаетъ своего пріятеля Козаченко чаемъ...

— Ну что-жъ? — думаетъ онъ — пускай попьетъ... Онъ такой хорошій...

Бейлисъ переносится въ свою семью и обнимаетъ, и цѣлуетъ и ласкаетъ своихъ дѣтей, свою „дорогую жену“...

Но вотъ наступаетъ тяжелое время. „Друга“ его Козаченко уводятъ въ судъ—его судятъ за подлогъ,—и... оправдываютъ... Бейлисъ плачетъ,—это установлено на судѣ,—ему жалко разстаться со своимъ закадычнымъ другомъ...

Напослѣдокъ другъ Бейлиса рѣшилъ оказать ему важную услугу: пронесть и самолично передать письмо женѣ.

У Бейлиса болѣли глаза, самъ онъ писать не могъ. Написалъ кто-то изъ арестантовъ. Ему на-спѣхъ прочли.

— Подпиши письмо,—говоритъ „другъ“.

— Почему-же не подписать? Дорогой женѣ будетъ еще пріятнѣй, да она будетъ увѣреннѣй что это письмо именно отъ него...

Взялъ и подписалъ, своимъ именемъ и фамиліей полностію,совершенно не подозрѣвая, что въ эту минуту онъ подписывалъ себѣ, самъ своей рукой, почти смертный приговоръ.

Конечно и это письмо попадаетъ сейчасъ-же начальству, которое препровождаетъ и письмо и Козаченко сначала въ полицію, а потомъ къ прокурору: только черезъ сутки Козаченко былъ допрошенъ и разсказалъ чудовищныя небылицы слѣдователю.

Онъ заявилъ, что Бейлисъ просилъ его отравить „Лягушку“ и „Фонарщика“ т. е. какъ разъ тѣхъ изъ свидѣтелей, которые наиболѣе твердо и даже неопровержимо уста-

навливаютъ доказательства въ пользу невиновности Бейлиса и несомнѣнной принадлежности къ этому дѣлу другихъ лицъ...

Помните Наконечнаго — это и есть „Лягушка“, а „Фонарщикъ“—это Шаховской.

Съ величайшей подробностью, словно обрадовавшись своей волѣ, Козаченко разсказываетъ слѣдователю о порученіи, будто-бы данномъ ему Бейлисомъ.

Но что-же написано въ этомъ письмѣ?

Вчитайтесь въ него внимательно.

„Дорогая жена, человѣкъ который отдастъ эту записку, сидѣлъ со мной вмѣстѣ въ тюрьмѣ, сегодня онъ по суду оправданъ. Прошу тебя, дорогая жена, прими его, какъ своего человѣка, если-бы не онъ, я бы давно въ тюрьмѣ пропалъ, этого человѣка не бойся, онъ можетъ тебѣ очень много помочь въ дѣлѣ моемъ. Скажи ему, кто на меня еще показываетъ ложно. Иди съ этимъ господиномъ къ г. Дубовику—(это управляющій кирпичнаго завода, В. Б. Б.).—Почему никто не хлопочетъ! Ко мнѣ пріѣзжалъ присяжный повѣренный Виленскій. Онъ проживаетъ Маріинско-Благовѣщенская, 30. Онъ хочетъ меня защищать безплатно, я его лично не видѣлъ, а передало начальство. Пятый мѣсяцъ я страдаю, видно никто не хлопочетъ, всѣмъ извѣстно, что я сижу безвинно, или я воръ, или я убійца, каждый-же знаетъ что я честный человѣкъ. Я

чувствую, что я не выдержу въ тюрьмѣ, если мнѣ придется еще сидѣть. Если этотъ человѣкъ попроситъ отъ тебя денегъ, ты ему дай на расходъ, который нуженъ будетъ. Хлопочетъ-ли кто-нибудь, чтобы меня взяли на поруки подъ залогъ... Это враги мои, которые на меня ложно показываютъ, то они отомщаются за то, что я имъ не давалъ дрова и не дозволялъ черезъ заводъ ходить. Городовой свидѣтель, что они отгораживались; желаю тебѣ и дѣткамъ всего хорошаго, всѣмъ остальнымъ кланяюсь. Г. Дубовику, г. Заславскому передай поклонъ. Пусть хлопочутъ освободить меня. 22 ноября". Потомъ идетъ приписка: „Я Мендель Бейлисъ, не безпокойся, на этотъ человѣкъ можно надѣичи какъ и самъ."

Вотъ оно все это страшное письмо... Человѣка засадили за тюремную рѣшетку; человѣкъ пишетъ, что больше не выдержитъ тюрьмы. Радуется, что его кто-то берется даромъ защищать... Печалится, что о немъ никто не хлопочетъ—хоть-бы на поруки взяли!— Призываетъ городового въ свидѣтели, что ему попросту мстятъ, а тутъ вычитали Богъ знаетъ что, или лучше сказать, дали хоть на минуту вѣру объясненіямъ письма Козаченко.

Скажите, есть-ли въ этомъ письмѣ хоть намекъ на то, что утверждаетъ Козаченко? Его нѣтъ, и никакими микроскопами такого намека нельзя отыскать. Или эта жалоба,

этотъ вопль на свое тяжелое тюремное существованіе, вспомните слова: „я чувствую: я не выдержу въ тюрьмѣ!“... „Я сижу безвинно, или я воръ, или я убійца, каждый знаетъ, что я честный человѣкъ“—является матеріаломъ, который послужилъ для того вывода, который былъ сдѣланъ?

Конечно, не стоило рѣшительно никакого труда опровергнуть эти показанія—и ихъ опровергли еще на предварительномъ слѣдствіи, но вотъ вопросъ, который невольно возникаетъ у каждаго безпристрастнаго человѣка:

— Почему письмо, переданное нелегально арестантомъ, тюремное начальство разрѣшило отнести своему подчиненному солдату? Почему-же слѣдственная власть остановилась только на допросѣ Козаченко? Почему оно не разрѣшило ему, что называется „ломая комедію“, продѣлать все то, что будто-бы просилъ Бейлисъ, ну что-ли до того момента, когда пройдя, по его увѣреніямъ, черезъ рядъ лицъ, предполагаемыхъ соумышленниковъ Бейлиса,— не получилъ бы онъ изъ еврейской больницы стрихнинъ для отравленія „Лягушки“ и „Фонарщика“? Вѣдь тогда бы фактъ, дѣйствительно былъ бы установленъ и виновные давно были-бы на каторгѣ...

Но этого ничего не было сдѣлано, такъ какъ совершенно ясно, что никто этой кле-

ветѣ и чепухѣ не вѣрилъ и не вѣритъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ весь этотъ воистину негодный матеріалъ былъ внесенъ въ обвинительный актъ, очевидно для колоритности процесса...

— Но гдѣ-же самъ Козаченко?

— Его вызвали свидѣтелемъ, но онъ не явился.

— Гдѣ-же онъ?

— Это никому неизвѣстно...

Чѣмъ занимается теперь Козаченко, мы не знаемъ, но убѣждены, что онъ гдѣ-либо спокойно здравствуетъ и даже благодушествуетъ среди своихъ близкихъ...

— А Мендель Бейлисъ?

— А Мендель плакалъ, когда разлучался съ своимъ „другомъ“ въ тюрьмѣ... Плакалъ отъ любви къ нему...

XXXIV.

Показанія Синяева.

Такъ какъ Козаченко въ судъ не явился, то его показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи, оглашались въ судѣ.

Много заняло у суда времени чтеніе этихъ показаній Козаченко.

Какъ ни фантастична эта исторія, какъ ни неправдоподобно, чтобы обвиняемый „травилъ“ бы тѣхъ, кто даетъ показанія, устанавливающія полную его невинность, но все-таки пока-

занія этого Козаченко имѣли извѣстное значеніе, а потому интересно было выслушать показаніе нѣкоего Синяева, который зналъ много лѣтъ этого страннаго доносчика. Онъ зналъ Козаченко еще на родинѣ.

— Дружили мы съ нимъ, крѣпко дружили,—разсказываетъ свидѣтель.—Вмѣстѣ гуляли, вмѣстѣ знакомыхъ имѣли... На ярмаркахъ бывали... Я ничего дурного не думалъ о немъ и, пожалуй, и до сего времени такъ бы и думалъ, да вотъ случилось такое дѣло, которое развело насъ навсегда...

— Ну, а теперь какъ вы его считаете?

— Считаю его за плохого человѣка,—говоритъ онъ.

— Почему?

— Плохой онъ... Въ карманъ къ любому залѣзетъ...

— Почему вы такъ думаете?

— Да потому, что онъ и ко мнѣ залѣзъ...

— Какъ такъ?

— Да такъ... Попросилъ у меня рубль взаймы, я говорю—возьми, только вотъ, рубля-то у меня нѣтъ... Три есть, размѣняешь—рубль возьми себѣ, а два верни... Взялъ онъ три-то рубля, да и былъ таковъ, сейчасъ скрылся... Это есть самое мошенство,—обидчиво заявляетъ свидѣтель.

Свидѣтель вспоминаетъ, что, когда Козаченко приходилъ на заводъ Зайцева по пору-

ченію Бейлиса, увидѣвъ его, онъ принималъ всѣ мѣры, чтобы не встрѣтиться съ ними...

— Я предупреждалъ управляющаго заводомъ господина Дубовика, что это за птица... Его всѣмъ надо опасаться... Самый послѣдній человѣкъ...

— Ему ни въ чемъ довѣрять нельзя...

Такъ отзывается объ этомъ одномъ изъ главнѣйшихъ свидѣтелей тотъ, кто знаетъ Козаченко даннымъ-давно...

XXXV.

Свидѣтель арестантъ.

Вся эта козаченковская исторія совершенно распалась когда суду пришлось выслушивать свидѣтеля арестанта, сидѣвшаго одновременно съ Козаченко въ тюрьмѣ, слышавшаго всѣ разговоры Менделя Бейлиса и присутствовавшаго, когда писалось то письмо къ женѣ Бейлиса, которое ему вмѣняется въ такую тяжкую вину.

Этотъ свидѣтель отбываетъ наказаніе за кражу. Сидѣлъ ранѣе въ одной камерѣ съ Бейлисомъ и Козаченко..

— Бейлисъ при всѣхъ арестантахъ жаловался на свое тяжелое положеніе, что страдаетъ онъ безвинно-напрасно!

— Мы всѣ знали, что онъ посылалъ записку на волю къ женѣ...

— А Козаченко?

— Козаченко его обсасывалъ... Это арестантское выраженіе—работалъ надъ нимъ.

— А Бейлисъ дружилъ съ нимъ?

— Дружилъ.

— Просилъ передать записку женѣ?

— Просилъ.

— Просилъ Козаченко хлопотать?

— Просилъ.

— Почему?

— Такъ, что онъ освободился, ну, всѣ думали, что и другихъ онъ можетъ освободить... Бейлисъ просилъ его похлопотать на волѣ...

— А отравить никого не просилъ?

— Нѣтъ, этого не было, мы бы знали...

И сколько мы ни слушаемъ свидѣтелей, каждый разъ, какъ только дѣло коснется какого-либо пункта обвиненія, сейчасъ же все разъясняется, и обнаруживается или полная сказочность и фантастичность обвиненій, или полная несостоятельность ихъ, не выдерживающихъ ни малѣйшаго прикосновенія критики при перекрестномъ допросѣ.

И хочется спросить: гдѣ же, кто же подтверждаетъ хоть чѣмъ-нибудь то, въ чемъ обвиняется Мендель Бейлисъ?

Ни одного слова во время всего процесса мы не слышали не только по поводу ритуальныхъ мотивовъ убійства, въ чемъ именно и обвиняется Бейлисъ, но и вообще о какой-либо причастности его къ этому кошмарному убійству.

XXXVI.

Козаченко въ синагогѣ.

У Козаченко былъ какой-то большой планъ съ дѣломъ Бейлиса, онъ что-то замышлялъ крупное, но оно у него сорвалось...

— Выхожу изъ синагоги, — показываетъ свидѣтель Жукъ,—вдругъ ко мнѣ подходитъ какой-то совершенно незнакомый человѣкъ и начинаетъ говорить о несчастномъ положеніи Бейлиса, которому необходимо помочь... Я былъ очень удивленъ этимъ неожиданнымъ обращеніемъ... Отказался съ нимъ говорить, просилъ его оставить меня.

— А какъ онъ себя назвалъ?...

— Кажется, Козаковъ...

— А можетъ быть, Козаченко...

— Да, да Козаченко...

— А вы денегъ ему дали?...

— Нѣтъ...

— Почему?...

— Онъ не просилъ...

Изъ дальнѣйшаго допроса, какъ этого, такъ и другого свидѣтеля, выяснилось, что потерпѣвши неудачу у дверей синагоги, Козаченко не смутился... Онъ пошелъ въ синагогу и сталъ съ тѣми же вопросами и совѣтами приставать къ другимъ евреямъ, занимающимъ при синагогѣ то или иное положеніе!.. Не

было-ли здѣсь желанія расширить рамки кроваваго навѣта и какъ-нибудь, чѣмъ-нибудь притянуть цѣлую религіозную еврейскую организацію къ этому дѣлу?

XXXVII.

Человѣкъ истинно-чешскаго происхожденія.

Входитъ типичный еврей, начинающій лысѣть со лба. Типичное лицо, типичная шевелюра, борода. Держитъ себя важно, надменно...

Начинаетъ разсказывать длинный разсказъ о своихъ подвигахъ, и съ первыхъ же словъ обнаруживаетъ, что всѣ привычки, всѣ жесты, усвоенные любымъ евреемъ глухихъ мѣстечекъ черты осѣдлости, ему не только не чужды, но очень знакомы, очень близки...

Сначала я подумалъ, что это какое-то мѣстное начальство...

— Какъ же это такъ,—въ антисемитскомъ Кіевѣ и вдругъ такой пассажъ:—какое-то начальство... и еврей! Что за игра природы!..

Въ разсказѣ только и слышишь: я замѣтилъ, что Мищукъ плохо ведетъ слѣдствіе. Я сталъ хлопотать о назначеніи Красовскаго. Я былъ увѣренъ, что онъ поведетъ дѣло, какъ слѣдуетъ, но вскорѣ разочаровался... Когда я говорилъ съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, то оно мнѣ сказало... Когда я былъ

въ саду съ его превосходительствомъ, мы обсуждали... Къ намъ, подошли... Я сказалъ... Мы пошли...

— Я, я и я... Мы, мы и мы... и все съ начальствомъ, да съ какимъ!.. Съ высокопоставленнымъ лицомъ, „назвать фамилію котораго будетъ, можетъ быть, непріятно его превосходительству...“

— Съ его превосходительствомъ...

— Его превосходительство... — еле успѣваю отмѣчать.

Конечно, ему, этому еврею, хорошо извѣстно, что Ющинскаго укралъ Бейлисъ, и хотѣлъ его съѣсть, т. е., виноватъ, выпить кровь и угостить остаточками своихъ друзей— почему не угостить?

— Какъ его фамилія,—этой знаменитости города Кіева, о которомъ вскорѣ будетъ отмѣчено во всѣхъ бедекерахъ и котораго англичане будутъ разсматривать въ телескопы, ибо, вѣдь, это звѣзда первой величины.

Россія должна знать, увѣковѣчить эту великовельможную фигуру знаменитѣйшаго рода: его фамилія Розмитальскій. Слышали ли вы такую фамилію? Нѣтъ? Странно, очень странно...

— Вы кто? Вы почетный членъ...

— Я почетный членъ рушкаго собранія...— кричитъ гортаннымъ голосомъ г. Розмитальскій.

И онъ гордо поднимаетъ голову...

— Я предсѣдатель...

Тутъ у меня закружилась голова, и я, ей-ей, не разслышалъ: чей онъ предсѣдатель...

— Вы право...

— Я правошлавный...

— Мать?

— Мать—правошлавная!..

„Но почему онъ вмѣсто „с“ говоритъ „ш“?—мелькнуло у меня въ головѣ.—„Вѣдь это типичный недостатокъ выговора еще недостаточно обрусѣвшихъ евреевъ?“

— Отецъ?

— Отецъ—чехъ!

— Вотъ онъ кто?!

— Онъ чехъ... Господа, онъ чехъ!.. Бѣдные чехи!.. Онъ истинно-чешскаго происхожденія... Это несомнѣнно, это ясно, какъ Божій день... Понимаетъ, онъ чистокровный славянинъ, онъ чехъ!..

Кіевляне, сидящіе въ публикѣ, еле подавляютъ смѣхъ...

— Чехъ? А! Вотъ такъ чехъ? А не чешскій ли еврей?..

— Чѣмъ вы занимаетесь?

Ну, думаю, кончено! Какъ начнетъ перечислять!.. Никакія стенографистки не запишутъ...

— У меня была гостиница! — говоритъ онъ гордо...

— Гостиница!.. — умираютъ со смѣху кіевляне...—Знаемъ мы эту „гостиницу“,—шепчетъ мнѣ бравый мужчина, настоящій малороссъ, съ крутыми усами и жгучими, черными глазами... Въ молодости часто бывали мы въ этой гостиницѣ...

— А еще?

— Еще?.. У меня была шудная касса...— говоритъ онъ скороговоркой.

Гробовое молчаніе...

— Вотъ онъ кто, эта кіевская знаменитость!..

Казалось бы, надо было замолчать, и въ трепетѣ преклониться, но нѣтъ: присяжный повѣренный Зарудный всегда все хочетъ знать основательно, всегда желаетъ докопаться до корня и, главное дѣло, все по закону, а развѣ это всякому пріятно въ наши дни?!

— Скажите, пожалуйста, вотъ вы тутъ хлопотали за Красовскаго, вы это оффиціально дѣлали? У васъ на это было какое-нибудь право?

— Нѣтъ, это такъ, по знакомству, какъ всякій гражданинъ,—заюлилъ господинъ Розмитальскій...

— Такъ-съ!

— А вотъ, вы говорили, что къ вамъ подошли два еврея и сказали, что это невѣрно, что будто бы евреи замучили Андрюшу? Кто это былъ съ вами? Какое его превосходительство?

— Это было въ саду, я былъ тамъ, пришелъ его превосходительство... (Здѣсь называется крупный судейскій чинъ). Подходитъ ко мнѣ и говоритъ: какія новости въ городѣ? Ну то, ну се, а потомъ объ Андрюшѣ, я говорю: жиды замучили. А эти еврейчики и говорятъ: не вѣрьте ему, ваше превосходительство,—они, еврейчики-то эти, за сосѣднимъ столикомъ сидѣли. И кіевская знаменитость такъ энергично жестикулируетъ, что мнѣ кажется, что въ него вселились, по крайней мѣрѣ, три еврея... Но, помилуйте, вѣдь, онъ чистокровнѣйшій чехъ... Братья чехи, не происходите ли вы изъ какого-либо колѣна израильскаго? Или вы, можетъ быть, просто евреи, только отрекаетесь отъ своихъ прародителей, отъ своей религіи, своей культуры, своихъ привычекъ? Зачѣмъ вы, господа чехи, все это дѣлаете? Зачѣмъ вы сами отъ себя отрекаетесь?

— Но почему же,—возникаетъ у меня вопросъ,—вдругъ ихъ превосходительства, и въ такой дружбѣ съ содержателемъ ссудной кассы и какой-то странной гостиницы?..

И я не знаю, что отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Чѣмъ вы теперь занимаетесь?

— Ничѣмъ.

— Живете на покоѣ?

— На покоѣ...

— А какъ насчетъ процентовъ? — кто-то гудитъ сзади меня.

Но этотъ вопросъ никѣмъ не былъ предложенъ гордому, знатному пану господину Розмитальскому.

Вотъ было-же сообщено въ судѣ, что „по частнымъ свѣдѣніямъ“ еврей Этингеръ происходитъ отъ Аарона...

А господинъ Розмитальскій? Онъ отъ кого ведетъ свою генеологію? Нѣтъ-ли у гг. Замысловскаго, Шмакова и умнѣйшаго изъ славныхъ—Дурасевича и на этотъ счетъ какихъ-либо „частныхъ свѣдѣній“? Не занимались-ли они изслѣдованіемъ, кто собственно принадлежитъ къ роду Каина? Не извѣтны ли кому либо изъ нихъ самые достовѣрные потомки Іуды? Не оттуда ли и сей знатный иностранецъ, имѣющій мѣсто своего пребыванія въ г. Кіевѣ.

XXXVIII.

Человѣкъ на службѣ конспиративной.

— Пригласите господина Полищука.

Входитъ г. Полищукъ.

Это одинъ изъ сыщиковъ-ритуалистовъ, дѣлавшихъ разслѣдованіе убійства Ющинскаго. Онъ-же—главнѣйшій противникъ Мищука.

— Вы служили въ сыскномъ отдѣленіи?

— Да, служилъ...

— А теперь гдѣ служите?

Мнется, не отвѣчаетъ.

Защита настаиваетъ на отвѣтѣ.

Полищукъ проситъ разрѣшить не отвѣчать...

— Почему?

— Я состою на службѣ конспиративной...

— Правительственной?

— Да, правительственной...

Господинъ Полищукъ средняго роста, черный, какъ жукъ, стрижется бобрикомъ, короткая борода... Тонкій носъ съ горбинкой... Когда Полищукъ волнуется или сердится— не разберешь—носъ его вытягивается, раздваиваясь на кончикѣ.

Блѣдныя, тонкія уши какъ то особенно сильно выдѣляются на окружающей чернотѣ... Онъ въ сюртукѣ... Странно раздвояясь сзади, сюртукъ даетъ просвѣтъ, обнаруживая длинныя ноги при маломъ туловищѣ, и кажется мнѣ, что онъ, этотъ г. Полищукъ, вотъ-вотъ долженъ прыгнуть и кого-то крѣпко и цѣпко схватить...

Онъ разсказываетъ плавно, осторожно и зорко посматриваетъ по сторонамъ.

Въ разгаръ своихъ показаній онъ остановился и проситъ покурить.

Предсѣдатель дѣлаетъ перерывъ.

Онъ рѣшительно заявляетъ о легендѣ убійства Ющинскаго Бейлисомъ.

Но вотъ, видите-ли, онъ запамятовалъ, какъ было дѣло, что говорилъ умиравшій Женя Чеберякъ, а вѣдь, не забудьте, что

именно онъ былъ, по порученію начальства, при агоніи его и все распрашивалъ, и все распутывалъ тайну...

Ему стали напоминать вопросами.

Наконецъ, и онъ немножечко припомнилъ.

Что-же говорилъ передъ смертью этотъ несчастный мальчикъ?

Когда онъ былъ въ бреду безъ памяти, онъ метался и все вскрикивалъ:

— Андрюша, не кричи!... Не кричи такъ Андрюша... Андрюша, Андрюша, прошу...

— Было видно, что Андрюша стоялъ передъ нимъ грозной, кровавой тѣнью, онъ мучился имъ...

Но вотъ онъ приходитъ въ сознаніе...

Мать его, Вѣра Чеберякъ, подхватываетъ на руки, носитъ его по комнатѣ и все пристаетъ къ нему, все проситъ:

— Мальчикъ мой, Женя, дитятко мое, скажи имъ (сыщикамъ)—что мама твоя здѣсь не при чемъ...

— Ахъ, мама, оставь меня...

— Скажи, скажи-же имъ...

— Дай мнѣ, мама, спокой...

— Скажи, что твоя мама не при чемъ...

— Ахъ, мама, мнѣ такъ тяжело объ этомъ вспоминать...

О чемъ же „объ этомъ“?..

И онъ умолкалъ, закрывалъ глаза... Но вдругъ онъ порывался что-то говорить...

Тогда „мама“ бросалась къ нему и цѣловала, безумно цѣловала его, въ дрожавшія, посинѣлыя губы мальчика, и зацѣловывала его слова, и не давала ему говорить... и онъ... умолкалъ...

Она снова брала его на руки и опять, и опять просила сказать „имъ“, что мама его не при чемъ въ этомъ кошмарномъ, кровавомъ дѣлѣ.

Онъ сталъ отходить. Послали за священникомъ. Священникъ пришелъ. Онъ оживился, пришелъ въ себя.

Батюшка его исповѣдовалъ, причастилъ, утѣшилъ, обласкалъ, простился съ нимъ и сталъ уходить...

— Батюшка... Батюшка!.. — раздался ему вслѣдъ слабый голосъ ребенка...

Батюшка вздрогнулъ, обернулся.

— Что тебѣ, дитя мое?—и пошелъ, поспѣшая къ нему...

И онъ смотрѣлъ такими ясными, такими робкими глазами и... вдругъ, понурился, помертвѣлъ, умолкъ...

Сзади, за плечами батюшки стояла мать, Вѣра Чеберякъ, и пристально смотрѣла своими черными, сверкающими глазами въ мертвенное лицо отходящаго въ вѣчный покой сына своего.

— Мнѣ показалось,—сказалъ на судѣ батюшка, — я это почувствовалъ, что она, его мать, сдѣлала ему какой-то знакъ...

И Женя умолкъ...

Онъ вскорѣ умеръ.

Отчего же онъ умеръ?

Отецъ его говоритъ: поѣлъ зеленыхъ грушъ съ молокомъ, напала дизентерія—ну, вотъ и умеръ...

Гражданскій истецъ, членъ государственной думы Замысловскій, заявляетъ опредѣленно во время засѣданія суда, что Женю Чеберякъ отравилъ пирожными начальникъ сыскного отдѣленія Красовскій.

Одинъ изъ свидѣтелей разсказываетъ, что ему передавали, что Женю отравили близкіе Чеберяковъ какими-то морфинными свѣчами...

Красовскій еще не допрошенъ.

А свидѣтельство, что Женю отравили „свои" морфинными свѣчами, оставлено безъ послѣдствія: на него не обратили никакого вниманія...

Но, однако, что привело этого мальчика, почти единственнаго свидѣтеля въ этомъ дѣлѣ, къ такой ранней могилѣ?

Женя дѣйствительно былъ боленъ дизентеріей.

Но мы должны знать, что изъ больницы, несмотря на предупрежденіе докторовъ объ опасномъ положеніи Жени, взяла его мать, Вѣра Чеберякъ, только-что вышедшая изъ тюрьмы, гдѣ она сидѣла по подозрѣнію въ убійствѣ Ющинскаго. Надо также помнить и

то, что она какъ-то заявила одному изъ свидѣтелей, что ей, любвеобильной матушкѣ, придется за „такое.....“, здѣсь слѣдовало грубое, неприличное, обидное названіе,—„какъ Женька, отвѣчать“, и что, наконецъ, свидѣтели утверждаютъ, что Женю отравили близкіе Чеберякъ. Свидѣтели, сосѣди Чеберяковой, засвидѣтельствовали, что она крайне небрежно относилась къ своимъ больнымъ дѣтямъ, не давала имъ лѣкарства, запирала ихъ въ комнатѣ, когда уходила на нѣсколько часовъ со двора, и они тамъ метались въ предсмертной агоніи безъ помощи, безъ надзора и ласки. Ихъ находили въ ужасномъ видѣ подмоченными испражненіями, измученныхъ, плачущихъ. Такъ „заботилась“ эта мать о своихъ дѣтяхъ.

Что еще показалъ цѣннаго Полищукъ?

Онъ удостовѣрилъ, что квартира Чеберякъ —крайне странная квартира и что ее постоянно посѣщали уголовные элементы.

Нельзя не отмѣтить, что на другой день, Полищукъ пришелъ въ судъ, измѣнивши наружность,—онъ совершенно обрился. А развѣ свидѣтель, котораго опознавали въ судѣ, можетъ мѣнять наружность во время процесса?

XXXIX.

Людмила Чеберянъ.

Это единственный ребенокъ, оставшійся въ семьѣ Чеберякъ послѣ убійства Андрюши

Ющинскаго:—старшіе ея братъ и сестра—Женя и Валя — умерли вскорѣ, послѣ первыхъ же допросовъ матери.

Выясняется, что 13 марта, т. е. на другой день убійства Андрюши, Людя была отправлена денёчка на два къ своей бабушкѣ погостить и вернулась на четвертый день послѣ убійства Андрюши.

...Вотъ вышла дѣвочка лѣтъ десяти. Это та, которая передъ присягой такъ горько плакала и все говорила: „боюсь, боюсь“...

Ее за руку ввелъ судебный приставъ.

Блѣдная, запуганная, вошла она въ залу и стала передъ судейскимъ столомъ.

Причесанные подъ гребенку, ея густые каштановые волосы заплетены въ двѣ тугія косички, которыя чуть-чуть не доходятъ до пояса.

Все тоньше и тоньше книзу, онѣ на концахъ перехвачены желтыми бантиками.

И когда она нервно поворачиваетъ то туда, то сюда свою измученную головку, косички сильно вздрагиваютъ и бантики прыгаютъ по спинѣ, почти ударяясь о плечи...

Она спокойно начинаетъ разсказывать о томъ, какъ они катались на мялѣ, какъ прибѣжалъ Бейлисъ, погнался за ними, схватилъ Женю и Андрюшу—Женя вырвался, а Андрюша попался и его утащилъ Бейлисъ.

Куда дѣлся послѣ Андрюша, она не знаетъ... И говоритъ такъ складно, гладко, ровно, то-

ропясь, чтобы все сказать... Говоритъ, какъ стихотвореніе читаетъ...

Когда предсѣдатель что-либо спрашиваетъ ее, хотя и близко подходящее къ разсказу, но нѣчто иное, она торопливо скороговоркой отвѣчаетъ:

— Что вы, что вы, а ни Боже мой!

Когда стали ее допрашивать, видѣла-ли она все это сама, она заспѣшила, заторопилась, и вскорѣ вышло такъ, что сама она ничего не видала, а только слышала отъ своей покойной сестры Вали...

Когда она впала въ противорѣчіе съ показаніями дѣвочки-свидѣтельницы, дочери Наконечнаго, и когда имъ была устроена очная ставка, и когда Наконечная сказала ей съ упрекомъ: „зачѣмъ ты врешь, надо говорить правду“...—личико ея скривилось, сморщилось, она поблѣднѣла, какъ смерть, навзрыдъ заплакала и торопливо закричала: „боюсь, боюсь, боюсь!“... Точно кошмаръ какой виситъ надъ ней, точно она извѣдала такую тяжелую руку изверга, что только при одномъ воспоминаніи чего-то, она сразу теряетъ душевное равновѣсіе...

— Чего же вы боитесь, дѣвочка? Вы не бойтесь,—говоритъ предсѣдатель,—васъ здѣсь никто не обидитъ, вы будьте вполнѣ покойны...

И, почувствовавъ, что ее здѣсь не будутъ бить, она успокоилась.

— Не грозилъ ли кто-нибудь вамъ?— спрашиваетъ кто-то изъ гражданскихъ истцовъ.

— Грозилъ.

— Кто грозилъ?

— Полищукъ!...

— Полищукъ?—всѣ изумлены,—вѣдь онъ за Чеберякъ и противъ Бейлиса!

— Что же онъ вамъ говорилъ?

— Будетъ тебѣ, какъ Женѣ, если ты будешь показывать противъ Бейлиса.

Полагаютъ, что это обмолвка со стороны дѣвочки: не „противъ", а „за", вѣроятно, хотѣла она сказать.

— А вы помните Полищука?

— Помню.

— Узнали бы его?

— Узнала.

— А какой онъ?

— Черный, весь черный.

— Дѣвочка, оглянитесь, здѣсь онъ, или нѣтъ?

Дѣвочка оглядывается.

— Вотъ онъ...

— Подойдите къ нему.

Она медленно, осторожнымъ шагомъ, поднимая, растопыривъ пальцы, правую руку впередъ, идетъ прямо на Полищука, смотря на него широкими, испуганными, полными ужаса глазами.

— Боюсь, боюсь, боюсь!..—вдругъ отчаянно закричала она, и горько, горько заплакала, схватившись руками за лицо.

А онъ, черный, какъ жукъ, недвижимо сидѣлъ на скамьѣ, въ упоръ смотря ей въ лицо холодными, черными, злыми глазами.

Дѣвочку опять успокаиваетъ предсѣдатель...

XL.

Вѣра Чеберякъ.

Прихожу на засѣданіе вечеромъ. Батюшки, что это! Всегда полупустое отдѣленіе для публики, сегодня—полнымъ-полно.

Нарядныя дамы, дѣвушки кіевскаго общества, священники, военные, чиновники—сколько здѣсь народа? Еле нахожу мѣсто!.. Лорнетки, бинокли, въ которые запрещаютъ смотрѣть, и море перьевъ дамскихъ шляпъ, которыя слѣпятъ пространство, колыхаются, трясутся и такъ мѣшаютъ что-либо видѣть передъ собой...

— Почему такъ много народа?

— Сейчасъ будутъ допрашивать Вѣру Чеберякъ.

— Ну, теперь все понятно...

Вотъ входитъ она, сутуловатая, темная шатенка, въ огромной, широкополой, черной бархатной шляпѣ, сплошь отороченной перомъ „подъ страуса“, желто-оранже-

ваго цвѣта... Огромный шишакъ изъ пера того-же цвѣта, неуклюже возвышается надъ полями.

Лицо... лицо странное, но обыденное, однако на вѣки запоминаемое... Матоваго цвѣта, сильно обрубленное внизъ по линіи губъ и подбородка, оно некрасиво, если вы смотрите прямо въ него, и совершенно иное въ профиль. Длинный, правильный, прямой, съ легкой горбинкой носъ, уходящій въ черныя дуги прекрасныхъ бровей, рѣсницы чуть замѣтно вздрагиваютъ, при взглядѣ въ упоръ, въ эти черные, какъ сливы, масляни-стые глаза, страстно, повелительно и зло поблескивающіе такъ неожиданно, такъ случайно... Широкая чернота подъ глазами свидѣтельствуетъ намъ о ней, какъ о женщинѣ, всегда ищущей нервныхъ, возбуждающихъ впечатлѣній... Тонкія руки, тонкіе пальцы... Посмотрите, какъ скромна она, какъ потупляетъ она глаза, когда съ видомъ угнетенной монашенки, идетъ она на мѣсто, на скамью свидѣтелей послѣ передопроса... Смотрите, какъ спокойна, какъ выдержана она, когда свидѣтели при ней показываютъ, что убійство совершено въ ея домѣ, что Женю отравила именно она...

Иногда только голова ея слегка ныряетъ, когда ужъ очень ёкнетъ сердце, и то это замѣтно болѣе по ея желто-оранжевому султану,

такъ чутко передающему всѣ ея движенія, чѣмъ по фигурѣ ея самой.

Говоритъ она такъ же плавно, какъ ея дочь,—видимо, долго вмѣстѣ упражнялись,—даже дикція, удары рѣчи рѣшительно тѣ же... Господи, что она только не разсказала, и кого только она не запутала!..

Больше, больше людей въ эту кучу, словно кто-то все время твердилъ ей, когда она, безъ перерыва, разсказывала все, что знала, что могла придумать, почти два часа... Умна она, хитра и изворотлива, какъ ужъ, какъ угорь... Какъ она ловко обходитъ всѣ подводные камни, тонко предвидя возможные вопросы. Отвѣты у нея всегда готовы... За словомъ она въ карманъ не лѣзетъ и быстро отвѣчаетъ на все, что ни предложатъ ей...

Что же она показала?.. Да все то же, что и дочка: Андрюшу не видѣла. Онъ къ нимъ давно не приходилъ. Живетъ она скромно, тихо, аккуратно... Ни съ кѣмъ незнакома, почти никого не видаетъ и сама нигдѣ не бываетъ... Семьянинка—какихъ мало... Любитъ своихъ дѣтей до безумія — да, вотъ, двое умерли,—говорятъ, отравили ихъ, пока сидѣла она въ тьрьмѣ... Тоскуетъ она по нимъ... Жаль ихъ... Но, вотъ, все-таки мелко начинаетъ попадаться... Чувствуется вранье... Вотъ Людя — ея дочка — разсказывала, что когда Бейлисъ утащилъ Андрюшу, то она сейчасъ

же разсказала объ этомъ матери, а мать увѣряетъ, что ничего объ этомъ отъ дѣтей не слыхала, а услышала только мѣсяца черезъ три...

Вы понимаете, читатель? На глазахъ у дѣтей Бейлисъ укралъ Андрюшу, и потащилъ его въ печку, и дѣти, запыхавшись, прибѣжали домой и матери... ни гу-гу!.. Молчокъ... Сказали только папѣ... А папа, телеграфный чиновникъ, махнулъ рукой: пускай, молъ, его тащутъ, эка бѣда! Пускай убьетъ его, этотъ Бейлисъ, съѣстъ!.. Мнѣ-то какое дѣло... И не забудьте, что все это происходитъ на самой окраинѣ Кіева, гдѣ, какъ среди всякаго мѣщанскаго населенія, при всякой возможности только тѣмъ и стараются заняться, что поболтать, сообщить новости... Строгія привычки въ домѣ Чеберяковыхъ!..

— Вы въ тюрьмѣ передъ этимъ судомъ сидѣли?

— Сидѣла.

— За что?

— Такъ, пустяки, подчистка какая-то...

Оказывается, подчистила она заборную книжку въ мелочной лавочкѣ.

— Почему-же васъ выпустили?

— Еще обвиняютъ...

Выясняется, что обвиняютъ ее за новую уголовщину...

Будетъ отбывать наказаніе по совокупности...

Крайне меня удивило это обстоятельство... Никогда не слыхалъ, чтобы лицо уже осужденное, послѣ того, какъ приговоръ вошелъ въ законную силу, послѣ того, какъ приговоренный сталъ уже отбывать наказаніе, его вдругъ бы выпустили, ибо за нимъ стала извѣстна новая уголовщина... Да вѣдь тогда весь уголовный элементъ всегда бы былъ на свободѣ: осудили, хорошо, сдѣлайте одолженіе!—У меня въ запасѣ сколько угодно удачно сошедшихъ кражъ,—заявилъ бы любой карманникъ, — и сейчасъ-же „покаялся"-бы еще въ одномъ преступленіи, и гуляй себѣ на свободѣ пока судъ да дѣло, а тамъ еще и еще... Не житье было-бы всѣмъ уголовникамъ при такомъ толкованіи закона, а масленица. Или, можетъ быть, это только въ Кіевѣ имъ дана такая привилегія?!... Крайне любопытно это обстоятельство... Надо бы въ немъ какъ слѣдуетъ разобраться г.г. юристамъ.

А вотъ, когда зашла какъ-то рѣчь о шампанскомъ, послушали бы вы, какія нотки появились у нея въ голосѣ...

— Почему вы знаете, что это было шампанское?—спрашиваетъ предсѣдатель.

— Я не въ деревнѣ родилась, господинъ предсѣдатель!—отвѣчаетъ она.

Да какъ отвѣтила!...

Какъ улыбнулась...

Какъ блеснула глазами...

Вотъ тебѣ и скромная жена чиновника, получающаго 42 рубля въ мѣсяцъ!

— А обыскъ у васъ былъ еще до убійства, до пропажи Андрюши?

Мнется. Старается улепетнуть отъ прямого отвѣта, но притиснутая, томно говоритъ:

— Былъ!.. Это недоразумѣніе!..

— А краденыя вещи вы принимали?

— Я? Что вы? Никогда этого не было...

— А патроны, пули, порохъ у васъ нашли?

— У меня?

— У васъ.

— Свидѣтельница, на всѣ вопросы, уличающіе васъ, вы можете не отвѣчать, — заявляетъ предсѣдатель.

— Могу?

— Можете, по закону.

— Такъ какъ же насчетъ пуль, патроновъ?

— Это къ дѣлу не относится!—говоритъ развязно Вѣра Чеберякъ.

— А вы поссорились съ Павломъ Мифле?

Это тотъ, которому она выжгла сѣрной кислотой глаза, и который все-таки привязанъ къ ней, какъ вѣрный рабъ, какъ вѣрный сторожъ и исполнитель ея желаній.

— Да, онъ билъ меня!.. — тихо говоритъ она.

— А не стали-ли вы говорить, что это онъ убилъ Андрюшу?

— Нѣтъ, это мнѣ предлагали такъ говорить за сорокъ тысячъ, вину на себя принять, для этого меня возили въ Харьковъ, но я отказалась.

— А вы ходили смотрѣть трупъ Андрюши?

— Ходила.

— Вы его опознали?

— Да.

— Но какъ?

Молчитъ.

— Не такъ ли было: вы съ приставомъ и съ Женей залѣзли въ пещеру — тамъ было темно, приставъ не подносилъ къ лицу свѣчку, и не позволялъ близко наклоняться къ нему, а вы вдругъ сразу, не смотря въ лицо, опознали его.

— По вышивкѣ, по вышивкѣ на рубашкѣ опознала, — заторопилась она. — Вышивочку эту я видала у его матушки, и говорю: вы дайте мнѣ вышивочку, я такую же Женѣ вышью, а мнѣ не дали, а я запомнила, хорошо запомнила ее... Вѣдь по ней, бѣдненькаго, и узнала, какъ разъ въ этой рубашенкѣ онъ и одѣтъ...

Выясняется, что вышивку эту она могла видѣть года за три съ мѣсяцами до смерти Андрюши.

Этакая удивительная память у госпожи Чеберякъ!—даже завидно стало. Болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ видѣла она вышивку,—ми-

нуточку смотрѣла,—а въ пещерѣ-то темно, свѣчой мерцающей освѣщается она... Лица не разсмотрѣть, а вотъ вышивку сразу узнала госпожа Чеберякъ... Хорошая, твердая память у госпожи Чеберякъ...

XLI.

Господинъ Чеберякъ.

Несчастное и до большой степени отталкивающее отъ себя существо, этотъ господинъ Чеберякъ... Его держатъ въ черномъ тѣлѣ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что онъ отлично знаетъ, сколько вѣситъ нѣжная рука его почтенной супруги, милостива-ли она во гнѣвѣ, и скоро-ли она гнѣвъ кладетъ на милость...

Господинъ Чеберякъ—это несчастье для госпожи Чеберяковой... Тонкая сѣть, сплетенная ею, можетъ быть сразу прорвана этимъ неповоротливымъ, недогадливымъ, суетливымъ человѣчкомъ, который изъ всѣхъ силъ старается разжалобить судъ, что онъ безвинно-напрасно пострадалъ ради другихъ, кто окровавилъ руки свои кровью Андрюши.

Госпожа Чеберякова вся съежилась, когда вошелъ въ залу ея домовладыка...

— Теперь пропаду,—говорила вся ея фигура, и она внимательно, крайне внимательно слушала показанія своего мужа...

Вотъ, наконецъ, начались показанія этого худого, блѣднаго, тощаго и развинченнаго на

всѣ гайки бывшаго почтамскаго чиновника. Онъ поетъ Лазаря о потерянной службѣ и рѣшительно ничего не знаетъ ни о тѣхъ попойкахъ, которыя творились у него дома, ни о цѣлой стаѣ молодыхъ людей, которыхъ его (!) супруга величала не иначе, какъ Костя, Васинька, Петька рыженькій и т. д. Онъ ничего не знаетъ и о томъ, что его жена находилась долгое время въ связи съ французскимъ гражданиномъ Мифле, которому она облила лицо сѣрной кислотой и выжгла глаза за какую-то его вольность съ другой женщиной. Онъ не знаетъ также и того, что его почтенная и добродѣтельная супруга, будучи избита слѣпымъ Мифле за то, что ему доказали, что его любовница тутъ же, въ его квартирѣ, въ его комнатѣ, пользуясь слѣпотой французскаго гражданина, имѣетъ особое удовольствіе болѣе чѣмъ кокетничать съ жильцомъ Мифле—Петровымъ, который, вырвавъ ее, избиваемую, изъ рукъ разсвирѣпѣвшаго слѣпца, былъ сейчасъ же въ награду за преданность переведенъ этой любвеобильной чиновницей на жительство въ квартиру господина Чеберякова, гдѣ онъ и пребываетъ по сіе время. А слѣпецъ билъ госпожу Чеберякову „шоколадкой“—воровскимъ орудіемъ, существующимъ для оглушенія жертвы:— это кусокъ желѣза фунта въ четыре, зажимаемый въ рукѣ. Какъ видите, въ этомъ благочестивомъ

домѣ и среди близкихъ ему друзей воровскія орудія въ ходу даже для собственнаго употребленія. Господинъ Чеберякъ вообще ничего не знаетъ, а когда чѣмъ-либо мѣшалъ, то его подпаивали, чего-то подсыпали въ пойло снотворнаго и онъ благополучно отходилъ ко сну. Это типъ тѣхъ мужчинъ, которые или не имѣютъ никакой воли, или воля ихъ столь больна, что всякія извращенія принимаются ею, какъ нѣчто особо интересное и радостное...

XLII.

Свидѣтель Бейлисъ и обвиняемая Чеберякъ.

Когда я вслушиваюсь все болѣе и болѣе въ этотъ процессъ, я все жду, что, вотъ, сейчасъ скажутъ:

— Пригласите свидѣтеля Бейлиса!..

Входитъ Бейлисъ...

— Бейлисъ, скажите, что вы знаете по этому дѣлу?..

— Я жилъ рядомъ съ Чеберякъ...

— Разскажите, что вы знаете про Чеберякъ...

Я на минуту представилъ себѣ: на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ Вѣра Чеберякъ, Сингаевскій, Рудзинскій... Латышевъ, за смертью, отъ суда и слѣдствія освобожденъ...

Какъ были бы довольны обвинители:— вѣдь съ такимъ матеріаломъ, какія бы гро-

мовыя обвинительныя рѣчи можно было бы произнести! Никакой судъ присяжныхъ не смягчилъ бы своего суроваго приговора... Адвокаты? О, несчастные адвокаты! Они не нашлись бы что сказать. Никакіе „лучшіе“, о которыхъ мечтала Чеберякова, не помогли бы: слишкомъ ужасны, слишкомъ тяжелы обвиненія, и само преступленіе такъ неизъяснимо жестоко и отвратительно...

А теперь что мы видимъ? Что мы слышимъ? На чемъ скрещиваются шпаги перекрестнаго, страстнаго допроса?

Обвинители... О, они изо всѣхъ силъ защищаютъ тѣхъ, на кого такъ много падаетъ косвенныхъ и прямыхъ уликъ.

А защитники? Какъ опытные прокуроры, съ тактомъ и деликатностью къ подозрѣваемымъ въ совершеніи преступленія, стоя твердо на-стражѣ законности, они шагъ за шагомъ разоблачаютъ хитрости, увертки и изворотливость причастныхъ лицъ.

— А Бейлисъ?

Онъ съ такимъ неподдѣльнымъ любопытствомъ разсматриваетъ вещественныя доказательства, фотографическія карточки, наволочку и пр., все тянется оттуда, изъ-за рѣшетки, стараясь хоть какъ-нибудь разглядѣть своими подслѣповатыми глазами то, что въ сущности рѣшаетъ его судьбу...

XLIII.

Гдѣ былъ трупъ Ющинскаго до пещеры.

Совершенно неожиданно молніей сверкнуло въ одномъ изъ засѣданій краткое новое показаніе свидѣтеля Добжанскаго...

Его спросили по поводу одного показанія Голубева.

Добжанскій съ компаніей какъ-то пошелъ прогуляться въ рощу, усѣлись они на лужайкѣ, неподалеку отъ пещеры, гдѣ нашли Ющинскаго, и стали выпивать, ведя бесѣду... Изъ пещеры вышли два студента и подошли къ нимъ и стали говорить, что Андрюшу жиды замучили.

— Почему вы думаете, что жиды?...—спросилъ одинъ изъ компаніи.

— Мы это очень хорошо знаемъ!..

— Ничего вы не знаете и говорите совсѣмъ зря...

— Какъ зря?...

— Да такъ...

— Мы это очень хорошо знаемъ!..

— Очень хорошо... Ха-ха-ха! Да знаете-ли вы, что трупъ Ющинскаго у Чеберячки три дня въ коврѣ подъ диваномъ завернутымъ лежалъ?!

— Что вы, что вы!..

— Вотъ вамъ и „что вы“: своими глазами я видѣлъ...

Этотъ разсказъ ошеломляетъ всѣхъ, находящихся въ залѣ.

Разспрашиваютъ свидѣтеля: не были-ли они всѣ пьяны? Оказывается нѣтъ,—всего полбутылки втроемъ выпили...

Студенты эти были: Голубевъ и еще кто-то...

И Голубевъ и его товарищъ подтверждаютъ, что разсказано было именно такъ...

— А когда мы шли всѣ вмѣстѣ назадъ, то намъ показали лазейку въ заборѣ, черезъ которую будто-бы трупъ Андрюши отъ Чеберяковой выносили,—добавляетъ Голубевъ.

— А можете вы удостовѣрить кто именно это сказалъ, что трупъ Андрюши Ющинскаго три дня лежалъ подъ диваномъ у Чеберяковой, завернутый въ коверъ у нея на квартирѣ?

— Отчего-жъ! Можемъ...

— Кто же это?

— Кириллъ Антоновъ.

— А кто еще съ вами былъ, въ присутствіи кого это говорилось?

— Другой былъ Андрей Цинковскій...

И всѣ эти ошеломляющія новости сообщались такъ спокойно, дѣловито, какъ будто это дѣло шло о дровахъ, что-ли...

Въ субботу, въ одиннадцатый день засѣданія, опять появился на сцену трупъ Ющинскаго въ томъ-же коврѣ.

Допрашивали свидѣтеля Вышемирскаго.

Это католикъ, старикъ, ранѣе долго служилъ управляющимъ имѣніемъ въ Витебской губерніи. Вызванный защитой по другому поводу, онъ вдругъ разсказалъ:

— Спрашиваете, что я знаю про это дѣло? Самъ ничего не знаю, а вотъ мой знакомый Равичъ, который раньше служилъ въ томъ же имѣніи винокуромъ, уѣзжая въ Америку, разсказалъ мнѣ, что жена его, Равича, имѣвшая бакалейную лавочку рядомъ съ домомъ Чеберяковой, какъ-то зашла по дѣламъ въ квартиру Вѣры Чеберякъ и видѣла тамъ трупъ Андрюши Ющинскаго, завернутый въ коверъ и всунутый въ ванну.

Эта неожиданность на минуту почти пріостанавливаетъ засѣданіе,—свидѣтель стоитъ, его никто не спрашиваетъ.

Наконецъ, выясняется, что еще ранѣе Чеберякъ какъ-то просила лавочницу Равичъ спрятать у себя ящикъ съ револьверами, что она и сдѣлала, а потомъ здѣсь подоспѣло это убійство Андрюши, стали арестовывать, обыскивать. Равичъ натолкнулась на трупъ Андрюши; они стали бояться, какъ-бы все это не открылось, и потому рѣшили,—да ихъ къ тому же упрашивали Чеберяки, — уѣхать въ Америку. Равичъ разсказывалъ свидѣтелю, что билеты выправляла имъ Чеберячка, и что они уѣзжаютъ въ Америку на средства компаніи Чеберяковыхъ...

Какъ ни стараются сбить свидѣтеля, но онъ стоитъ на своемъ и повторяетъ все одно и то же. Ранѣе онъ тоже жилъ тамъ же, на Лукьяновкѣ. А два года тому назадъ, продавъ домъ, переселился въ городъ...

Спрашиваютъ, почему ранѣе онъ ничего никому не разсказалъ.

— А зачѣмъ же? — удивляется онъ. — Да это ужъ всѣ знали: полиція хорошо знала, что убили Андрюшу у Чеберячки, это такъ потомъ по-другому стали говорить...

Но какъ-же такъ, подумалъ я, обыватель, мало знающій законы: какъ-же это такъ! Судятъ человѣка, обвиняя его въ людоѣдствѣ, онъ сидитъ за рѣшеткой, на скамьѣ подсудимыхъ, и добродушно смотритъ на всѣхъ, отъ души, почти навзрыдъ смѣется, когда кто-то назвалъ его „цадикомъ“, т. е. по нашему „старцемъ“, особо уважаемымъ лицомъ, къ которому ходятъ за совѣтами, какихъ много и въ православіи, и въ каждой другой религіи...

А вотъ тутъ, рядомъ, свидѣтельствуютъ подъ присягой о томъ, гдѣ находился трупъ, какъ его несли, указываютъ, кто сказалъ, кто былъ свидѣтелемъ сказаннаго, кто видѣлъ трупъ и убійцъ своими глазами...

Вѣдь все это говорится въ оффиціальномъ засѣданіи окружного суда, при всѣхъ присущихъ ему регаліяхъ.

Мнѣ казалось, что обвинители сейчасъ же потребуютъ къ немедленному допросу тѣхъ, кто утверждалъ, что видѣлъ трупъ въ квартирѣ Чеберяковой своими собственными глазами, или прервутъ засѣданіе, потребовавъ дослѣдованія.—Вѣдь, что-нибудь одно изъ двухъ: или это страшный оговоръ, который нельзя прощать людямъ, или это самая истинная правда, возстановляющая полную невинность Бейлиса и открывающая дѣйствительныхъ убійцъ Андрея Ющинскаго.

Но, нѣтъ. Я ошибся. Пока безслѣдно прошли эти показанія, въ судъ никого не позвали и все сдѣлалось такъ, какъ будто бы объ этомъ никто ничего не говорилъ...

XLIV.

Что означаютъ многочисленныя раны на тѣлѣ Андрея Ющинскаго.

Бывшій начальникъ сыскной полиціи, Красовскій, для примѣра и уясненія множественности ранъ на тѣлѣ Ющинскаго сталъ было разсказывать объ убійствѣ нѣкоей „Варьки кобылы“, совершенномъ здѣсь же въ Кіевѣ лѣтъ пять тому назадъ.

Эта „Варька-кобыла“ принадлежала къ воровской шайкѣ и выдала организацію воровъ-громилъ. Они пошли на каторгу. И, какъ водится у этихъ людей, рѣшили убить предательницу. Кинули жребій. Тотъ, кому доста-

лось выполнить это порученіе, бѣжитъ съ каторги, достигаетъ Кіева, отыскиваетъ прежнюю свою товарку, вновь дружится съ ней и, когда она совершенно ввѣряется ему, исполнитель воли своихъ товарищей заманиваетъ свою жертву въ лѣсъ и здѣсь предаетъ ее сверхъестественнымъ, хуже чѣмъ звѣрскимъ, мученіямъ, пыткамъ, которыхъ, можетъ быть, не знали средніе вѣка, и, наконецъ, убиваетъ ее, нанося ей множество—болѣе сотни—ранъ... Ее нашли совершенно искромсанной, изрѣзанной на куски и было съ непререкаемой ясностью установлено, что именно до убійства, до послѣдняго удара, она была пытаема этимъ злодѣемъ съ примѣненіемъ всего, что только могла придумать разнузданная, злодѣйская фантазія изступленнаго преступника...

Оказывается, такіе факты весьма нерѣдки въ уголовной практикѣ. Убійство съ нанесеніемъ множества ранъ—это постоянный пріемъ уничтоженія предателей въ уголовномъ мірѣ. Преступники всегда крайне заинтересованы свѣдѣніями изъ своей среды. Они тщательно слѣдятъ за уголовной хроникой. И, конечно, такое дѣло, какъ звѣрское убійство съ нанесеніемъ множества ранъ, не можетъ быть обойдено печатью: наоборотъ, объ немъ всегда и много пишутъ. И естественно, что весь уголовный міръ сейчасъ же узнаетъ, что убитъ такой-то за предательство, ибо множество

ранъ—это условный знакъ, это своеобразный пароль, предупреждающій всѣхъ уголовниковъ объ опасности.

Всякій знакомый ранѣе съ убитымъ такимъ образомъ лицомъ принимаетъ свои мѣры, чтобы не попасться въ чемъ-либо, ибо никому неизвѣстно, въ какихъ предѣлахъ было совершенно разоблаченіе предателемъ. Вотъ, по объясненію свѣдующихъ въ уголовныхъ дѣлахъ лицъ, сдѣланныхъ въ кулуарахъ суда, тотъ мотивъ, тѣ основанія, которыми объясняется множественность ранъ на убитомъ Ющинскомъ.

Его, въ силу печально сложившихся обстоятельствъ, воровская шайка, группировавшаяся возлѣ квартиры Чеберякъ, признала предателемъ и расправилась съ нимъ посвойски.

Вотъ почему на трупѣ Андрея Ющинскаго найдено такъ много ранъ и при чемъ здѣсь евреи—рѣшительно никому непонятно.

XLV.

Еврейская молельня.

Но вотъ явился свидѣтель, который очевидно, долженъ все доказать. Это чиновникъ особыхъ порученій Мердеръ. Онъ во фракѣ. Такъ учтивъ, такъ деликатенъ, такъ вѣжливъ, просто одно очарованіе... Говоритъ плавно, ходитъ размѣренно, не спѣша, вытаскиваетъ изъ кармана какія-то бумаги, какіе-то планы...

Онъ весь готовъ къ услугамъ. Только и слышишь:

— Ваше превосходительство, если вамъ угодно...

— Ваше превосходительство, если вы разрѣшите...

— Ваше превосходительство...

И весь—дѣло, весь — исполненіе возложеннаго порученія, ходитъ, показываетъ, разсматриваетъ, объясняетъ...

И такъ онъ убѣжденъ, что говоритъ нѣчто важное, нужное, несомнѣнное и вполнѣ доказывающее, какъ вы думаете, что?... Ритуальные мотивы вообще, ритуальные пріемы въ частности, ритуалъ, ритуалъ, ритуалъ...

Посмотримъ, что же онъ далъ суду?

Онъ многословно разсказываетъ о „преступленіи", которое ему удалось открыть...

Дѣло очень простое и, можно сказать, крайне типичное для современнаго положенія Россіи...

Въ Кіевѣ давно живутъ богатые купцы-евреи Зайцевы, очень уважаемые и благочестивые люди. Старику Зайцеву, недавно умершему, пришла счастливая мысль направить часть нажитыхъ имъ капиталовъ не на личныя какія-либо цѣли, а на нужды общественныя. Онъ пожертвовалъ большія деньги, на которыя возведена громадная больница для христіанъ и евреевъ, въ память

бракосочетанія Государя Императора. Умирая, онъ завѣщалъ громаднѣйшій свой кирпичный заводъ,—на которомъ служилъ несчастный Бейлисъ,—этой же больницѣ, на такихъ условіяхъ, что доходы съ него должны идти на содержаніе больницы. Заводъ отлично оборудованъ, имѣетъ колоссальные запасы прекрасной глины и, стало быть, это благотворительное общественное дѣло поставлено на крѣпкія ноги.

Послѣ смерти старика Зайцева его дѣти и почитатели собрали деньги для возведенія богадѣльни возлѣ больницы на двадцать человѣкъ престарѣлыхъ евреевъ—на 10 мужчинъ и на 10 женщинъ. По плану, утвержденному правительственными властями, было еще указано одно помѣщеніе—„столовая“...

Строили это зданія—русскіе рабочіе.

Когда все было готово, тогда было подано прошеніе для разрѣшенія одну комнату, эту самую „столовую“, превратить въ молельню... Вотъ тутъ-то и начинается весьма плодотворная дѣятельность чиновника особыхъ порученій при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, г. Мердера, вѣдающаго еврейскія дѣла...

Это прошеніе навело его на размышленія...

Пріѣзжаетъ на мѣсто. Спрашиваетъ у рабочихъ:

— Что вы тутъ строили?

— Еврейскую синагогу!...—отвѣчаютъ рабочіе.

— Синагогу?...

— Точно такъ, синагогу...

Осмотрѣлъ. Синагоги нѣтъ и синагога есть... Синагоги нѣтъ потому, что ея не разрѣшили еще, и она просто комната какъ комната—въ два свѣта, съ особымъ мѣстомъ для будущаго алтаря—если разрѣшатъ. А пока-что служенiй нѣтъ и по плану она значится столовой...

И синагога есть—потому, что, если придетъ разрѣшенiе, устроютъ ее окончательно, придетъ раввинъ, прихожане, и синагога будетъ...

— Зачѣмъ же, спрашивается, евреи такъ строили: и подъ столовую, и подъ синагогу?

— Да потому что—хотѣлось мнѣ сказать—такъ повелѣваетъ сама русская жизнь.

— А почему?

— Тому слѣдуютъ пункты.

Самъ г. Мердеръ заявилъ, что, во-первыхъ, строители хотѣли выиграть время, во-вторыхъ, что если бы они написали вмѣсто слова „столовая“ слово „молитвенный домъ“, то пошла бы писать вся губернiя.

Строительный комитетъ отослалъ бы чертежъ въ „спецiальное вѣдомство“—очевидно, въ тотъ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который завѣдуетъ иновѣрными исповѣданiями, и все это должно было идти черезъ губернское правленiе, на утвержденiе

къ генералъ-губернатору и съ его заключеніемъ въ Петербургъ и потомъ тѣмъ же путемъ обратно... А кому изъ русскихъ обывателей неизвѣстно, что этотъ путь бываетъ частенько несравненно болѣе длиннымъ, въ смыслѣ времени, чѣмъ путь по экватору земного шара: кругомъ-кругомъ и снова домой...

Я не знаю еврейскихъ дѣлъ, но дѣла, которыя мнѣ хорошо извѣстны, дѣла старообрядцевъ и сектантовъ, явно свидѣтельствуютъ о томъ, что прежде, чѣмъ добиться не только открытія молитвеннаго дома, а просто записи умершихъ или рожденныхъ въ метрическія книги, проходятъ цѣлые длинные мучительные годы... Не могу предположить, чтобы современная наша администрація была болѣе милостива въ такихъ вопросахъ къ евреямъ... Вотъ именно эти маленькіе недостатки механизма, эта-то бюрократически-административная волокита, совершенно не соотвѣтствующая темпу жизни Россіи XX вѣка, и заставляетъ многихъ, часто по пустякамъ, „обходитъ законъ", въ то же время не нарушая рѣшительно ничьихъ интересовъ, осуществляя естественное право человѣка. А къ этому праву, несомнѣнно, относится всецѣло удовлетвореніе всѣми и каждымъ, кто только пожелаетъ, ритуальной потребности, потребности молитвы, въ кругу своихъ единовѣрцевъ, по тому обряду, который, по ихъ поня-

тіямъ, установленъ самимъ Господомъ Богомъ...

Вотъ какой единственный логическій выводъ можно и должно сдѣлать изъ всѣхъ пространныхъ объясненій чиновника особыхъ порученій г. Мердера...

Но онъ конечно, иного мнѣнія и это мнѣніе, въ видѣ своего заключенія, онъ желалъ сдѣлать на судѣ, и сейчасъ же былъ остановленъ предсѣдателемъ... Какъ жаль, что строгость закона не позволила г. Мердеру высказаться—мы, вѣроятно, услышали бы,—и весь свѣтъ внималъ бы этимъ трелямъ,—что „столовая", по плану превратившаяся при постройкѣ въ будущій „молитвенный домъ", гдѣ, правда, служеній никакихъ не отправлялось, есть явно безапеляціонное и совершенно очевидное доказательство того, что... что... евреи употребляютъ христіанскую кровь... Ахъ, какъ жаль, что мы этого не слышали! Ахъ, какъ жаль что г. предсѣдатель суда былъ такъ неумолимо строгъ къ чиновнику особыхъ порученій г. Мердеру...

Но еще болѣе жаль что послѣ провозглашенія полной религіозной терпимости и свободы, послѣ того, какъ дважды была подтверждена Высочайшимъ указомъ и манифестомъ эта религіозная свобода—и 17 апрѣля и 17 октября 1905 года,—однако, по сіе время богадѣлки-старушки и ожидающіе скорой кон-

чины набожные старики-евреи должны каждый въ своей комнатѣ зажигать по нѣсколько свѣчекъ, какъ заявилъ г. Мердеръ, и молиться каждый у себя, въ одиночку...

А рядомъ?...

Рядомъ большое помѣщеніе, годное и приспособленное подъ „молитвенный домъ“, обращено въ столовую для врачей, гдѣ „врачи изволятъ столоваться, завтракать“.

Хотѣлъ бы я знать, что сказали бы наши православные отцы и матери, которые, устроивъ какую-либо богадѣльню, пожелали бы открыть при ней церковь или часовню, и имъ вдругъ отказали-бы...

— Зачѣмъ она вамъ?... Молитесь у себя по угламъ...

Я думаю, что и самые спокойные и умудренные опытомъ жизни и, тѣ возмутились бы...

А евреи?

Евреи должны, они обязаны молчать и терпѣть, терпѣть и терпѣть...

XLVI.

Беркины швайки.

Долгое время занимаютъ вниманіе суда и присяжныхъ засѣдателей Беркины швайки.

Берко Гулько, рабочій-шорникъ, работалъ со своимъ инструментомъ на заводѣ Зайцева: починялъ и пригонялъ на лошадей сбрую. Работа уменьшилась, а такъ какъ онъ испортилъ

что-то въ работѣ, то его расчитали, оставивъ докончить работу шорника-христіанина. Однако, пообѣщали: зайди еще черезъ нѣсколько дней—будетъ работа, дадимъ.

Берко Гулько собралъ свой инструментъ—швайки, буравчики, шило, молотокъ,—все это тщательно завернулъ въ мѣшокъ и на глазахъ у всѣхъ положилъ въ шкафчикъ, стоявшій въ коридорѣ. Этотъ коридоръ собственно и былъ въ то же время шорной при конюшнѣ. Что онъ именно такъ сдѣлалъ, видѣлъ и подтвердилъ на судѣ его товарищъ, рабочій христіанинъ, старшій его годами, оставленный доканчивать работу.

Берко зашагалъ въ городъ. Зашелъ въ шорню...

— Нельзя ли поработаться?

— Можно!.. Становитесь подмастерьемъ...

Заработалъ Берко во всю... Инструментъ хозяйскій... Плата такъ-себѣ—жить можно... Забылъ Берко и объ инструментахъ своихъ на заводѣ у Зайцева...

— Ну, что жъ, пускай себѣ лежатъ!.. Зачѣмъ они мнѣ? Будетъ время, пойду поработаюсь...

Но время создало совершенно иное...

Началось дѣло Ющинскаго, арестовали Бейлиса... Стали вездѣ повсюду искать, обыскивать... Добрались и до шкафчика... Развернули мѣшокъ... Швайки... А!.. Вотъ оно

что?.. Вотъ оно орудіе убійства... Что-же дѣлаютъ съ нимъ? Вмѣсто того, чтобы представить къ слѣдствію весь этотъ мѣшокъ, полиція вынимаетъ швайки, и вотъ создается легенда, что именно этими швайками былъ убитъ Ющинскій... Свидѣтели показываютъ, что онѣ все время лежали недвижимо въ этомъ шкафчикѣ; свидѣтелю-шорнику предъявляютъ ихъ, онъ удостовѣряетъ, что именно эти швайки Берка оставилъ, уйдя съ завода. Что изъ того? Все равно какая-то тѣнь остается...

— А сколько стоятъ эти швайки и весь этотъ инструментъ, оставленный Беркой въ мѣшкѣ на заводѣ Зайцева?—задаетъ вопросъ товарищъ прокурора шорнику-христіанину.

Тотъ подсчитываетъ въ умѣ и, наконецъ, заявляетъ:

— Рубля полтора...

— Только-то!.. — невольно вырывается у обвинителя очевидно, крайне недовольнаго результатами этихъ долгихъ вычисленій.

Вѣроятно, ожидалась болѣе солидная сумма, которую Беркѣ должно было-бы жаль бросить безъ особыхъ уважительныхъ причинъ... И тогда?.. Тогда было бы испечено новое доказательство убійства Ющинскаго Бейлисомъ...

Бѣдный Бейлисъ! За все отвѣчаетъ онъ: и за корову, и за швайки...

Какъ хорошо, что шорный инструментъ стоитъ дешево...

Все ясно... Но къ этимъ швайкамъ еще двадцать разъ возвращаются, переспрашивая вновь и старыхъ и новыхъ свидѣтелей...

Но что можно сдѣлать съ швайками, которыя лежали и которыхъ никто не трогалъ?

Конечно, ничего...

XLVII.

Два цадика.

Когда читали обвинительный актъ, меня, помимо „Волкивны“, заинтересовали особенно два персонажа: два еврея, пріѣзжавшіе къ Бейлису, гостившіе у него... Какая-то таинственность витала надъ ними, что-то воистину „мистическое“, потустороннее окружило ихъ странные облики...

Помните, какъ описывались они: старые, страшные, дѣти трепетали, смотря на нихъ. Въ большихъ, высокихъ шапкахъ, въ длинныхъ одѣяніяхъ; и я мысленно всматривался въ нихъ, рисуя въ своемъ воображеніи ихъ ветхозавѣтные образы. Вотъ они, съ круглыми, пронзительными, — обязательно „пронзительными“—глазами, смотрятъ такъ, что на три аршина подъ землей видятъ. Отъ нихъ ничто не утаится! Отъ нихъ ничего не скроется!... Ходятъ они медленно, тихо поворачивая го-

ловы. Длинныя, полусѣдыя ихъ бороды, какъ у самого Моисея, по-поясъ. Костлявыя, постныя, изжелта-блѣдныя руки, покрытыя густыми сѣдѣющими волосами, безжизненно, какъ плети, выглядываютъ изъ-подъ широкихъ рукавовъ ветхозавѣтной, древней библейской одежды, сохранившейся по наслѣдству не меньше какъ отъ мистическаго древне-еврейскаго пророка Даніила... Шапки, эти ужасныя, высокія шапки, съ широкими полями, должны быть особенно потрясающи...

Мое любопытство просто не знало предѣловъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Шмаковъ каждаго еврея (и не еврея, но у котораго могъ быть—почемъ знать!—предокъ еврей)—сталъ строго экзаменовать:

— Слышали ли вы, кто-такіе Ландау и Этингеръ?

— Не слышалъ.

— А, вы не слышали, — сердито ворчалъ онъ, то снимая, то надѣвая очки, — вы не знаете цадиковъ Ландау и Этингера? Господа присяжные засѣдатели...

— Позвольте, г. Шмаковъ, — прерываетъ предсѣдатель,—сейчасъ, еще допросъ...

Какой тамъ?

Развѣ можно кому бы то ни было остановить Шмакова, когда онъ услышитъ имена знаменитыхъ цадиковъ Ландау и Этингера, когда этотъ столпъ и утвержденіе истины

всего союза русскаго народа, заснувъ, просыпается, если только до его чуткаго уха долетитъ созвучіе, начинающееся или имѣющее слогъ рав...

Какой-то свидѣтель упомянулъ фамилію Бравинъ... Шмаковъ въ это время, какъ мнѣ казалось, немножечко вздремнулъ. И, что же? Вдругъ оживился, схватился за очи...

— Что? Раввинъ... — и онъ грузно, тихо сталъ подыматься изъ своего уютнаго уголка.

Представьте же себѣ его негодованіе, когда онъ, видя предъ собой еврея, не могъ добиться отъ него, что онъ знаетъ знаменитыхъ цадиковъ Ландау и Этингера!..

Совершенно поневолѣ и я, никогда въ жизни не видавшій цадиковъ, прямо сгоралъ отъ нетерпѣнія!—Ну, когда же, когда они придутъ?

И я представлялъ себѣ, какъ они, чинно и важно, въ сознаніи исполненія своего долга передъ Господомъ, войдутъ въ торжественное засѣданіе суда въ своихъ древнихъ одѣяніяхъ, и мы перенесемся съ ними почти въ доисторическія времена.

— Пригласите Ландау... — и залъ закружился у меня передъ глазами отъ напряженнаго ожиданія.

Растворяется дверь—возлѣ двери, особенно почтительно стояли курьеры, заглядывая туда, въ коридоръ...

Секунда ожиданія, показавшаяся вѣчно-

стью... И въ залу вошелъ... онъ, этотъ знаменитѣйшій цадикъ: тонкій, въ пиджакѣ, бритый, съ лицомъ артиста, манжеты, манишка, цѣпочка, лакированныя, модныя ботинки...

— Что же это такое?..

— Какъ позволяютъ...

— Измѣнилъ наружность — промелькнуло у меня въ головѣ...

Но нѣтъ, оказывается—это настоящій, неподдѣльный Ландау. Говоритъ вибрирующимъ баскомъ, говоритъ гладко, и мнѣ почему-то все кажется, что онъ сейчасъ перейдетъ на французскій языкъ... Время отъ времени разсматриваетъ хорошо отточенные ногти... Отвѣчаетъ небрежно... Онъ начинаетъ скучать...

Оказывается, онъ жилъ за границей, больше всего въ Парижѣ, пріѣзжалъ въ Кіевъ къ своей матери, которая живетъ въ томъ участкѣ, гдѣ онъ, сынъ своей матери, проживать не можетъ, въ силу той „комедіи", — какъ угодно было одному изъ обвинителей обозвать на судѣ тотъ трагическій порядокъ, который установленъ для жительства евреевъ въ Кіевѣ.

Ему хотѣлось жить съ матерью. Онъ какъ-то тамъ жилъ, а прописали его гдѣ-то въ Плоскомъ, кажется, участкѣ... Ну, какое ему, собственно, до этого дѣло?

— А вы цадиковъ видѣли,—гудитъ, какъ шмель, г. Шмаковъ.

— Цадики, цадики!.. А? Что!.. Что это такое цадики?...

Если бы вы только видѣли, какимъ уничтожающимъ взглядомъ окинулъ его г. Шмаковъ. Вотъ тебѣ и цадикъ?... Какъ же это такъ... Господинъ Шмаковъ, разъясните...

Но нѣтъ, ни Шмаковъ, ни Замысловскій, ни даже юнѣйшій и храбрѣйшій изъ нихъ, г. Дурасевичъ,—и тотъ молчитъ, какъ убитый, всѣ молчатъ...

Въ публикѣ движеніе, слышенъ тихій смѣшокъ, который разразился бы въ гомерическій хохотъ, если бы только это было возможно...

Я угнетенъ, разочарованъ....

— Ландау, Ландау... — начинаю припоминать, — да не тотъ ли это, который пишетъ оперетки и ставить ихъ въ Парижѣ?!

Навожу справки—тотъ самый...

Мнѣ говорятъ, что онъ и сюда, въ Кіевъ, сейчасъ привезъ оперетку, только, будто бы, столь она весела и задорна, что кіевская сцена не выдержитъ...

Вотъ тебѣ и на!.. Опереточные цадики превращаются въ „цадикомъ“, пишущихъ оперетки... Это дѣйствительно по-русски...

Говорить-ли о другомъ „знаменитомъ“ цадикѣ Этингерѣ? Это форменный нѣмецъ съ типично нѣмецкой наружностью. Онъ ни слова не знаетъ по-русски, его допрашиваютъ черезъ переводчика. Онъ былъ настолько

любезенъ, что прибылъ къ намъ, въ Россію, въ Кіевъ, дать показанія въ окружномъ судѣ, лишь бы послужить правдѣ въ дѣлѣ разогнанія тумана въ этомъ страшномъ обвиненіи...

И мнѣ, вдругъ, стало такъ стыдно, такъ больно, что прямо хоть не живи на свѣтѣ... Воображаю, какъ хохочутъ надъ нами въ Западной Европѣ? Воображаю, сколько смѣха вызвалъ этотъ вызовъ австрійскаго землевладѣльца и купца, ведущаго мучное и лѣсное дѣло, вызовъ туда, гдѣ люди стараются доказать, что вѣкъ людоѣдства — это нашъ вѣкъ, это наша жизнь...

Но господа гражданскіе истцы не успокоились. Они сейчасъ же забили тревогу... Очевидно это не тѣ Ландау и Этингеръ, пріѣзжали какіе-то другіе... Стали наводить справки. Оказалось, что въ Кіевѣ нѣсколько десятковъ Ландау и столько же Этингеровъ... Неужели ихъ всѣхъ будутъ допрашивать? Гражданскіе истцы этого желали.—Прежде всего схватились за отца Ландау... Навели офиціально справки черезъ полицію, оказалось, что отецъ Ландау умеръ, и, къ счастью для еврейства, умеръ онъ значительно раннѣе убійства Ющинскаго и, къ еще большему счастью, похороненъ тутъ же въ Кіевѣ, что и засвидѣтельствовала полиція... Случись это иначе, еще неизвѣстно, что придумали бы гг. ритуалисты.

Замысловскій сейчасъ же хотѣлъ итти въ

поискахъ дальше, но судъ остановилъ разслѣдованіе всѣхъ Ландау и Этингеровъ, удовлетворившись вторымъ поколѣніемъ этихъ людей.

XLVIII.

Его надо убрать.

Суду свидѣтельствуетъ молодая женщина Гаевская. Она случайно попала къ Чеберяковой. У нея были непріятности съ родителями. Чеберякова пригласила ее погостить къ себѣ, гдѣ она и прожила полтора мѣсяца. Ушла тогда, когда вполнѣ убѣдилась, что Чеберякова „темная личность". Ее прежде всего смутили посѣтители, которыхъ Чеберякова звала своими братьями: придутъ въ однихъ костюмахъ, уйдутъ въ другихъ... Когда свидѣтельница спросила объ этомъ хозяйку дома, то получила лаконическій отвѣтъ: зачѣмъ все знать? Слѣди лучше за собой!

Это очень удивило Гаевскую.

Только послѣ убійства Андрюши, она придала значеніе разговору, происходившему у Чеберяковой съ ея посѣтителями въ гостиной. Свидѣтельница была въ сосѣдней комнатѣ.

— Трое было мужчинъ у нея въ гостяхъ. Фамилій ихъ не знаю, но въ лицо всегда узнаю—заявила она на судѣ. Въ домѣ былъ Андрюша Ющинскій и Женя. Это было въ январѣ 1911 г.

Свидѣтельница попутно устанавливаетъ чрезвычайно важное обстоятельство, что она лично видѣла до дня убійства Андрюшу не менѣе, какъ четыре раза въ квартирѣ Вѣры Чеберякъ. Надо помнить, что всѣ Чеберяки рѣшительно отрицаютъ, что онъ былъ у нихъ въ гостяхъ хоть одинъ разъ.

— Такъ вотъ, они сидѣли всѣ въ гостинной, а я была въ сосѣдней комнатѣ... Дѣти не шалили, были тихи, дѣвочекъ не было дома, онѣ играли на дворѣ... Чеберякова говоритъ своимъ гостямъ: „его надо убрать, онъ мѣшаетъ“,—я хорошо запомнила эти слова. Это было днемъ, около четырехъ часовъ дня. Я больше ничего не слыхала и сначала не придала никакого значенія этому разговору, но потомъ, когда началось все это дѣло, я поняла какія ужасныя были эти слова.

Здѣсь находимъ мы необходимымъ напомнить читателямъ, о давно промелькнувшемъ въ показаніяхъ свидѣтелей сказаніи о прутикахъ.

Андрюша какъ-то гулялъ съ Женей: они вырѣзывали прутики—дѣлали себѣ хлыстики. Женя вырѣзалъ хорошій прутикъ, а Андрюша никакъ не могъ себѣ подыскать подходящій. Ему было обидно. Онъ сталъ приставать къ Женѣ—отдай, да отдай мнѣ...

Женя уперся:

— Ни за что не отдамъ!..

Стали ссориться...

— А, ты такъ?—воскликнулъ разсерженный и вспылившій Андрюша,—вотъ я пойду и разскажу, что твоя мама краденымъ торгуетъ...

И убѣжалъ...

Есть предположеніе, что Женя сейчасъ же разсказалъ весь этотъ разговоръ матери... Не возникла-ли именно тогда нужда въ томъ, что „его нужно убрать, онъ мѣшаетъ!..“

Но все это пока въ судѣ остается безъ должнаго вниманія. Будетъ-ли вообще на это обращено вниманіе?

— Я купила у госпожи Чеберяковой платье реформъ за три рубля — продолжаетъ свой разсказъ свидѣтельница. Заплатила сначала полтора рубля, а потомъ принесла еще полтора... Иду это я въ новомъ платьѣ-реформъ по улицѣ, вдругъ, какая-то барыня хватаетъ меня, тащитъ въ полицію, меня арестовываютъ, производятъ обыскъ... Оказывается, у барыни украли платье и она опознала это платье на мнѣ... Былъ судъ. Чеберякова доказала своими свидѣтелями, что это платье она гдѣ-то купила, но платье у меня отобрали и отдали Чеберяковой: пропали мои и три рубля, и платье, вотъ, видите, сколько непріятностей... Вотъ почему я говорю, что Чеберякова темная личность.

На очной ставкѣ Чеберякова, конечно, все самымъ развязнымъ образомъ отрицаетъ, но однако, попала впросакъ: признала что фразу: „его надо убрать, онъ мѣшаетъ“, она произнесла, но не по адресу Андрюши Ющинскаго, а по адресу другого Андрюши, какого-то гимназиста, который, однако, здѣсь не былъ, но гдѣ-то, когда-то шалилъ...

Странное объясненіе странныхъ словъ!

Но надо отдать справедливость: держитъ себя Чеберякова молодцомъ, парируетъ всѣ удары, какъ опытный фехтовальщикъ, хладнокровно, спокойно и... развязно, до послѣднихъ предѣловъ.

XLIX.

Производились ли работы на заводѣ Зайцева, 12 марта, когда былъ убитъ Андрей Ющинскій?

Почти два дня выяснялся этотъ кропотливый, но чрезвычайно важный вопросъ. Допрашиваются и передопрашиваются рабочіе-возчики, рабочіе, обжигавшіе кирпичъ, сторожа, шорники и другіе. И несмотря на всѣ старанія, которыя прикладываютъ обвинители, несмотря на то, что вспомнить въ подробностяхъ то, что̀ было сдѣлано, гдѣ кто былъ два съ половиною года тому назадъ, крайне трудно, а подчасъ, казалось бы, и невозможно,—чер-

ниговскіе, кіевскіе и пр. мужички, напрягая память, сопоставляя разнообразныя обстоятельства, праздники, получки, отлучки, женитьбы, ярмарки, покупки лошадей и пр. и пр., докапываются до истины и, можно сказать, почти единогласно,—ибо только одинъ идетъ вразрѣзъ со всѣми остальными,—установили непоколебимо, что и 10, и 11, и 12 и въ слѣдующіе дни работа на заводѣ производилась безпрерывно и главное, какъ разъ въ той печкѣ, о которой обвинительная власть высказалась какъ о предполагаемомъ мѣстѣ убіенія Андрея Ющинскаго. То же самое устанавливаютъ книжки, отпуска товаровъ и бухгалтерія конторы завода. Твердо установлено, что если бы кто и хотѣлъ убить Ющинскаго на заводѣ въ этой печкѣ, то онъ былъ бы лишенъ этой возможности, благодаря тѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, которыя были тамъ на лицо въ эти дни.

Необходимо отмѣтить крайне отрадное явленіе. Во всѣхъ, почти безъ исключенія, показаніяхъ рабочихъ въ дѣлѣ Бейлиса, нигдѣ ни разу не проскользнула у нихъ антисемитская нотка. Наоборотъ, всѣ говорили о Бейлисѣ и о другихъ евреяхъ совершенно также просто, какъ и о себѣ самихъ. Отношеніе же къ Бейлису, къ его семьѣ, къ дѣтямъ всегда было крайне благожелательное. Рабочіе дружно свидѣтельствовали о его хорошемъ характерѣ, учтивости, желаніи поскорѣе отпустить

съ товаромъ, чтобы не терять лишняго времени,—у возчиковъ работа сдѣльная,—и прочихъ мелочахъ жизни. Какъ было бы хорошо, если бы Мердеръ и вообще люди его взглядовъ и отношеній къ евреямъ, послушали бы этихъ простыхъ труженниковъ, многіе изъ которыхъ оказались неграмотными.—Есть чему поучиться этимъ чиновнымъ людямъ у этихъ людей вѣковѣчнаго тяжелаго труда. Сколько терпимости, сколько простого человѣческаго отношенія къ человѣку иной національности!

L.

Свидѣтель одиннадцати лѣтъ.

Вводятъ мальчика. По виду ему не больше 7—8 лѣтъ.

Онъ смущенъ, но быстро осваивается и весьма толково и твердо даетъ свои показанія. Это Заруцкій, помните, тотъ, котораго подговаривала Вѣра Чеберякъ въ свидѣтельской комнатѣ давать показанія противъ Бейлиса.

Мы, слушатели, крайне были удивлены, потому, что когда этотъ мальчикъ сталъ разсказывать о томъ, какъ Вѣра Чеберякъ его подговаривала,—то предсѣдатель суда вдругъ спросилъ у мальчика:

— А почему вы такъ наморщили лобъ? Что хотѣлъ сказать этимъ г. предсѣдатель?

Нужно ли это было понять, какъ намекъ на то, что мальчикъ какъ-бы припоминаетъ съ трудомъ то, что его научили говорить, или еще что,—такъ и осталось невыясненнымъ. Но защитникъ Грузенбергъ сейчасъ же заявилъ, что здѣсь же въ судѣ свидѣтель падалъ въ обморокъ, и это ему не ставили въ укоръ. Почему же удивляются, что мальчикъ, припоминая, наморщилъ лобъ?

Тяжело было все это слушать.

Онъ разсказываетъ о томъ, какъ катались на мялѣ, какъ онъ боялся кататься—высоко, а онъ маленькій.

— Заберусь на столбикъ, а со столбика на мяло. А все-таки страшно...

Товарищи его въ компанію принимали и въ квача онъ игралъ всегда вмѣстѣ со всѣми. Андрюшу зналъ. Выясняется, что онъ катался съ Андрюшей тогда, когда еще не было забора, а какъ заборъ поставили, нельзя было уже пролѣзть на заводъ—лазеекъ не было!—съ грустью заявляетъ этотъ стойкій гражданинъ нашей страны.

Коровы у Бейлиса онъ не видалъ—а бейлисовская корова—вѣдь, это и есть одно изъ главныхъ доказательствъ истины въ этомъ процессѣ! Отъ нея многое зависитъ! Если Бейлисъ торговалъ молокомъ тогда, когда пропалъ Андрюша, то значитъ дѣти всетаки ходили и на заводъ и къ Бейлису, и онъ могъ

ихъ таскать въ печь и убивать ихъ тамъ для своей надобности!—Удивительная логика!

Но, къ счастью, корова была продана осенью, почти за полгода до пропажи Ющинскаго.

Мальченка, несмотря на крайне пристрастный перекрестный допросъ, словно гигантъ, смѣло разрываетъ, одну за другой, цѣпи обвиненія... Онъ напряженно вспоминаетъ всѣ подробности и, не боясь, отвѣчаетъ: нѣтъ, было не такъ, а вотъ такъ.

Онъ совершенно неопровержимо установилъ, что катались, какъ онъ, такъ и другія дѣти, на мялѣ до пропажи Андрюши, до постройки новаго забора, когда ихъ прогоняли оттуда рабочіе а они „утекали“:

— Кинутъ палкой, а мы утекать!

Онъ также непоколебимо установилъ, что заборъ новый былъ такой, что даже онъ, этотъ шустрый малецъ, не могъ нигдѣ пролѣзть, чтобы погулять на заводѣ. Да это и понятно: заборъ, вѣдь, болѣе всего и строился отъ этой саранчи,—отъ дѣтишекъ, которымъ такъ пріятно всегда было попрыгать по готовымъ мягкимъ кирпичамъ, съ одного на другой! съ одного на другой! Прекрасно, интересно! А, смотришь, тысяча кирпичей и испорчена!.. И такъ каждый день..

Его разспрашиваютъ о собакахъ.

Очень ему было это интересно!

Собачки такія хорошія! Друзья... Да вотъ убили... Одну подъ дачей нашли мертвой, а другая исчезла, неизвѣстно куда, а потомъ ее обнаружили убитой въ оврагѣ...

Смотрите, сколько здѣсь неожиданныхъ смертей, въ этомъ страшномъ домѣ, гдѣ жила Чеберякова: умираютъ люди, убиваютъ собакъ!

Есть показанія, что эти собаки выкопали какія то окровавленныя тряпки, ну, ихъ сейчасъ же и наказали за это... Не шали! А Шмаковъ, конечно, доказываетъ, что собаки мѣшали евреямъ таскать дѣтей, — они хотѣли, какъ увѣряетъ Шмаковъ, и Женю утащить, чтобы выпить изъ него кровь,—да собаки помѣшали, вотъ евреи ихъ и убили, забывая, что простые даже воришки не прибѣгаютъ никогда къ такому радикальному средству, а городскихъ дворняжекъ обыкновенно задабриваютъ хорошей костью или кускомъ мяса... А вотъ чутье-то собачье—его не задобришь, тянетъ его къ крови, и тряпки, дѣйствительно, могли быть очень соблазнительны для этихъ тощихъ стражей кіевской окраины.

Мальчику жалко собакъ, но кто ихъ убилъ, онъ не знаетъ.

Такъ же свободно и точно разсказываетъ онъ, какъ подговаривала его Чеберякова въ свидѣтельской комнатѣ показывать, что Бейлисъ утащилъ Андрюшу; учила она и ея дочь Людя.

— А я не хочу!.. Этого не было... Я этого не видѣлъ...

И никакія силы не могли сбить этого крѣпкаго мальчика съ его твердой позиціи...

LI.

Петровъ.

Тонкій, худой, блѣдный, очевидно, болѣющій какой то длительной, изсушающей болѣзнью. Говоритъ хриплымъ, шипящимъ голосомъ... Заявляетъ, что онъ рабочій, столяръ, даже заработокъ поденный назвалъ... Но почему-то не вѣриться этому... Не похожъ онъ на человѣка труда.

Одѣтъ въ широкую желтовато-коричневую размахайку съ капюшономъ; походка своеобразная, рѣдко встрѣчающаяся. Ходитъ онъ такъ прямо, и какимъ-то такимъ особеннымъ шагомъ, что широкая размахайка его не шелохнется, не дрогнетъ. Дайте ему полный стаканъ воды въ руки, и я увѣренъ, что онъ десять верстъ пронесетъ его вамъ, и капли не расплескаетъ.

— Не служилъ ли онъ въ циркѣ?

— Не дрессировалъ ли его кто либо быть столь неподвижнымъ?

Лицо непріятное, отталкивающее, но несомнѣнно такое, которое должно нравиться женщинамъ чеберяковской марки. Въ глазахъ

много страсти, животной, тяжелой, мучительной страсти...

Но особенное вниманіе обращаютъ его руки. Пальцы столь громадны, жилисты, что когда онъ ими, подпирая щеку, тихонько шевелитъ, словно спрутъ щупальцами, становится страшно за его шею:—такъ и кажется, вотъ, если онъ захочетъ, надавитъ „на машинку"— „машинка" сейчасъ же захрипитъ, сломается и кровь хлынетъ изъ горла... Такія руки рѣдко встрѣчаются: цѣпкія, сильныя, ловкія...

Показываетъ онъ тускло, но все обдуманно, совершенно въ той же перспективѣ, какъ его „дама сердца", Вѣра Чеберякъ.

Это онъ свидѣтель того, какъ избилъ слѣпой Павелъ Мифле свою возлюбленную, къ которой онъ и до сихъ поръ такъ привязанъ, все ту-же Вѣру Чеберякъ...

Когда она вернулась домой настолько избитой, что слегла въ постель и въ ужасѣ, въ злобѣ металась отъ страшной боли по подушкамъ, создавая въ своей душѣ адскій планъ преданія въ руки властей искалѣченнаго ею Мифле, онъ, Петровъ, былъ здѣсь и утѣшалъ ее...

Это онъ привелъ ее домой, всю избитую. Это онъ разсказалъ совершенно высохшему мужу этой пылкой дамы волнующую легенду, какъ на Вѣру Чеберякъ напали хулиганы— (вотъ ужъ воистину своя своихъ не познаша!)—

и вдругъ стали избивать ее, а онъ, благородная душа, сейчасъ же вскипѣлъ и понесся въ бой, отбилъ ее, хотя немножко опоздалъ, и вотъ теперь доставилъ домой...

Били ее „шоколадкой“... Это увѣсистый кусокъ желѣза, который зажимаютъ въ руку и наносятъ всесокрушающіе удары...

Рыцарь былъ сейчасъ же вознагражденъ: съ этого момента онъ, на правахъ спасителя, прочно поселяется въ квартирѣ Вѣры Чеберякъ, гдѣ и живетъ до сего времени, охраняя миръ и благоволеніе въ этомъ домѣ, полномъ мерзости...

Тутъ же, на судѣ, раскрывается совершенно иное... Рыцарь этотъ никого не спасалъ, а былъ просто случайнымъ свидѣтелемъ, какъ не хулиганы, а Павелъ Мифле, этотъ основной кавалеръ Вѣры Чеберякъ, изъ всѣхъ силъ колотилъ свою любовницу.—За что?...

Въ подробностяхъ разсказъ о мотивахъ воинственнаго выступленія этого французскаго гражданина, ослѣпленнаго русской Чеберякъ, — до сего времени еще не оглашенъ, но что здѣсь, конечно, играла главнѣйшую роль любвеобильность сердца Вѣры Чеберякъ,—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія...

— Но какъ вы узнали, что васъ избивалъ Мифле? Вѣдь было же темно...—спрашивали героиню Лукьяновки.

— Мнѣ на другой день сказали, что видѣли двухъ бѣжавшихъ и державшихся за руки,—объясняла эта удивительно догадливая женщина...

— Одинъ изъ нихъ, конечно, долженъ быть слѣпымъ...

— Почему?..

— Зрячіе бѣжали бы вразсыпную.

— А если здѣсь былъ слѣпой, то кто, скажите, могъ быть иной, какъ не Мифле?Другихъ слѣпыхъ здѣсь нѣтъ...

Право такая сообразительность сдѣлала бы честь любой ищейки перваго разряда...

Но что показалъ Петровъ?

Онъ нечего новаго не показалъ. Онъ слово въ слово повторилъ то, что разсказывала Чеберякова, только нѣсколько иными словами.

Когда онъ отходилъ отъ свидѣтельской стойки, онъ метнулъ взоръ на Чеберякову, и ея желто-оранжевый шишакъ на шляпѣ заколыхался благосклонно, и онъ смиренно сѣлъ на лавочку, зашевеливъ около щеки и горла своими страшными пальцами...

LII.

Журналистъ-разслѣдователь.

Мы должны остановиться здѣсь на показаніяхъ Бразуль-Брушковскаго, этого журналиста, занявшаго совершенно не подобающую роль

для газетнаго сотрудника: роль разслѣдователя по уголовному дѣлу, связавшаго себя одной веревкой съ бывшимъ начальникомъ сыскного отдѣленія Красовскимъ, съ сыщиками, съ жандармскимъ управленіемъ, въ лицѣ исправлявшаго должность его начальника подполковника Иванова, съ которымъ онъ, по его собственнымъ признаніямъ, сдѣланнымъ на судѣ, такъ часто видался, совѣтовался, устраивалъ свиданія и пр.

Помимо этой совершенно недопустимой роли журналиста, Бразулю - Брушковскому не надо было бы унижаться и говорить на судѣ и о ломбардныхъ квитанціяхъ, и о той славѣ и повышенныхъ гонорарахъ, которые онъ надѣется, по его увѣреніямъ, получить... Послѣдній мотивъ: безкорыстіе его дѣятельности совершенно уходитъ изъ-подъ его ногъ, послѣ этихъ имъ же самимъ сдѣланныхъ разъясненій. Ему не нужно было дожидаться свидѣтельства подполковника Иванова, который заявилъ, что жандармскому правленію доподлинно извѣстно, что вся работа частныхъ сыщиковъ оплачивалась, и что Бразуль-Брушковскій получилъ три тысячи рублей при его поѣздкѣ въ Крымъ. Не дожидаясь этого позора и униженія, Бразуль-Брушковскій долженъ былъ прямо и откровенно сказать, получалъ онъ или не получалъ денежную помощь отъ своихъ друзей, клепать

же на себя о какихъ-то проблематическихъ гонорарахъ, которыхъ онъ не получалъ и никогда не получитъ, какъ бы онъ объ этомъ ни мечталъ, это значитъ самому вырывать послѣднюю почву изъ-подъ своихъ же ногъ: послѣднее оправданіе его участія въ дѣлѣ розыска по этому уголовному дѣлу, сведено на полную смарку, такъ-какъ послѣдняя зацѣпка — идеалистическій мотивъ возмущенія клеветой, возведенной на еврейскій народъ,— исчезаетъ, по его же собственнымъ увѣреніямъ, разъ и навсегда, такъ какъ корыстный мотивъ не отрицается, въ концѣ концовъ, и имъ самимъ.

Крайне тяжелый осадокъ остается въ душѣ отъ этой части процесса, гдѣ обнаруживается участіе лица, связаннаго съ демократической прессой, въ дѣлѣ уголовнаго розыска, въ дѣлѣ сыска.

До процесса, когда намъ приходилось читать разоблаченія по дѣлу Менделя Бейлиса, сдѣланныя этимъ журналистомъ, мы думали, что пресса выполняетъ то дѣло, которое она обязана дѣлать: предавать гласности все то, что изъ-за политическихъ махинацій враги народа готовы всегда скрыть. Это обязанность тяжелая, подчасъ рискованная, но святая обязанность демократической печати. Пріѣхавъ въ Кіевъ, мнѣ—и не только мнѣ—стало подозрительнымъ, что этотъ журналистъ на-

ходится на весьма короткой ногѣ съ тѣми лицами, которые не должны имѣть никакого общенія съ нашей печатью. Но когда намъ пришлось прослушать обширныя показанія этого журналиста, которыя пестрятъ такими сообщеніями: „Я забылъ сказать, что когда Красовскій началъ работать, то съ нимъ работали два сыщика. Ихъ нельзя было назвать сыщиками, потому что они ушли изъ кіевскаго сыскного отдѣленія (??) и работали (!) у Красовскаго частнымъ образомъ,—это были Полищукъ и Выграновъ". Читатель долженъ знать, что Красовскій—это бывшій начальникъ сыскного отдѣленія въ Кіевѣ, Полищукъ—сыщикъ, рекомендовавшій себя на процессѣ, какъ лицо состоящее на „конспиративной службѣ" у правительства, при чемъ онъ отказался назвать родъ своей службы, Выграновъ—это тоже сыщикъ, не явившійся на процессъ.

„Одного и другого,—продолжаетъ „журналистъ" Бразуль-Брушковскій—я зналъ, былъ съ ними знакомъ и въ процессѣ работы Красовскаго сплошь и рядомъ они кое-что мнѣ разсказывали."

Но слушайте далѣе:

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ—показываетъ Бразуль-Брушковскій—я точно не помню, приходитъ на квартиру ко мнѣ Выграновъ и говоритъ: „Давайте будемъ вмѣстѣ работать. Вы знаете, что я работалъ по этому дѣлу и хочу

его раскрыть, я знаю, что вы тоже заинтересованы, чтобы это дѣло было раскрыто". „Я Выгранова зналъ, какъ сына домовладѣльца", и тутъ же характеризируетъ его: „Онъ учился въ гимназіи, но не окончилъ. Послѣ того, какъ онъ ушелъ изъ гимназіи, онъ заинтересовался (!)—подумаешь, какія нѣжныя краски!—розысками и поступилъ къ Красовскому, когда послѣдній былъ начальникомъ сыскного отдѣленія." „Я его (Выгранова)—предложеніе принялъ" — добавилъ Бразуль-Брушковскій.

— А въ чемъ состояло это его, Выгранова, предложеніе?

— Работать вмѣстѣ...

Изъ дальнѣйшаго повѣствованія Бразуля-Брушковскаго мы узнаемъ, что „розысками завѣдывалъ также подп. Ивановъ".—А Ивановъ въ то время замѣнялъ начальника жандармскаго управленія. „Я былъ,—говоритъ далѣе этотъ „журналистъ"—у подполковника Иванова, дѣлился впечатлѣніями."

Нужно-ли говорить, что подобная близость журналиста съ агентами розыска—совершенно не допустима ни при какихъ обстоятельствахъ...

Но что дали положительнаго показанія Бразуль-Брушковскаго для процесса? На мой взглядъ, ровно ничего... Дѣлали все сыщики Выграновъ, Красовскій, частные разслѣдова-

тели Караевъ, Махалинъ. А онъ? Мнѣ кажется,—и если это такъ, все-таки хоть немножечко легче, — что Бразуль-Брушковскій былъ только вывѣской для тѣхъ лицъ, которыя по своимъ соображеніямъ и побужденіямъ, вели все это раскрытіе слѣдовъ преступленія въ дѣлѣ убійства Ющинскаго...

Но если даже признать, что онъ былъ только ширмой, что ему платили только за подпись, за фамилію, то и при этихъ обстоятельствахъ дѣятельность этого журналиста должна подлежать самому рѣшительному осужденію...

Демократическая пресса должна всегда стоять на стражѣ истины, на стражѣ правды, на стражѣ гласности, но ни въ коемъ случаѣ дѣятели нашей печати не могутъ заниматься дѣлами розыска. Это роняетъ, это унижаетъ святое дѣло литературы.

LIII.

Поѣздка въ Харьковъ.

Чеберякова остается вѣрна своей тактикѣ, она стремится какъ можно больше запутать народа въ это дѣло, для чего пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ.

Бразуль-Брушковскій хорошо знакомъ съ присяжнымъ повѣреннымъ Марголинымъ. Онъ увлеченъ показаніями Чеберякъ, вѣритъ въ

ихъ правдивость, совершенно не подозрѣвая того, что всегдашняя тактика подобныхъ „темныхъ“ личностей сбить всѣхъ слѣдопытовъ съ настоящаго слѣда и направить ихъ по тѣмъ направленіямъ, которыя имъ кажутся сейчасъ наиболѣе цѣлесообразными.

Въ „Кіевской Мысли“, какъ выяснилось на судѣ, надъ Бразулемъ подшучивали, скептически относясь къ его новой дѣятельности и въ какомъ бы то ни было содѣйствіи отказывали.

Бразуль-Брушковскій оставшись одинъ безъ общественнаго мнѣнія, хотя бы той среды, гдѣ онъ работалъ, безъ обсужденія его поступковъ хотя бы со стороны сотрудниковъ газеты, попадаетъ въ такую компанію лицъ, которая не можетъ внушать и ему довѣрія. Новыя его знакомства таковы, что совершенно нельзя угадать, гдѣ и когда кто изъ нихъ говоритъ неправду, когда ведется подвохъ, выслѣживаніе и выслушиваніе для своихъ собственныхъ цѣлей. Сыщики всегда остаются сыщиками и ихъ психологія всегда опредѣленна: недовѣріе ко всѣмъ, использованіе всѣхъ въ своихъ личныхъ цѣляхъ.

Бразуль одинокъ, его волнуютъ многія обстоятельства дѣла, онъ начинаетъ подозрѣвать Чеберякову въ неискренности....

Онъ обращается къ присяжному повѣренному Марголину и проситъ его повидаться

съ Чеберяковой съ исключительной цѣлью: можно-ли хоть сколько нибудь довѣрить этой женщинѣ?

Марголинъ категорически отказался видѣться съ Чеберяковой, мотивируя тѣмъ, что она повадится къ нему ходить, а онъ не желаетъ поддерживать съ ней никакихъ отношеній.

Онъ между прочимъ заявилъ Бразулю-Брушковскому, что будетъ вскорѣ по своимъ судебнымъ дѣламъ въ Харьковѣ.

Такъ какъ, по утвержденію Бразуля-Брушковскаго, онъ предполагалъ все-равно ѣхать въ Харьковъ съ Чеберякъ, для того чтобы она могла тамъ повидаться съ какимъ-то арестантомъ, дабы узнать мѣсто убійства Ющинскаго, то онъ рѣшилъ отложить на нѣсколько дней эту поѣздку, желая одновременно достигнуть двухъ цѣлей: розыскной по дѣлу Ющинскаго и свиданія съ Марголинымъ для провѣрки своихъ впечатлѣній.

Свиданіе это состоялось. Марголинъ вынесъ крайне отрицательное впечатлѣніе отъ Чеберяковой, какъ женщины, ведущей свою линію, хитрой, лживой и опасной.

Чеберякова знала, что она дѣлала, когда ѣхала въ Харьковъ. Ее сопровождалъ, помимо Бразуль-Брушковскаго, отставной сыщикъ Выграновъ. Она рѣшительно не довѣряла обоимъ этимъ ей малоизвѣстнымъ лицамъ и взяла съ

собой, на всякій случай, пузырекъ съ ціанистымъ кали.

— Если стали бы вы меня пытать, я отравилась бы,—заявила она Бразулю-Брушковскому, когда тотъ случайно, на обратномъ пути узналъ, чѣмъ былъ наполненъ одинъ изъ пузыречковъ находившихся въ сумочкѣ у этой удивительной, странной женщины...

Но еще болѣе удивительно, почему эта невинная женщина, такъ страдающая по убіенномъ Андреѣ Ющинскомъ, почему она предполагала, что ее могутъ „пытать", чего-то допытываться? Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, такая мысль не можетъ прійти въ голову такъ себѣ,— очевидно, для нея имѣлись какія-то основанія... Что это за основанія? Почему сама Чеберякова думала, что именно у нея нужно было допытываться свѣдѣній объ убійствѣ Андрея Ющинскаго? Эти вопросы такъ и остались не выясненными, на нихъ даже не обратили должнаго вниманія, а вѣдь въ нихъ то, можетъ быть, и лежитъ путь къ разгадкѣ всей этой драмы.

Что же дѣлаетъ, какъ использываетъ Вѣра Чеберякъ свою поѣздку въ Харьковъ?

У нея несомнѣнно былъ строго обдуманный планъ. Она почувствовала надвигающуюся опасность: многое стало извѣстно изъ ея жизни тѣмъ, кто частнымъ образомъ занимался разслѣдованіемъ этого дѣла, и она искусно, смѣло стала заметать слѣды...

Изъ Харькова она посылаетъ открытку своему мужу и этимъ удостовѣряетъ оффиціально пребываніе свое въ этомъ городѣ въ опредѣленныя числа. Чтобы доказать въ будущемъ, въ какой именно гостиницѣ она была, она беретъ изъ номера стѣнное объявленіе, гдѣ есть адресъ гостиницы. И, наконецъ, чтобы въ будущемъ доказать, въ какой именно комнатѣ она была, она дѣлаетъ надпись на стѣнѣ карандашомъ:

— Вѣра Чеберякъ.

Нельзя не сказать: умно сдѣлано!

Когда дѣло повернулось такъ, что ей необходимо было выступить предъ лицомъ судебнаго слѣдователя, она, доказавъ свое пребываніе въ Харьковѣ въ сообществѣ Бразуля-Брушковскаго, Марголина и Выгранова, сейчасъ же стала прибавлять: еще были двое, которые вышли изъ сосѣдней комнаты. Они меня подкупали; говорили: примите вину на себя, объясните слѣдователю, что вы знаете, кто, когда и гдѣ убилъ Андрюшу, и вы будете вознаграждены: вамъ дадутъ 40.000 рублей денегъ изъ общееврейской кассы (!?), васъ будутъ защищать лучшіе адвокаты, вы уѣдете за границу. Правда, тутъ же начинается вранье: планъ комнаты она рисуетъ невѣрно; весь этотъ разсказъ дышетъ неправдоподобіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ люди запутаны, чѣмъ-то скомпрометированы, какая-то тѣнь остается

на нихъ, а для Вѣры Чеберякъ она сѣнь прохлады отъ угара сгущающихся, обличающихъ обстоятельствъ.

Пойдите опровергайте эту клевету, которую Чеберякъ повторила тысячу разъ, а ея свидѣтели, конечно, подтвердили...

Общественный дѣятель не долженъ опускать себя до сношеній и переговоровъ съ подобными крайне подозрительными личностями, какими являются Вѣра Чеберякъ и ея сотоварищи.

И чтобы тамъ не говорили, весьма непріятный осадокъ оставляетъ вся эта исторія съ присяжнымъ повѣреннымъ Марголинымъ.

LIV.

Бывшій начальникъ сыскной полиціи Красовскій.

Вотъ передъ судомъ Красовскій. Это бывшій начальникъ сыскной полиціи. Онъ былъ приставленъ къ дѣлу розыска по убійству Ющинскаго. Красовскій занимался этимъ разслѣдованіемъ совершенно самостоятельно, внѣ зависимости отъ кого бы то ни было изъ всѣхъ отдѣленій полиціи. Дѣйствовалъ все время подъ непосредственнымъ наблюденіемъ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Фененко и прокурорскаго надзора кіевскаго окружного суда и судебной палаты.

Когда задаютъ ему вопросъ, въ первое мгновеніе въ глазахъ у него мелькаетъ испугъ, озадаченность, и потомъ сразу сосредоточиваетъ онъ всю напряженность своей мысли на отвѣтѣ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ отвѣчаетъ очень удачно, приходя къ неожиданнымъ выводамъ.

Человѣкъ энергичный и несомнѣнно одаренный шерлокъ-холмскими способностями.

Чрезвычайно подробно выясняетъ онъ весь свой розыскъ по этому дѣлу.

Его дѣятельность распадается на два періода: сначала онъ, находясь въ милости, ведетъ энергичное слѣдствіе по всѣмъ тѣмъ направленіямъ, которыя обнаруживаются: 1) на Слободкѣ, гдѣ жили родственники Ющинскаго; 2) на Лукьяновкѣ, гдѣ онъ жилъ раньше; 3) въ окрестностяхъ пещеры, гдѣ найденъ трупъ, и 4) въ заводѣ Зайцева, о которомъ говорили, что тамъ совершено убійство съ ритуальными цѣлями.

Другой періодъ—это частное разслѣдованіе этого дѣла, во главѣ котораго становится заживо задѣтый и уязвленный въ своемъ самолюбіи Красовскій.

Въ скоромъ времени всѣ розыски стали невольно приводить его сначала къ дому, гдѣ жило семейство Вѣры Чеберякъ, а потомъ и къ ея квартирѣ. И, наоборотъ, всѣ эти же розыски ясно приводили его къ заключенію,

что никакой ритуальности здѣсь нѣтъ и быть не можетъ.

Какъ только онъ обнаружилъ эту тенденцію, какъ только онъ высказалъ свое опредѣленное мнѣніе и всю силу удара готовъ былъ обрушить на тотъ воровской притонъ, куда его приводили всѣ данныя, онъ сейчасъ же оказался нехорошъ. Сейчасъ же согласились на его вынужденную просьбу объ освобожденіи отъ участія въ розыскѣ по дѣлу Ющинскаго.

Его перевели въ провинцію, а вскорѣ предложили ему выйти въ отставку.

Красовскій считаетъ съ этого момента раскрытіе убійства Ющинскаго дѣломъ своего сыщицкаго достоинства, переселяется въ городъ и ведетъ его на собственный страхъ и рискъ, идя все въ томъ же направленіи, которое онъ считаетъ единственно правильнымъ, и когда, какъ онъ заявилъ на судѣ, всѣ нити были у него уже въ рукахъ, когда оставалось только выполнить нѣкоторыя детали, дабы установить факты сознанія,—его вызываютъ на допросъ. Слѣдователь Машкевичъ, допрашиваетъ его три дня подъ рядъ—съ 10 часовъ утра до 12 часовъ ночи, потомъ черезъ два дня его арестовываютъ, сажаютъ въ тюрьму. Его привлекаютъ за старые грѣхи. За какой-то недосмотръ по службѣ, совершенный имъ въ 1903 году.

Красовскаго судили въ судебной палатѣ и оправдали, но просидѣть онъ просидѣлъ полтора мѣсяца, что, какъ онъ говоритъ, непоправимо отразилось на раскрытіи истины въ дѣлѣ убійства Ющинскаго.

Что же сообщилъ онъ суду?

Въ началѣ 1911 года въ Кіевѣ оперировала прочно организованная шайка воровъ и громилъ. Разгрому подвергались частныя квартиры, магазины, лавки. Совершались нападенія, наглые грабежи. Бывали дни, когда обнаруживалось до 40 кражъ. Въ газетахъ мелькала рубрика: „Эпидемія кражъ".

Въ первыхъ числахъ марта полиціи удается совершенно случайно задержать четырехъ опасныхъ воровъ-рецидивистовъ. Они въ студенческой формѣ шли въ баню. Одного изъ нихъ случайно опозналъ околоточный, послѣдовавшій за ними и арестовавшій ихъ всѣхъ.

Задержанныхъ узналъ случайно въ участкѣ городовой, спросившій:

— А за что вы нашихъ паничей задержали?—и онъ указалъ на четвертыхъ задержанныхъ въ банѣ.

— Какихъ „вашихъ?" Почему такое названіе?

Городовой выяснилъ, что ихъ считалъ за настоящихъ студентовъ и что они постоянно бываютъ на Лукьяновкѣ въ квартирѣ Чеберяковой.

Туда сейчасъ-же направилась полиція съ обыскомъ.

У Чеберяковой ничего не нашли, но шайка была чрезвычайно смущена этой неожиданностью и у нихъ выросло явное подозрѣніе, что кто-то „изъ своихъ“ выдаетъ.

Въ этихъ же числахъ Вѣра Чеберякъ была задержана по подозрѣнію въ продажѣ краденыхъ золотыхъ вещей, но она ловко отговорилась въ участкѣ и сейчасъ же скрылась.

Андрей Ющинскій былъ свой человѣкъ въ этомъ мірѣ. Его звали „домовымъ“—это воровская кличка тѣхъ, кто участвуетъ или подготовляется къ участію въ набѣгахъ на частныя квартиры.

Красовскій показываетъ, что Андрей Ющинскій явно подготовлялся къ воровской дѣятельности, и когда въ этой шайкѣ созрѣлъ планъ разгрома Софійскаго собора, то онъ долженъ былъ выполнить рискованную роль: пролѣзть черезъ окно, стекло въ которомъ будетъ выдавлено, и отворить намѣченную дверь, дабы туда могли проникнуть громилы.

Если вы вспомните исторію съ прутиками, гдѣ поссорился Женя съ Андрюшей, бросившимъ фразу, что онъ разскажетъ о Жениной матери, т. е. о Чеберяковой, если вы вспомните показаніе свидѣтельницы

Гаевской, которая слышала, какъ въ гостиной Чеберяковой говорилось о томъ, что Андрея Ющинскаго „нужно убрать, онъ мѣшаетъ“,— вамъ станетъ ясенъ планъ этого убійства и осуществленіе его.

Шайка приходитъ къ заключенію, что Андрей Ющинскій предатель, и немедленно рѣшаетъ расправиться и избавиться отъ опаснаго человѣка. 12 марта утромъ его убиваютъ въ квартирѣ Чеберяковой, три дня онъ лежитъ въ квартирѣ Чеберяковой, одинъ день въ погребѣ, и вечеромъ этого дня, т. е. 16 марта, его переносятъ въ пещеру, гдѣ 20 марта трупъ обнаруживаютъ играющія дѣти.

Красовскій приступаетъ къ розыскамъ.

Прежде всего его вниманіе обращаетъ глина на курткѣ убитаго, которая найдена тутъ же въ пещерѣ.

— Я сейчасъ же прошу дать мнѣ точныя метерологическія свѣдѣнія о погодѣ и всѣхъ атмосферныхъ осадкахъ между 12 и 20 марта. Главная метерологическая станція устанавливаетъ, что погода въ это время была холодная и только два дня—16 и 19—была оттепель.

— Значитъ—говоритъ Красовскій,—только въ эти два дня глина могла быть мягкая. Значитъ, трупъ Ющинскаго былъ доставленъ въ пещеру въ одинъ изъ этихъ дней. Я утверждаю, что именно 16 марта онъ былъ перенесенъ въ пещеру и вотъ почему: съ очевид-

ностью доказано, что трупъ Андрея Ющинскаго, былъ поставленъ убійцами стоймя, прислоненный къ стѣнѣ, а нашли его сидящимъ, съ согнутыми колѣнями. Ясно что его принесли туда окостенѣлаго, потомъ окостенѣніе прошло и онъ сталъ опускаться, садиться; для этого нужно было дня три, такъ что если бы его принесли 19 марта, то его должны были впихнуть такъ, какъ его нашли, тогда не могли бы образоваться слѣды на стѣнѣ отъ постепеннаго опусканія трупа. А если бы онъ былъ еще окостѣнѣлымъ, то за одну ночь, когда къ тому же все-таки холодно, онъ не могъ потерять окостенѣлость и не успѣлъ бы сѣсть—его нашли бы полустоящимъ. Вотъ почему я утверждаю, что его перенесли въ пещеру именно 16 марта. Къ тому же есть и другое косвенное подтвержденіе.

— Но какая глина?

— Къ этому времени мы уже изслѣдовали заводъ Зайцева, такъ-какъ подозрѣвали, что именно тамъ могло быть совершено убійство, въ одной изъ обжигательныхъ печей, гдѣ дѣти любили играть.

— Я беру всѣ сорта глинъ съ завода Зайцева и въ томъ числѣ изъ печки, а также и глину изъ пещеры. Узнаю у эконома духовнаго училища, гдѣ учился Ющинскій, изъ какого матеріала шили куртки—одежду ученики получали отъ училища,—покупаю въ томъ магазинѣ та-

кое же самое сукно и дѣлаю слѣдующій опытъ: на куски сукна намазываемъ всѣ сорта глины, смѣшанной съ водой, каждую на отдѣльный кусокъ, и выжидаемъ неприкосновенно нѣсколько дней, пока глина подсохла. Потомъ одинаково и одновременно поднимаемъ сукно, придаемъ ему вертикальное положеніе—глина вся осыпается до кусочка, за исключеніемъ той, которая взята изъ пещеры. Ясно, что на курткѣ Андрюши глина пещерная, а отнюдь не съ завода Зайцева. Анализъ глинъ разъясняетъ намъ, почему такъ, ибо глина, взятая изъ печки съ завода Зайцева, имѣетъ до 60% песка, а изъ пещеры—чистая глина.

У Ющинскаго въ курточкѣ былъ найденъ кусокъ наволочки: экспертъ, его изслѣдовавшій, нашелъ на немъ еле замѣтный отпечатокъ галоши. Ясно, что кто-то изъ убійцъ наступилъ на эту тряпку. Галоша оказалась рѣдкой: не лодочкой, какъ обыкновенно бываютъ, а прямая. Когда я дѣлалъ обыскъ у Бейлиса, то обратилъ особенное вниманіе на галоши. У него оказались галоши старыя, обыкновеннаго образца „Треугольникъ“. А когда въ ту же ночь я присутствовалъ на обыскѣ въ квартирѣ Чеберяковой, мнѣ бросилось въ глаза, что одна изъ подушекъ Чеберяковой была безъ наволочки.

Я сталъ часто посѣщать квартиру Чеберяковой—познакомился съ ней и вскорѣ вы-

яснилъ, что Женя, ея сынъ,—очень способный мальчикъ,—повидавъ аэропланъ Сикорскаго, сдѣлалъ дома такую-же модель. Осматривая ее, я убѣдился, что для ея приготовленія нужно колющее орудіе—что-либо въ родѣ большого шила, швайки, — и ни одного такого орудія у Чеберяковой не нашлось, что крайне подозрительно, ибо именно такимъ орудіемъ былъ убитъ Андрюша Ющинскій. Изъ дома Чеберяковой все что-либо подходящее къ этому исчезло.

А надо имѣтъ въ виду, что у отца Жени Чеберякова былъ большой наборъ самыхъ разнообразныхъ инструментовъ, лежавшихъ въ сундучкѣ, а когда я спросилъ отца Чеберякова, кто ими пользуется, онъ сказалъ, что работаетъ самъ и Женя беретъ. Очевидно, аэропланъ былъ сдѣланъ Женей при помощи этихъ инструментовъ. Но гдѣ же тотъ колющій инструментъ, которымъ продѣланы дырки при скрѣпленіи частей аэроплана? Такой инструментъ исчезъ изъ дома Чеберяковыхъ. А такъ какъ аэропланъ дѣлался незадолго до убійства Андрея Ющинскаго, то я полагаю, что колющій инструментъ исчезъ послѣ того, какъ былъ убитъ Ющинскій. Всѣ эти обстоятельства крайне меня заинтересовали, такъ какъ я хорошо зналъ, что Ющинскій убитъ именно подобнымъ инструментомъ.

— Изучая самымъ тщательнымъ образомъ мѣстность, гдѣ былъ обнаруженъ трупъ, я на

одномъ изъ небольшихъ деревьевъ, росшихъ около пещеры, нашелъ надпись вырѣзанную ножемъ: „16 мар.“ и надъ надписью крестъ. Это обыкновенная привычка громилъ оставлять память совершенія своего преступленія. Это меня еще больше убѣдило, что трупъ былъ перетащенъ сюда именно 16 марта. Это деревцо было представлено слѣдователю. Экспертиза ботаника какъ бы отрицала это косвенное подтвержденіе, такъ-какъ ботаникъ устанавливалъ, что этотъ надрѣзъ былъ сдѣланъ еще три года тому назадъ. Меня это удивило, такъ-какъ слѣды, на мой взглядъ, были достаточно свѣжи. Чтобы провѣрить себя, я на другой годъ 16 марта на совершенно подходящемъ деревцѣ, также возлѣ пещеры, сдѣлалъ точно такой же надрѣзъ—всю надпись. Деревцо было срѣзано въ тотъ же день, когда и первое,—надрѣзы обоихъ деревьевъ нельзя было различить: такъ они были похожи другъ на друга.

Я прежде всего пошелъ по слѣду мѣстопребыванія родителей Ющинскаго. Здѣсь было выяснено, что семья Приходько — жестокая семья. Въ ней уже были убійства, но послѣ тщательнаго разслѣдованіе пришлось убѣдиться, что преступленіе было совершено въ иномъ мѣстѣ. Попутно выясняется, что инсценировка предъявленія Луки Приходько съ бритьемъ, нафабриваніемъ усовъ и пр. была сдѣ-

лана съ вѣдома слѣдователя и прокурорскаго надзора и произведена была потому, что у Приходько за это время измѣнилась наружность — отросла борода. А усы?.. Усы такъ легко всегда подкрасить...

Ведя въ это же время тщательные розыски на заводѣ Зайцева, гдѣ жилъ Бейлисъ, — по распоряженію Красовскаго была выкачена вода изъ нѣсколькихъ громадныхъ водоемовъ, очищены и разобраны мусорныя ямы — все искали орудій убійства и ученическаго значка съ шапки Ющинскаго, который пропалъ и не найденъ.

Всѣ эти совершенно безплодные розыски окончательно убѣдили меня, что убійство совершено не на заводѣ Зайцева, а гдѣ-то въ иномъ мѣстѣ. Вотъ почему я былъ крайне удивленъ, когда былъ арестованъ Бейлисъ: я былъ глубоко увѣренъ, что это совершенно непричастный къ дѣлу убійства человѣкъ, ни въ чемъ невиновный. Я это говорилъ вслухъ, что очень не нравилось членамъ „Двуглаваго Орла“ и т. п. лицамъ. Я доложилъ генералъ-губернатору, что убійство это совершено воровской шайкой, въ чемъ нисколько не сомнѣваюсь и теперь.

Какъ разъ къ этому времени—разсказываетъ Красовскій—мнѣ съ большимъ трудомъ удалось установить, что Андрюшу Ющинскаго именно 12 марта видѣли у воротъ дома Чебе-

ряковой, вмѣстѣ съ ея сыномъ Женей. Надо замѣтить, что вся эта очень глухая, трущобная мѣстность была крайне терроризована этой шайкой. На самые обыкновенные вопросы, касающіеся жизни Чеберяковой и ея друзей, рѣшительно никто,—ни взрослые, ни дѣти,—не рѣшался отвѣчать. Когда удалось буквально вырвать признаніе у фонарщика Шаховского о томъ, что онъ видѣлъ Андрюшу съ Женей, онъ впалъ въ большой страхъ и уныніе и когда члены этой шайки обнаружили, кто именно пошелъ противъ нихъ, они избили Шаховскаго, грозя его подколоть. Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ приходилось распутывать это дѣло. Шагъ за шагомъ подвигался я, чувствуя, можно сказать, почти зная, что иду вѣрнымъ путемъ.

Когда меня уволили и когда все вниманіе перебросили на безплодную почву ритуальнаго убійства, я сталъ работать дальше. Вполнѣ выяснивъ мотивы убійства, я рѣшилъ во что бы то ни стало добиться сознанія убійцъ. Вскорѣ для этого сложились благопріятно обстоятельства. Изъ тюрьмы былъ выпущенъ анархистъ-коммунистъ Караевъ, гдѣ онъ отбывалъ болѣе чѣмъ трехлѣтнее заключеніе за храненіе взрывчатыхъ веществъ. Мнѣ было извѣстно совершенно исключительное довѣріе и уваженіе къ нему, которое онъ завоевалъ у арестантовъ-уголовниковъ. Его вызывалъ

знакомый студентъ Махалинъ, взявшійся за розыски по дѣлу Ющинскаго, вызывалъ помочь ему въ обнаруженіи убійцъ. Караевъ согласился, такъ какъ возмущенъ былъ этимъ убійствомъ. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ. Я видѣлся съ нимъ, конечно совершенно подъ другой фамиліей, заявивъ ему прямо, что конспирирую и что пусть онъ меня знаетъ подъ видомъ Ивана Ивановича Карасева. Онъ согласился. Я уже зналъ, что среди убійцъ были Латышевъ, Рудзинскій и Сингаевскій. Я предложилъ такой планъ: черезъ Кіевъ долженъ былъ проходить подъ конвоемъ одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ шайки—каторжанинъ. Караевъ долженъ былъ предложить Сингаевскому организовать нападеніе на конвой въ цѣляхъ отбитія товарища. Сингаевскій, родственникъ этого каторжанина, загорѣлся этимъ планомъ и передъ лицомъ предстоящей опасности довѣрился Караеву, который между разговоромъ бросилъ фразу:

— Былъ какъ-то въ жандармскомъ, допрашивали меня.—Слышалъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ кто-то показывалъ, что ваши расправились съ Ющинскимъ и тебя „пришиваютъ“ къ дѣлу.

Сингаевскій всколыхнулся, заявилъ, что это выдаютъ „шмары“, т. е. дѣвицы, которыя раньше были въ ихъ компаніи и сталъ говорить, что необходимо изъ жандармскаго упра-

вленія выкрасть все это дѣло и полковника Иванова убить.

— А зачѣмъ Андрея такъ искололи?

— Это все придумала министерская голова Рудзинскаго.

Такимъ образомъ сознаніе Сингаевскаго въ участіи въ этомъ убійствѣ, какъ его самого, такъ и признаніе объ участію Рудзинскаго было налицо.

Необходимо еще было сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы довести это дѣло до конца. Но вдругъ все сразу мѣняется: Караева арестовываютъ по какому-то анархическому дѣлу и высылаютъ, а потомъ арестовываютъ и Красовскаго.

Интересно вспомнить, что Латышевъ, когда его стали допрашивать по дѣлу Ющинскаго, тутъ же, на допросѣ, бросился въ зданіи судебныхъ установленій съ третьяго этажа внизъ головой во дворъ и разбился на смерть.

Еще необходимо знать, что Рудзинскій и Сингаевскій сами заявили въ полицію—„сознались"—что они именно 12 марта совершили кражу—разгромъ магазина на Крещатикѣ. Это неожиданное сознаніе двухъ опытнѣйшихъ громилъ, зарегистрированныхъ въ полиціи, ясно показываетъ, что этотъ ихъ поступокъ является ничѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ самозащиты, желаніемъ взять на себя меньшую вину, въ виду грозящей большей.

Далѣе Красовскій даетъ пространныя показанія со словъ сестеръ Дьяконовыхъ, которыя вызваны на процессъ въ качествѣ свидѣтельницъ.

Показанія этихъ сестеръ мы изложимъ съ ихъ собственныхъ словъ.

Сравнивая все то, что сдѣлалъ Красовскій въ разслѣдованіи этого дѣла, съ тѣми пустяками, которые мы слышали на этомъ процессѣ со стороны обвинителей, ясно видно, что Красовскій стоялъ на вѣрномъ пути разслѣдованія, и если бы ему не мѣшали, всего вѣроятнѣе, что онъ раскрылъ бы это кошмарное преступленіе.

LV.

Сестры Дьяконовы.

Онѣ были не только дружны съ Чеберяковой, онѣ находились подъ сильнымъ ея вліяніемъ и давленіемъ.—Имъ и теперь,—говорилъ Красовскій,—угрожаетъ опасность для ихъ жизни.

Вѣра Чеберякъ, эта необузданная, болѣзненно страстная, почти больная въ извѣстномъ отношеніи женщина, бурно врывается въ кропотливую жизнь этихъ швеекъ. Она—король среди нихъ. У нея свой домъ, есть гостиная, рояль, обстановка, дѣти—все то, что даетъ уютъ, успокоеніе и мѣщанское счастье въ жизни людей. О ней говорятъ. Ея побаива-

ются. Она—чиновница. Гости у нея не простые: „профессора“, „доктора“; и эти наивныя души, эти дѣвушки рады говорить, что вотъ и онѣ бываютъ въ „хорошемъ обществѣ“... Правда, эти „доктора“—въ студенческой формѣ—не бѣда!—Правда, эти „профессора“ называются Ваньками, Рыжими и пр.—и это можно пропустить мимо ушей,—вѣроятно Чеберякова съ ними такъ дружна, на такой короткой ногѣ, что можетъ такъ ихъ звать... Но вотъ въ игрѣ въ почту они, эти почтенные господа, не выдерживаютъ и пишутъ дѣвушкамъ анонимныя пакости, а одинъ изъ нихъ предлагаетъ меньшей Дьяконовой „выйти за него замужъ“ и еще что-то, совершенно неприличное, — все это смущаетъ разочарованныхъ дѣвицъ. Онѣ удивляются тону этихъ „профессоровъ“ и „докторовъ“,— „а еще образованные!“ думаютъ онѣ,—даже возмущаются, вскакиваютъ и спѣшатъ уйти, будучи оскорбленными въ лучшихъ своихъ чувствахъ... Чеберякова ихъ успокаиваетъ: все это „такъ“, случайно, не надо быть обидчивой и принимать такъ близко къ сердцу. Но молодое сердце не мирится, обида слишкомъ остра... Но что будешь дѣлать? Куда пойдешь? Домъ Чеберяковыхъ — единственный, гдѣ кипитъ какая то странная, какая-то ужасная, но заманчивая жизнь... Предъ судомъ, проходятъ нѣсколько дѣвушекъ—жительницъ

далекой окраины Кіева. Занимаясь шитьемъ, эти швейки строятъ свою скудную жизнь, какъ могутъ, какъ умѣютъ... Интересы ихъ бѣдны, впечатлѣній мало... Улица—вотъ ихъ клубъ, ихъ большой выходъ въ свѣтъ: всѣмъ имъ такъ хочется хоть какъ-нибудь, хоть чѣмъ-нибудь скрасить свою тяжелую жизнь. Несложные романы, мелкія интрижки, ревность, ссоры, кокетство, ухаживанія переплетаются, запутываясь въ клубокъ жизни скучной, мелкой, сѣрой...

— Чѣмъ вы занимаетесь? — спрашиваетъ прокуроръ.

— Я замужемъ,—гордо, поспѣшно отвѣтила одна изъ нихъ.

Вотъ высшій идеалъ, вотъ счастье этихъ труженицъ, счастье далеко не для всѣхъ изъ нихъ доступное... Хоть плохо, хоть какъ нибудь, но жить своимъ угломъ, своей семьей, вотъ о чемъ мечтаютъ онѣ...

Мало-по-малу домъ Чеберяковой дѣлается самымъ замѣчательнымъ въ этомъ околоткѣ и правительница его ловко прибираетъ къ рукамъ всѣхъ, кого надо, наводя кругомъ боязнь, переходящую въ трепетъ и страхъ...

Какъ ее ослушаешься, когда ея „профессора“ и „доктора“—горой за нее и сохрани Богъ, если на кого обрушится ихъ гнѣвъ!..

А Чеберякова?

О, она не церемонится!

Вотъ Чернякова, молодая женщина, наиболѣе красивая изъ всѣхъ, прошедшихъ на судѣ, недавно вышедшая замужъ, она позволила себѣ, въ присутствіи этой чиновницы, еще до замужества, пококетничать съ братомъ сестеръ Дьяконовыхъ.

И что же?

Чеберякова встрѣтила ее на улицѣ и сейчасъ же избила растерявшуюся дѣвушку, прямо, не говоря ни слова, ударивъ по лицу.

— За что? Что я сдѣлала? — зарыдала оскорбленная, перепуганная дѣвушка.

— Не смѣй кокетничать!

Оказывается и на эти интимныя стороны жизни простирается могущественная рука этой строгой дамы. Это она увлечена всѣми мужчинами, живущими здѣсь, отъ любовника Мифле, которому выжгла глаза, до всѣхъ парней околодка,—это она вмѣстила всѣхъ ихъ въ любвеобильное сердце свое и никому нельзя, никто не можетъ нарушить ея прерогативы!

Домъ Чеберяковыхъ главенствуетъ надъ всѣми въ Загоровщинѣ... Согласитесь сами, какъ трудно, какъ ужасно трудно было имъ, этимъ бѣднымъ дѣвушкамъ, освободиться отъ гипноза, отъ власти Вѣры Чеберяковой и заговорить обо всемъ открыто, откровенно, помня только объ одномъ: объ истинной правдѣ жизни, какъ бы эта правда ни была тяжела и жутка.

Ихъ двѣ—Екатерина и Ксенія.

Екатерина старше, положительнѣй, умнѣй, находчивѣй.

Спокойно, ровно, пріятнымъ контральто, повѣствуетъ она, полный ужаса, свой разсказъ.

— Двѣнадцатаго утромъ, часовъ около двѣнадцати, зашла я случайно къ Чеберяковой... Постучалась... Она не сразу отворила... Но встрѣтила меня очень ласково:

— Вотъ,—кстати, будемъ пить чай,—и она пригласила меня въ кухню.

Въ кухнѣ кипѣлъ самоваръ, посреди комнаты стояла ванна съ мутной водой...

— Зачѣмъ это ванна у васъ?

— Дѣтей и мужа купать...—быстро отвѣтила Чеберякова.

— Мнѣ показалось это страннымъ, еще день, а мужа купать собирается; дѣтей нѣтъ—а вода грязная. Я больше ничего у нея про ванну не спрашивала.

— А какая ванна, изъ чего она сдѣлана?—спрашиваетъ предсѣдатель.

— Ванна деревянная,—отвѣчаетъ она не думая и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждая показанія другихъ свидѣтелей.

— Я замѣтила, какъ вошла, что трое мужчинъ перебѣжали изъ комнаты въ комнату...

— Я спросила: кто это у тебя?

— Это свои, хлопцы...

— Чеберякова уходила къ нимъ и что-то говорила, выкрикивая болѣе звучнымъ голосомъ:

— Чаю вамъ прислать, хлопцы?

— За колбасой послать?...

— Я ушла...

Что то недоброе сейчасъ же шевельнулось въ сердцѣ Екатерины Дьяконовой, но она захлопоталась и за дѣлами никому ничего не сказала и теперь забыла, не можетъ вспомнить что именно ей тогда показалось въ это время...

— Вечеромъ тринадцатаго прибѣгаетъ къ намъ Чеберякова—разсказываетъ далѣе Екатерина Дьяконова. Она была очень взволнована. Поговорили... Уходя, проситъ насъ пойти къ ней ночевать...

— Зачѣмъ?..

— Мнѣ страшно одной...

Мы пошли... Дѣти Чеберяковой были у бабушки. Мужа не было дома...

Улеглись спать съ ней вмѣстѣ на одной кровати... Я сняла ботинки... Нога опустилась, и я нечаянно дотронулась до мѣшка, стоявшаго въ ногахъ у кровати, и вдругъ я ощутила тамъ что то упругое, холодное...

Мнѣ стало ужасно страшно...

— Что это тамъ?.. Кто это тамъ стоитъ?..

— Спи, спи, ничего тамъ нѣтъ, это тебѣ такъ кажется...—И я въ трепетѣ вдругъ сразу заснула.

— Я убѣждена теперь, что это былъ трупъ Андрюши...—заявляетъ Дьяконова.

Утромъ, какъ только встала, я поскорѣй ушла домой...

За день какъ-то забылось объ ночномъ страхѣ, и вечеромъ къ намъ пришла опять Чеберякова и стала звать меня къ себѣ ночевать. Мы пошли втроемъ: она, я и моя подруга...

Мы взошли въ кухню, и вдругъ на всѣхъ насъ напалъ такой ужасъ, такой страхъ, что мы сразу всѣ втроемъ бросились бѣжать, оставивъ въ квартирѣ не погашенной лампу. Отчего мы бѣжали — я не знаю, но было такъ ужасно...

Первую вѣсть объ открытіи трупа Ющинскаго приноситъ Дьяконовымъ Чеберякова.

— Когда я это узнала,—говоритъ Екатерина,—я подумала: это они убили его, это былъ трупъ—то, до чего я дотронулась тогда ночью. Но потомъ меня никто объ этомъ не спрашивалъ, и я никому не говорила...

Что творилось въ душѣ этой дѣвушки?

Она догадывается обо многомъ. Живя въ этомъ районѣ, все чаще и чаще наталкивается она на различныя обстоятельства, которыя еще ближе ставятъ ее къ этому ужасному дѣлу. И когда она разсказываетъ все здѣсь на судѣ, всѣ понимаютъ, что это серьезно, что нельзя сочинить то, что она говоритъ,

что здѣсь правда жизни, правда ужасная, вошла вмѣстѣ съ ней въ залу суда, какъ уже не разъ входила она вмѣстѣ съ другими свидѣтелями, но теперь... теперь всѣ чувствуютъ: наступила рѣшительная минута...

— Я зашла въ лавку къ Адели Равичъ, и въ разговорѣ случайно она сказала мнѣ, что видѣла трупъ Ющинскаго въ коврѣ въ квартирѣ Чеберяковой.

— Когда вы были 12, какъ былъ коверъ?

— Коверъ былъ закинутъ, край на край.

— Можетъ быть, и еще что либо вы знаете отъ Адели Равичъ?—язвитъ ее кто-то изъ обвинителей.

— Да, знаю,—спокойно говоритъ Екатерина Дьяконова.

— Ботинки покупала я и видѣла, что на дѣвочкѣ Чеберяковой—падчерицѣ—были надѣты мужскія ботинки.

— А когда я спросила у Чеберяковой: Чьи это ботинки? Она сказала мнѣ—Жени... А это невѣрно: у Жени ботинки были на пуговицахъ, а эти на резинкахъ... Это были ботинки Андрюши Ющинскаго... Это его ботинки... Я помню ихъ...

Шелестъ проходитъ по залу.

Старшина присяжныхъ проситъ предсѣдателя немедленно вызвать мать Ющинскаго, чтобы допросить ее по поводу ботинокъ.

— Мать-то, молъ, знаетъ ботинки—провѣрить надо—вретъ она, или нѣтъ...

Когда мать, вызванная черезъ полицію, явилась въ судъ, когда ее вызвалъ предсѣдатель, всѣ почувствовали: вотъ рѣшается...

Спрашиваютъ:

— Какія у Андрюши были батинки?

Сейчасъ же отвѣчаетъ, описывая подробно, и ея описаніе слово въ слово совпадаетъ съ тѣмъ, какъ описывала ихъ Екатерина Дьяконова.

Это производитъ громадное впечатлѣніе: чувствуется, что экзаменъ сданъ, что этой дѣвушкѣ стали вѣрить.

Долго разсказываетъ она о томъ какъ ее встрѣчаетъ какая-то маска на улицѣ, выпытываетъ и выспрашиваетъ, что она знаетъ по этому дѣлу. Потомъ наступаетъ время знакомства съ Красовскимъ, бывшимъ начальникомъ сыскной полиціи, который сумѣлъ войти къ ней въ довѣріе и которому она впервые разсказываетъ почти все то, что говоритъ на судѣ...

— А о трупѣ, со словъ Равичъ, вы разсказывали ему?

— Нѣтъ...

— Почему?

— Равичъ взяла съ меня клятву, что я никогда никому про это ничего не скажу...

— А теперь вы говорите?

— Да, я приняла присягу и думаю, что здѣсь должна сказать все, что знаю... Вотъ я и говорю...

Долгое время обвинители стараются сбить ее, но эта дѣвушка такъ просто, какъ проста сама жизнь, отвѣчаетъ имъ, что рѣшительно ничто не можетъ ее сбить. Видно, что ей нечего сочинять и достаточно разсказать то, что было на самомъ дѣлѣ.

— Когда вы бывали у Чеберяковой, не видѣли ли вы, сколько у нея было подушекъ?—спрашиваетъ защитникъ Грузенбергъ.

Всѣ настораживаются, понимая куда клонится этотъ вопросъ.

— Видала, четыре подушки.

— И что же, всѣ были въ наволочкахъ?

— Нѣтъ, послѣ 12 марта, когда я ночевала, одна подушка была безъ наволочки...

— А какія были наволочки...

— Бѣлыя, коленкоровыя, посреди вышиты вензеля.

— Вамъ предъявлялъ слѣдователь наволочки?

— Нѣтъ, никакихъ наволочекъ мнѣ не показывали...

— А вотъ эту посмотрите,—и ей передаютъ кусокъ той наволочки, которую мы уже знаемъ.

Напряженіе въ залѣ дошло до крайняго предѣла. Буквально всѣ затаили дыханіе.

Прокуроръ, защита поднялись съ мѣстъ... Всѣ, возбужденные смотрятъ туда, гдѣ около свидѣтельской стойки стоитъ эта худенькая дѣвушка...

Бейлисъ тоже тянется изъ за рѣшетки. Ему интересно посмотрѣть эту загадочную наволочку!...

На него никто не обращаетъ вниманіе... Какое намъ дѣло до Бейлиса? Сидитъ за рѣшеткой и ладно! Намъ такъ необходимо всѣмъ знать, что было тамъ, у Чеберяковой—вѣдь къ ней послѣдній разъ въ жизни заходилъ Андрей Ющинскій.

— Да узнаю, это наволочка Чеберяковой...

Общее таинственное, жуткое молчаніе...

— Почему вы опознали?..

— По вензелю...

Вызываютъ Чеберякову.

— Чеберякова, слышали?

— У меня? Наволочка? Никогда не было... У меня совсѣмъ наволочекъ не было... Просто такъ, одна ерунда, исподняя — ситецъ, а сверху накидочки такія, съ прошивочками...

Торопится она, спѣшитъ...

— Можетъ, у ней и подушекъ не было?

Дьяконовы, Гаевская, жившая у нея полтора мѣсяца около времени убійства,—всѣ въ одинъ голосъ опровергаютъ ее.

Она трещитъ, трещитъ свое, все той же скороговоркой. Идетъ на мѣсто все такъ же

никому не смотря въ глаза, и лицо этой полуцыганки зло, угрюмо, полно жестокой мстительности... Тяжелыя складки легли по щекамъ, и жутко становится за этихъ дѣвушекъ, которыя еще могутъ испытать на себѣ тяжелую руку этой авантюристки.

Большое волненіе, несомнѣнно, испытывали онѣ и въ судѣ. Когда Замысловскій позволялъ имъ задавать такіе вопросы—притомъ въ некорректной, грубой формѣ, — которые онъ не посмѣлъ бы задать ни одному человѣку „изъ общества", — сестры Дьяконовы остались беззащитными. И это обстоятельство такъ было тяжело, такъ невыносимо, что всюду слышался протестъ по поводу подобнаго образа дѣйствій гражданскаго истца, правда, всѣмъ хорошо извѣстнаго, столь прославленнаго, вмѣстѣ съ Пуришкевичемъ, скандалами въ Государственной Думѣ.

Отмѣтимъ здѣсь, что и вторая сестра Дьяконова тоже опознала наволочку.

Допросъ Ксеніи Дьяконовой въ общемъ многое подтверждаетъ сказанное ея сестрой Екатериной, но самъ по себѣ не имѣетъ большого значенія, почему мы и не излагаемъ его здѣсь.

Чеберякова все время старается весело держать себя во время этого допроса: она смѣяется по каждому поводу, но этотъ смѣхъ—смѣхъ смерти надъ жизнью,—еще бо-

лѣе вырисовываетъ ее. Но все-таки она не выдержала своей роли: прійдя на вечернее засѣданіе въ черномъ кружевномъ платкѣ вмѣсто шляпы, въ красной кофтѣ вмѣсто черной жакетки, она вся измѣнилась: и злость и ненависть залили ее омраченное лицо.

Въ перерывѣ она стала грозить дѣвушкамъ, ругать ихъ, о чемъ и было заявлено суду...

LVI.

Свидѣтель-кровельщикъ.

Много разъ на судѣ поднимался вопросъ о томъ, гдѣ былъ трупъ Ющинскаго послѣ убійства и много разъ мы слышали, что трупъ находился въ квартирѣ Чеберяковыхъ: то въ коврѣ подъ диваномъ, то въ коврѣ въ ваннѣ, то въ мѣшкѣ.

Вотъ и опять явился новый свидѣтель, свидѣтель-кровельщикъ. Входитъ онъ, весь забинтованный. Онъ только изъ больницы. Расшибъ голову, почему раньше онъ и не могъ явиться въ судъ. Судъ опредѣляетъ сложить съ него штрафъ.

Онъ очень толково разсказываетъ о томъ, какъ, прійдя къ Наконечному по своему дѣлу,—въ этомъ же домѣ жила и Чеберякова,—случайно встрѣтился съ домовладѣльцемъ Захарченко, который, разговорившись о дѣлѣ

Ющинскаго, заявилъ, что мальчика убили въ квартирѣ Чеберяковой.

— Почему же вы объ этомъ не заявили начальству?

— Безполезно...

— Какъ безполезно?..—спросили его, очень удивленные отвѣтомъ.

— Да такъ!.. Что тамъ заявлять...

Обвинители всѣми мѣрами спѣшатъ смягчить это показаніе, однако, впечатлѣніе остается сильное...

Я подумалъ:

— Опять Чеберякъ!.. Что за исторія такая?..

Но почему же раньше не были во всей полнотѣ обслѣдованы всѣ эти указанія?

— Почему же и теперь немедленно не вызвали сюда въ судъ этого Захарченко и не допросили его какъ слѣдуетъ: откуда у него такія свѣдѣнія объ его квартиранткѣ, почему онъ думаетъ, что Андрея Ющинскаго убили именно въ квартирѣ Чеберяковой, кого онъ подозрѣваетъ въ убійствѣ и пр. и пр., или, повторяемъ, почему не потребовали дослѣдованія, вообще не сдѣлали все то, что всегда дѣлается въ такихъ случаяхъ въ каждомъ уголовномъ процессѣ. Но здѣсь всѣ эти разительные факты остались почти незамѣченными...

LVII.

Сподвижники Красовскаго.

Махалинъ, Караевъ—вотъ два главныхъ дѣятеля, кромѣ Красовскаго, почти отыскавшіе убійцъ Андрея Ющинскаго.

Странные люди, странные типы эти двое друзей.

Кто они?

Никому неизвѣстно.

Махалинъ—нигдѣ не кончившій студентъ, жившій тамъ, среди бѣдноты, на Подолѣ.

Онъ видѣлъ своими глазами погромъ въ еврейскомъ мѣстечкѣ, и ужасы его не даютъ ему покоя.

Онъ нѣсколько разъ привлекался, не то за свои политическія убѣжденія, не то за какую-то причастность къ экспропріаціи... Его друзья—анархисты-коммунисты и особенно одинъ изъ нихъ—Караевъ.

Этого Караева арестовали, на его квартирѣ нашли взрывчатыя вещества. Судили его военнымъ судомъ и приговорили къ 4 годамъ тюремнаго заключенія, и въ это же время его же товарищи обвиняли въ провокаціи, такъ что, по словамъ Махалина, онъ хотѣлъ, чтобы его судили судомъ товарищей, но суда такъ и не было...

А теперь гдѣ онъ?

Въ ссылкѣ, въ восточной Сибири...

Вотъ тутъ и пойми!

Горячая кавказская голова, всегда хватающаяся за револьверъ и кинжалъ.

Мстителенъ такъ, какъ мстительны представители многихъ племенъ и народовъ Кавказа.

Онъ сидитъ въ тюрьмѣ. У него болятъ зубы. Надъ нимъ издѣвается надзиратель.

— Смотри, встрѣтимся когда-либо на узенькой дорожкѣ—не быть тебѣ живымъ...

Надзиратель гордъ своей властью... Гдѣ, молъ, съ нимъ мы встрѣтимся?.. Намъ съ нимъ не по пути—и все продолжаетъ свое излюбленное удовольствіе: издѣвательство надъ больнымъ, заключеннымъ человѣкомъ...

Однако, судьба распорядилась иначе...

Караевъ отбывалъ наказаніе, какъ вдругъ въ камеру вводятъ того надзирателя, который когда-то такъ издѣвался надъ нимъ.

Проворовался парень, забывши пословицу: „не смѣйся чужой бѣдѣ, своя на грядѣ...“

Встрѣтились...

И что же вы думаете—Караевъ забылъ или смягчилъ свой гнѣвъ, свою затаенную злобу, свою месть?..

Ничуть не бывало...

Черезъ нѣсколько дней, доставъ ножъ и приготовивъ его какъ нужно, онъ изловчился, нашелъ подходящее время—и всадилъ этотъ ножъ въ сердце своего прежняго обидчика...

Тотъ и не вскрикнулъ...

Караевъ зарѣзалъ этого человѣка такъ же просто, какъ поваръ рѣжетъ курицу...

Его судили судомъ присяжныхъ и... оправдали!

Онъ дѣлается королемъ среди преступнаго уголовнаго міра...

Онъ постоянно противорѣчитъ начальству: „не выходитъ изъ карцера“—и это еще больше поднимаетъ его въ глазахъ арестантовъ. Его уважаютъ, его боятся, съ нимъ откровенны, ему доступны всѣ тайны, всѣ притоны воровъ, громилъ, убійцъ...

И вотъ этими-то особенными качествами этого крайне страннаго субъекта рѣшилъ воспользоваться Махалинъ, отличающійся хотя меньшими, но все-таки, деликатно выражаясь, странностями...

Однако, онъ заявляетъ, что дѣлу Бейлиса, дѣлу раскрытія убійства Ющинскаго служилъ вѣрой и правдой, не за страхъ, а за совѣсть, желая лишь одного: доказать темной массѣ населенія, что распространяемыя свѣдѣнія объ убійствѣ Андрея Ющинскаго евреями ложны, что ихъ распускаютъ нарочно, чтобы вызвать озлобленіе въ населеніи, а потомъ и погромъ.

Махалинъ вызываетъ съ Кавказа Караева и предлагаетъ ему вмѣстѣ начать розыски. Караевъ хватается за револьверъ, будучи

глубоко оскорбленъ этимъ неожиданнымъ предложеніемъ друга.

— Ты, Саша, успокойся,—сказалъ я ему,—разсказывалъ въ судѣ Махалинъ,—и усадилъ его въ кресло.

— Я предлагаю тебѣ это потому, что народъ, масса пострадаетъ отъ черносотенцевъ.—Караевъ взвинчивается, совѣтуется съ товарищами, ему разрѣшаютъ идти на розыскъ, и онъ со страстностью кавказца принимается за дѣло.

Красовскій имѣетъ достаточно уликъ противъ Сингаевскаго. Ему только необходимо „накрыть птичку“ съ поличнымъ, довести до сознанія при свидѣтеляхъ.

Придумывается планъ. Караеву нужно совершить громадное, рискованное, вооруженное „мокрое“ дѣло, т.-е. такое дѣло, гдѣ будутъ убиты люди, а потому надо подобрать надежныхъ исполнителей... Нужно оружіе...

Весь этотъ планъ вытекалъ изъ того, что знали, что у Чеберяковой должно быть оружіе на храненіи послѣ разграбленія какого-то оружейнаго магазина. Находили естественнымъ, такимъ образомъ познакомиться съ ней и войти въ кругъ ея близкихъ людей. Для этого Караевъ знакомиться въ одномъ изъ воровскихъ притоновъ съ Сингаевскимъ. Оказывается, что оружія уже нѣтъ, но Сингаевскій утѣшаетъ Караева:—ничего, достанемъ въ другомъ мѣстѣ.

Завязывается знакомство. Планъ измѣняется. Караевъ говоритъ Сингаевскому, что онъ имѣетъ нѣчто сообщить ему серьезное: ему поручено это изъ тюрьмы. На-дняхъ черезъ Кіевъ будетъ слѣдовать каторжанинъ, разбойникъ Фетисовъ, родственникъ Сингаевскаго, хорошій знакомый Чеберяковой, — и вотъ, его просятъ обязательно отбить отъ конвоя... Онъ, Караевъ, согласенъ, его товарищъ тоже пойдетъ, товарищу (Махалину) онъ, Караевъ, проситъ Сингаевскаго довѣрять, какъ ему самому.

Сингаевскій загорается будущей рискованной работой. Конечно, при этомъ выпиваютъ, а Караевъ и Махалинъ понемножку да помаленьку подводятъ разговоръ къ Ющинскому.

Какъ-то вскользь Караевъ говоритъ Сингаевскому, что ему тоже надо быть поосторожнѣе изъ-за этого „байстрюка", такъ-какъ онъ какъ-то былъ на допросѣ въ жандармскомъ и слышалъ, какъ кто-то въ сосѣдней комнатѣ, разсказывая объ убійствѣ Андрюшки, называлъ его, Сингаевскаго, какъ главнаго участника этого убійства...

Сингаевскій засуетился, былъ смущенъ...

— Это все „шмары" болтаютъ—намекъ на Дьяконовыхъ—ихъ надо сейчасъ же „пришить"...

Сингаевскій распаляется все дальше и дальше...

— А зачѣмъ вы его такъ расписали?— спрашиваетъ Караевъ, намекая на множество ранъ, найденныхъ на тѣлѣ Ющинскаго.

— Это все министерская голова Рудзинскаго придумала...

Такъ при свидѣтеляхъ было произнесено имя второго участника убійства.

Сингаевскій не успокаивается.

— Необходимо выкрасть дѣло изъ жандармскаго правленія, а слѣдователя Фененко и полковника Иванова убить — фантазируетъ этотъ громила.

Ему возражаютъ, указываютъ на всю нелѣпость его плана дѣйствій.

— Какъ быть? Что дѣлать?—волнуется Сингаевскій.

Ему хотятъ „помочь". Предлагаютъ чтобы онъ разсказалъ подробности „дѣла", такъ-какъ, зная все, можно будетъ сказать, что дѣлать...

Сингаевскій начинаетъ болтать... Свиданіе прерывается на томъ, что рѣшили сохранившіяся еще вещи Ющинскаго подбросить какому-либо еврею.

Караевъ и Махалинъ предполагали заранѣе сообщить объ этомъ властямъ и накрыть убійцъ съ поличнымъ.

Гдѣ же вещи?

Конечно, за этимъ надо идти къ Вѣрѣ Чеберякъ.

Сингаевскій бѣжитъ къ своей сестрицѣ и исчезаетъ, болѣе не возвращается, ибо эта опытная дама верхнимъ чутьемъ поняла грозящую ей опасность и сейчасъ же сократила своего тупоумнаго брата.

Красовскій, Караевъ, Махалинъ вырабатываютъ новые планы, но здѣсь Бразуль-Брушковскій портитъ все, публикуя новыя данныя!— Громиламъ становится все извѣстно, а Красовскаго и Караева въ то же время арестовываютъ, и дѣло убійства Андрея Ющинскаго погружается въ тотъ же первобытный мракъ.

А. Бейлисъ?

О немъ вотъ уже много дней, какъ всѣ совершенно забыли. И вотъ, наконецъ, мы вспомнили его... Бейлисъ самъ о себѣ заговорилъ... Когда допрашивали Махалина, и когда онъ разсказывалъ о своемъ первомъ свиданіи съ дѣйствительнымъ убійцей, и когда всѣ слушали его, затаивъ дыханіе, вдругъ этотъ Бейлисъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, изо всѣхъ силъ, на всю залу, уткнувъ голову въ колѣни...

Всѣ смутились...

Зачѣмъ онъ плачетъ?

Зачѣмъ онъ здѣсь?

Отправьте его домой, этого нервнаго Менделя, не переносящаго разсказовъ объ убійствѣ Андрея Ющинскаго.

Зачѣмъ онъ пришелъ сюда? Только мѣшаетъ всѣмъ...

— Перерывъ на десять минутъ—пусть успокоится подсудимый... — объявляетъ предсѣдатель.

Что? Подсудимый!..

А Чеберячка?.. Вѣдь она...

О, она весела, она хохочетъ!..

LVIII.

Арестантъ Сингаевскій.

Тихо, понуро, озираясь по сторонамъ, входитъ тотъ, чье имя теперь у всѣхъ на устахъ.

Вотъ онъ, окруженный конвоемъ, Сингаевскій, родной братъ Вѣры Чеберякъ. Въ арестантскомъ платьѣ, коротко стриженный, черный, какъ смоль... Молодая бородка шелковистыми, чуть вьющимися прядями, обрамляетъ тупое лицо. Ни въ черныхъ глазахъ, ни во всемъ обликѣ нѣтъ и тѣни мысли, даже хитрость не блеститъ въ этомъ упорномъ, безразлично-упрямомъ взглядѣ... Ломброзо радъ былъ-бы помѣстить его портретъ въ свою коллекцію преступныхъ типовъ.

Онъ держитъ себя невинной овечкой, онъ ничего не знаетъ, ничего не слышалъ по дѣлу Ющинскаго, да и кто такой Ющинскій онъ и понятія не имѣетъ...

Попался случайно за кражу, занимаясь этимъ ремесломъ всего два года.

— Но почему вы сами сознались въ кражѣ, въ разгромѣ магазина, который учинили

12 марта вечеромъ, почему сознались черезъ полгода?

— Меня стали „пришивать“ къ дѣлу Ющинскаго—вотъ я и сознался...

Сингаевскій на судѣ весьма неполно разсказываетъ какъ провелъ онъ этотъ день.

— А дальше что было?..

— Поѣхали всѣ втроемъ,—работали мы вмѣстѣ,—я, Рудзинскій, Латышевъ,—поѣхали въ Москву, чтобы краденое продать, Москву посмотрѣть, а можетъ быть и дѣльце какое сдѣлать...

— Ну, и что же?

Да вотъ Латышевъ закутилъ, давай сотни въ пивной мѣнять, а тутъ сыщикъ устремился и арестовалъ насъ... Потребовали паспорта... Забрали въ участокъ, а потомъ этапомъ погнали въ Кіевъ.

Оказывается, онъ, этотъ громила, всегда жилъ какимъ-то отшельникомъ: никого не видѣлъ, никого не зналъ, ни съ кѣмъ знакомства не водилъ...

Отвѣчаетъ глухо, тупо...

— А вотъ Караева вы знаете?..

— Знаю...

— Что же онъ, какъ?

— Мы его уважали, начальства не боялся, все что нибудь ему на перекоръ дѣлалъ... Воры его любили, уважали...

— Ну и вамъ онъ предлагалъ что-либо серьезное?..

— Предлагалъ кражу сдѣлать...

— А вы ему сознавались, что убили Андрюшу?

— Я? я? Никогда ничего не говорилъ...

Но почему онъ такъ заторопился?

— А молодой человѣкъ тамъ былъ?

— Былъ...

— Вы его узнали бы?..

— Узналъ...

— Махалинъ подойдите сюда...

Въ залѣ водворяется небывалая тишина.

Махалинъ спокойно поднимается изъ рядовъ свидѣтелей, идетъ своей оригинальной походкой, все время ныряя между плечъ головой и нервно поводя спиной, идетъ, останавливается сзади солдатъ...

Кто-то изъ сторонъ предлагаетъ еще какіе то вопросы Сингаевскому...

Зачѣмъ это?

Скорѣй-бы встрѣтились они съ глазу на глазъ... Узнаетъ?.. Нѣтъ?..

Но что это съ Чеберяковой?.. Что это съ ней?..

Она плачетъ... Всхлипываетъ... Мечется по скамейкѣ и рветъ, и мнетъ платокъ...

Почему такое волненіе?..

Неужели, неужели сознается!?...

Объ этомъ такъ много говорили еще вчера и сегодня въ судѣ... Смотрите, какъ озабочены гражданскіе истцы! Какъ мечутся они по коридорамъ, спѣша на совѣщанія въ перерывахъ?..

— Не можетъ быть? Вѣдь это ужасно... Вдругъ сознаніе? Что тогда?

Я чувствую, что именно такъ толкуютъ они тамъ, между собой, впопыхахъ, забывши все... Тогда, что̀ тогда? Пропало дѣло!.. Пропалъ ритуалъ... Пропала вся затрата силъ столь длительной, коварной работы...

Такъ же обезпокоены корреспонденты „Новаго Времени“, столь оригинально воспринимающіе впечатлѣнія о процессѣ, что если бы не указанія, что это изъ Кіева, можно было бы подумать, что идетъ гдѣ-то какой-то другой процессъ, процессъ длинный, затяжной, идетъ тамъ, гдѣ еще люди съ удовольствіемъ ѣдятъ людей...

Смотрите, какъ сроднились они съ этой безумной идеей ритуальности убійства, что имъ кажется, что было бы великимъ несчастьемъ, если бы восторжествовала истина и настоящіе убійцы Андрея Ющинскаго были бы открыты.

Зачѣмъ имъ истина?

Имъ нужна вражда и ненависть, имъ нуженъ кровавый навѣтъ такъ же, какъ голоднымъ хлѣбъ...

И всѣ притаились передъ лицомъ этой ужасной очной ставки.

— Подойдите ближе...

И Махалинъ подошелъ къ стойкѣ, подошелъ тихо, незамѣтно, словно демонъ выросъ

онъ передъ глазами Сингаевскаго и съ высоты своего большого роста устремилъ прямой упо́рный взглядъ въ него...

Сингаевскій какъ-то съежился, присѣлъ и, не отводя глазъ, широкихъ, полныхъ животнаго ужаса, смотрѣлъ на него:—онъ не ожидалъ увидѣть того, кто знаетъ его тайну, похороненную, казалось, на вѣки...

— Узнаете-ли вы его?

Молчаніе...

— Узнаете-ли?..

Гробовое молчаніе...

— Узнаете?..

— Да, знаю, это онъ...

И Сингаевскій нахмурился, потупился, готовый исчезнуть, провалиться сквозь землю...

Какъ тихо, какъ жутко въ залѣ! Какъ заметался онъ, словно мышь въ мышеловкѣ, и злоба и месть замелькали въ его глазахъ... И жутко, и жалко, тоскливо на сердцѣ...

Какъ все это ужасно! Вѣдь это все люди! Что довело ихъ до этого безумнаго ужаса, не знающаго предѣловъ?.. Кто виноватъ въ ихъ полной потерѣ человѣческаго облика, творящихъ зло и смерть, ради веселья, хмеля, женщинъ и денегъ?..

Вотъ мы, смотрящіе на нихъ оттуда, изъ публики, собравшіеся, какъ на зрѣлище, мы, чистые и радостные, о, мы нисколько не чувствуемъ себя виновными въ томъ, что они

несчастны, лживы, тупы, кровожадны... А вѣдь они—оборотная сторона всей жизни обезпеченныхъ, главенствующихъ въ обществѣ людей и классовъ...

— Посмотрите ему въ глаза—говоритъ обвинитель,—и скажите, повторите все то, что вы говорили о Рудзинскомъ, о его собственномъ сознаніи...

— Что говорилъ онъ вамъ о „министерской головѣ“ Рудзинскаго?

И онъ, — этотъ странный Махалинъ,— глубоко погружается взоромъ въ темный, омраченный взглядъ, смотритъ прямо, твердо, въ упоръ въ глаза арестанта и ровно и тихо повторяетъ слово за словомъ весь свой прошлый разсказъ о сознаніи Сингаевскаго...

А тотъ? Тотъ отрицаетъ все: и знакомства, и отдѣльные факты, и даже знаніе воровского языка, который онъ, словно наивная институтка, никогда не слыхалъ...

И чѣмъ болѣе онъ все отрицалъ, тѣмъ веселѣй становился Замысловскій, тѣмъ радостнѣй, тѣмъ спокойнѣй вела себя Чеберякова...

А Замысловскій положительно обнаружилъ талантъ при разсказѣ и распросѣ о томъ, какъ нужно совершать преступленія. Смотрите, какъ онъ подвелъ: если, говоритъ, вы однимъ дѣломъ заняты, то пока его не кончите, за другое не принимаетесь? Правда? Да?

— Да не принимаемся...

— Ну, вотъ...—закивалъ Замысловскій головой... Такъ... Прекрасно...

— Скажите, стало быть, если бы вы убивали...

— Я? Нѣтъ, нѣтъ... я не убивалъ...

— Да, нѣтъ; постойте, послушайте...—раздосадовалъ Замысловскій, — я говорю, примѣрно, если бы вы убивали, вѣдь надо было-бы и трупъ убрать и все прочее... Скоро не справишься... Гдѣ-же бы успѣть утромъ, а къ вечеру новую кражу, новый разгромъ сдѣлать?

— Да, оно, точно, это такъ... — мычитъ Сингаевскій.

А Замысловскій?

Онъ радъ-радёшенекъ... Потираетъ руки, очевидно, забывъ, что вѣдь не всегда ужъ такъ предупредительно, галантно убиваютъ, что и трупъ, и „все прочее“ кладутъ на мѣсто...

— А вы грамотны?

— Я то?

— Ну да...

— Чутокъ... До восемнадцати лѣтъ учился, такъ малограмотный: читаемъ по складамъ, а писать... фамилію подписываемъ.

LIX.

Сообщникъ Сингаевскаго—Рудзинскій.

Его пригнали изъ каторги, которую онъ только что отбылъ, изъ Сибири пришелъ онъ

по этапу... Вошелъ въ залу суда широкой, размашистой походкой, которой привыкаютъ ходить каторжане-кандальники, переставляя ногу за ногу, волоча тяжелые и неудобные кандалы, перехваченные на поясѣ...

Упругій, словно молодой медвѣдь, онъ знать ничего не знаетъ, увѣренъ въ себѣ, твердъ, стойко хранитъ онъ тайны каторги, не нарушая ни одного ими усвоеннаго, признаннаго правильнымъ, обычая...

Какъ легко и какъ твердо отпирается онъ отъ всего, даже отъ ясной очевидности!

Вы знакомы съ сестрой Сингаевскаго?..

— Съ Зинаидой...

— Съ какой?

— Да, да, знакомъ...

А на самомъ дѣлѣ онъ болѣе, чѣмъ знакомъ, онъ близокъ съ ней...

И что же? Вы думаете онъ знаетъ другихъ членовъ семьи своей невѣсты? Отнюдь нѣтъ...

— Видали-ли вы Вѣру Чеберякъ, сестру Зинаиды Сингаевской?

— Никогда!..

— Какъ никогда?!.. На одномъ дворѣ жила, въ одной семьѣ бывали и не встрѣчались!

— Нѣтъ, не знаю!

— Но можетъ быть вы слышали въ тюрьмѣ про Вѣрку-чиновницу?..

— Никогда не слыхалъ...

Вотъ она твердость, вотъ они нравы этой своеобразной среды...

— А что, предателей въ тюрьмѣ не хвалятъ?—гудитъ Шмаковъ...

— Нѣтъ,—оправляется Рудзинскій,—у насъ такихъ не любятъ...

— А болтливые среди васъ бываютъ?

— Кто-жъ ихъ знаетъ, можетъ и бываютъ...

— А вы какъ?

— Я—молчаливъ...

Вотъ они, эти товарищи Латышева, который не вынесъ натиска жизни и бросился внизъ головой съ третьяго этажа...

— Кто же убилъ Ющинскаго?

И когда выходили въ перерывѣ видѣвшіе очную ставку—вездѣ только и было слышно: преступленіе открыто, мы видѣли убійцъ.

LX.

Латышевъ.

Загадочный членъ шайки громилъ, группировавшейся возлѣ Чеберяковой, третій изъ тѣхъ, кого видѣла Дьяконова у этой чиновницы черезъ нѣсколько часовъ послѣ убійства Андрея Ющинскаго, Васька Рыжій, онъ же Латышевъ, былъ душой и вдохновителемъ всей этой шайки. Съ сильной волей, полный самообладанія, это онъ разрабатывалъ различные планы самыхъ рискованныхъ разгромовъ, тѣхъ преступленій, гдѣ нужно было

вершить „мокрое“ дѣло, т. е. не щадить человѣческую жизнь, приводя въ исполненіе грабежи и разбои, которые давали этой шайкѣ средства къ жизни, веселію и попойкамъ.

Если Сингаевскій, тупой и злостный, игралъ здѣсь роль простого исполнителя намѣченныхъ злодѣяній, если Рудзинскій былъ „министерской головой“, расписывающей различные узоры, лишь бы скрыть слѣды преступленія, то Латышевъ былъ вдохновителемъ, главнымъ лицомъ при исполненіи всего дѣла, не любившій вмѣшиваться въ подробности и мелочи, рѣдко когда прикладывавшій непосредственно руку для убійства, но всѣмъ всегда распоряжавшійся, наблюдавшій за ходомъ дѣла, чьи приказанія исполнялись безпрекословно.

Въ кулуарахъ суда много разсказывалось про этого героя кіевскаго уголовнаго міра. Говорилось, что онъ, Латышевъ, ненавидѣлъ кровь, совершенно не переносилъ ея вида и очень былъ недоволенъ, когда „работали“ не чисто и намѣченная жертва отправлялась на тотъ свѣтъ не сразу, а продолжала жить, мучилась—это было внѣ правилъ этого своеобразнаго героя. Говорили, что когда полупьяные убійцы Андрея Ющинскаго, нанесли ему много ударовъ, и кровь полилась изъ мальчика ручьями,—Латышевъ возмутился, выругалъ своихъ сообщниковъ, не могъ вынести

вида крови и его... стошнило!.. А когда черезъ нѣкоторое время Ющинскій сталъ вновь обнаруживать признаки жизни, зашевелился и изступленные и обезумѣвшіе убійцы, всѣ залитые кровью, стали невѣрной рукой вновь и вновь наносить удары этому несчастному мальчику, попадая куда попало, онъ, этотъ рыцарь кіевскихъ громилъ, со злобой и ненавистью обрушился на своихъ сообщниковъ, выхватилъ швайку, — и нанесъ смертельный ударъ юношѣ, прекративъ его мученія.

И когда окровавленные убійцы, бросивъ трупъ мальчика, спасались у своихъ родственниковъ, мѣняя пальто и костюмы, залитые кровью, онъ обдумывалъ новый планъ. Онъ зналъ, что въ Кіевѣ для нихъ почва слишкомъ горяча, онъ зналъ что такое дѣло не могло не обратить на себя вниманіе всѣхъ, почему сейчасъ же бросается энергично замѣтать слѣды. Со своими товарищами дѣлаетъ онъ ночной набѣгъ на магазинъ на Крещатикѣ, такимъ образомъ, добываетъ средства и всѣ втроемъ, эти неразлучные друзья, ѣдутъ въ Москву, гдѣ кутятъ и попадаются.

А дальше? Дальше, когда ему, этому Латышеву, напомнили объ убійствѣ Ющинскаго и чуть только прикоснулись къ этому дѣлу, заподозривъ его въ причастности къ нему, онъ... онъ бросается внизъ головой изъ окна

камеры судебнаго слѣдователя и расшибается на смерть.

Такъ отчаянно кончилъ свою бурную, мятущуюся жизнь этотъ яркій типъ кіевской уголовщины.

Поразительно только то, почему эти регистрованные громилы, — такъ несомнѣнно близко стоявшіе къ тому дому, гдѣ былъ убитъ Андрей Ющинскій, и гдѣ они были своими людьми, дѣятели, чьи руки несомнѣнно обагрила кровь этого юноши, — такъ и не были привлечены къ судебному слѣдствію.

LXI.

Супруги Малицкіе.

Она жила подъ квартирой Чеберяковой. Изъ ея квартиры прямой ходъ въ винную лавку, въ „монополію“, гдѣ она сидѣлица. Служитъ девять лѣтъ.

Съ Чеберяковой стала знакомиться, потомъ, „раскусивъ ее“, отвернулась...

— Она мнѣ раньше всякія вещички предлагала покупать... Хорошо, что я не покупала... Все у ней краденное оказалось.

А потомъ, смотрите, какая она: все прислугу мнѣ навязывала, я чуть было не взяла, а какъ стали объ ней сомнѣваться,—мнѣ въ полиціи карточки воровокъ показали, я и

опознала ту, которую мнѣ въ прислуги-то хотѣли поставить... А у меня вѣдь казенныя деньги, обокрали бы, а мнѣ отвѣчать...

И вотъ эта женщина, которой Чеберякова грозила выжечь глаза, разсказываетъ, что 12 марта она слышала возню тамъ, во второмъ этажѣ, въ квартирѣ Чеберяковой, сильный дѣтскій крикъ, торопливые шаги нѣсколькихъ мужчинъ, и перенесеніе чего-то тяжелаго...

Показаніе ея маленькое, на которое въ другое время, можетъ быть, не стоило бы обращать вниманіе, но теперь, когда такъ сгустились тучи надъ квартирой этой чиновницы, право, каждая мелочь становится важна...

— А что скажете про собакъ?

— Собаки-то? Ихъ отравили, они же отравили ихъ...

— А сколько ихъ было?

— Да вотъ одна бѣлая съ желтенькимъ, да другая черноватая, а третья къ нимъ въ гости ходила... Всѣхъ ихъ и уморили.

Этотъ комичный оборотъ рѣчи съ собачьими гостями оживляетъ залъ, гдѣ трудно дышать отъ жары...

Мужъ Малицкой подтверждаетъ разсказъ жены, говоря, что, какъ только онъ услышалъ все это отъ жены, сейчасъ же „наказалъ“ ей пойти все разсказать начальству, что она и сдѣлала.

LXII.

О томъ, какъ евреи подкупаютъ свидѣтелей.

Сижу я на этомъ процессѣ вотъ уже больше двухъ недѣль и все слышу перекрестную перекличку со стороны обвинителей: все намеки какіе-то, дурные, скверные. Опредѣленно не говорятъ, что именно, а въ публикѣ отражается словами: „подкупили“, „купленный“. И все евреи! Мнѣ было очень обидно думать: какъ это такъ? Идетъ эдакая обыкновенная русская женщина,—дурна-ли, хороша-ли,—но совѣсть-то у ней не продажная, по глазамъ видно...

— Нѣтъ, говорятъ, вы не знаете, подкупили... И ее подкупили.

Идутъ дѣти, мужчины, интеллигентные, полуинтеллигентные, наконецъ, чиновники полиціи, сыщики—(„лягавые“, какъ ихъ, оказывается, зовутъ воры),—и всѣхъ купили, всѣхъ подкупили... Кое-о-комъ изъ породы „лягавыхъ“ я не сталъ бы биться объ закладъ насчетъ „злата“, но и здѣсь все-таки... присяга, отвѣтственность не только на „страшномъ судѣ Его“, но и передъ гражданской властью, которая лжесвидѣтеля караетъ по всей строгости закона... И всѣхъ, и всѣхъ, только и слышишь: „подкупили“, „подкупили“... Да что же это у насъ въ Россіи нѣтъ ничего завѣтнаго, все можно купить?.. Такъ прикажете

понимать!.. Нѣтъ, этому не вѣрю... Неподкупными здѣсь оказались только члены „Двуглаваго Орла“, съ паномъ Розмитальскимъ во главѣ — это, помните, съ тѣмъ, кто имѣлъ ссудную кассу и какую-то гостиницу...

И мнѣ было обидно и грустно.

Думаю: хоть одного изловили бы съ поличнымъ, хоть какъ-нибудь накрыли бы этого вездѣсущаго еврея...

Наконецъ, я былъ удовлетворенъ. Теперь всѣ, рѣшительно всѣ знаютъ, всѣмъ стало извѣстно, какъ евреи подкупаютъ свидѣтелей.

Узнали мы все это не черезъ простое какое-либо лицо, а черезъ духовнаго отца, священника Синькевича.

Только ему, этому батюшкѣ, обязаны мы тѣмъ, что теперь все знаемъ...

Батюшкѣ отцу Синькевичу стало извѣстно, что свидѣтельницу Пимоненко подкупали евреи. Эту свидѣтельницу допрашивали, и она подробно разсказывала о всѣмъ уже извѣстномъ обстоятельствѣ съ „прутиками“. И вотъ, когда она кончала, — батюшка сталъ изобличать ее и неизвѣстнаго еврея, что ее, свидѣтельницу, хотѣли подкупить.

— Но почему же батюшка за это взялся?— подумалъ я.

Однако... истина всего дороже, кто бы за нее не брался.

Дѣло въ томъ, что эта самая Пимоненко строитъ что-то. Была какъ-то на заводѣ Зайцева по кирпичному дѣлу...

Вдругъ къ ней является еврей:

— Вамъ, говоритъ, деньги нужны... Я слышалъ... Пожалуйста, возьмите... Тысячу рублей...

— Нѣтъ, говорю, мнѣ не нужны.

А онъ все свое: возьми да возьми!..

Я къ подрядчику:

— Вотъ, молъ, денегъ тысячу рублей подъ постройку навязываетъ.

— Кто? Жидъ?.. Гони его вонъ!.. Съ ними дѣло не надо имѣть... — усовѣщалъ подрядчикъ, полагавшій, что всѣ строительницы должны имѣть именно только съ нимъ дѣло и болѣе ни съ кѣмъ...

Такъ и выгнали этого услужливаго еврея.

Подкупъ, конечно, ясенъ...

Но какъ предлагалъ онъ деньги? Подъ какимъ предлогомъ хотѣлъ этотъ еврей „подкупить“ эту христіанку?—вотъ вопросы, на которые всѣмъ хотѣлось имѣть отвѣтъ...

— Слышали, вотъ батюшка-то говоритъ— деньги вамъ еврей предлагалъ...

— Слышали, слышали... Какъ не предлагать, предлагалъ...

— Ну что-жъ вы взяли?

— Нѣтъ, не взяли...

— Почему-же?

У меня на душѣ веселѣетъ: вотъ она неподкупная!!. Какъ видно не только пана Размитальскаго на вѣсъ золота не купишь, а вотъ видите и ее, эту простую женщину, никакъ нельзя...

— Такъ почему же вы не взяли?

— Мы-то?..

— Ну да, вы-то...

— Дорого оченно хотѣлъ...

— То-есть, какъ это дорого?

— Такъ-съ, дороговато-съ!..

— Что? Что такое? Да вѣдь васъ подкупали? Деньги давали даромъ...

— Какъ даромъ, какъ можно даромъ, кто-же даромъ-то деньги дастъ...

— А какъ-же?

— Девять процентовъ просилъ еврей, дорого это оченно намъ...

Такъ вотъ оно что? Вотъ какъ поступаютъ эти коварные евреи... Ну и хитрецы-же... Придутъ „подкупать", да за это еще и проценты берутъ...

Но съ чего же проценты, когда все это должно быть шито-крыто? — подумалъ я въ недоумѣніи.

— Такъ значитъ онъ вамъ взаймы давалъ?..

— Точно такъ, взаймы...

— Ну да, ну вотъ видите, какіе они, эти евреи,—ворчала недовольная дама, — взаймы подкупаютъ и еще съ бѣдныхъ христіанъ проценты за это берутъ...

— Батюшка, а вы, собственно, кто?.. Ваши, политическія убѣжденія, образъ мыслей?.. Вы-то кто будете?.. — прогудѣлъ кто-то изъ защитниковъ.

— Я?.. Я — членъ общества „Двуглавый Орелъ“...

Пауза.

Тишина.

Засѣданіе закрывается.

Всѣмъ все понятно...

И мирно,—шутя и смѣясь,—публика, умиротворенная, расходится по домамъ...

LXIII.

Судебно-медицинская экспертиза.

Весь процессъ Бейлиса изобилуетъ такими удивительными недостатками, что, право, приходится удивляться, какъ, какимъ образомъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ могли такъ небрежно относиться тѣ, на чьей обязанности было необходимо установить всю картину, всѣ детали преступленія. Эта небрежность ясно показываетъ намъ, что съ самаго начала и въ голову никому не приходило думать, что

убійство Андрея Ющинскаго совершено съ какой-то особенной цѣлью, съ цѣлью ритуальной. Нѣтъ, доктора при вскрытіи констатировали главнѣйшіе моменты убійства, описали общую картину пораненій—и на этомъ остановились, вовсе не предполагая, что имъ придется давать отвѣты по совершенно инымъ вопросамъ, съ обыкновеннымъ уголовнымъ процессомъ ничего не имѣющимъ общаго. Такимъ образомъ, никакого намека на ритуальность съ самаго начала слѣдствія ни у кого не было. Кровавая легенда появляется значительно позднѣй, когда кому-то нужно было воспользоваться этой средневѣковой ложью и ради своихъ собственныхъ политическихъ интересовъ повергнуть цѣлый народъ въ смятеніе и ужасъ передъ лицомъ надвигавшихся погромовъ и дикихъ изувѣрствъ обезумѣвшей толпы. Разсчетъ этихъ темныхъ личностей не оправдался: въ Россіи нашлось столько общественнаго сознанія, что вся эта черносотенная агитація разбилась о скалу гражданственности, а тамъ гдѣ велась погромная агитація, никакія погромныя выступленія допущены не были. Даже въ самыхъ отдаленныхъ углахъ черты еврейской осѣдлости жизнь проходила спокойно, но вполнѣ понятно то вѣчное трепетаніе евреевъ, трепетаніе за жизнь свою и своихъ дѣтей, когда они знали, что тамъ, въ Кіевѣ, идетъ и идетъ этотъ ужасный про-

цессъ, вновь возведшій на нихъ старый кровавый навѣтъ въ употребленіи христіанской крови.

И вотъ, наконецъ, судъ перешелъ къ разсмотрѣнію объективныхъ данныхъ судебно-медицинской экспертизы, которая должна была многое сказать въ этомъ дѣлѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, эксперты раздѣлились между собой. Косоротовъ и Туфановъ — эти эксперты отъ казны, конечно, должны были настаивать на своемъ мнѣніи, уже высказанномъ ранѣе, именно на мнѣніи, что здѣсь совершено убійство съ цѣлью истеченія крови. Но, вотъ, что удивительно: казалось бы просто: если настаиваешь на этомъ, такъ докажи, измѣрь глубину ранъ, сдѣлай точное вскрытіе, изслѣдуй все. А что было на самомъ дѣлѣ? Все сдѣлано кое-какъ, неправильно, невѣрно, что приводитъ въ истинное возмущеніе такихъ глубокихъ, дѣйствительно знающихъ спеціалистовъ, какъ Павловъ и Кадьянъ. И вотъ въ такомъ процессѣ, гдѣ важна каждая мелочь, даже число ранъ на вискѣ не сосчитано правильно, и Павлову по препарату кожи пришлось возстанавливать, что ранъ не 13, а 14, а этотъ недочетъ въ одной ранѣ переворачиваетъ кверху дномъ весь обвинительный матеріалъ, потому что „тринадцать“ здѣсь хотятъ толковать, какъ число мистическое, ритуальное, а „четырнад-

цать“ — даже маніакамъ-юдофобамъ не говоритъ ничего: число какъ число!

Обвинители, предполагаютъ, что число тринадцать—это очень важное число, и тринадцать ранъ — это не спроста, это кабалистика, здѣсь начертано слово „Единый“. Какой вздоръ! Ослѣпленные глаза никогда не видятъ свѣта истины. Они не видятъ и того, что убійцамъ, очевидно, было не до философій, когда они, не зная, что дѣлать, бросались изъ стороны въ сторону, наносили ударъ за ударомъ, лишь бы скорѣй, лишь бы какъ-нибудь покончить съ этимъ ужаснымъ „мокрымъ“ дѣломъ!

Приходится удивляться, какъ люди, сами себя гипнотизируя, заставляютъ себя думать въ опредѣленномъ направленіи, явно не замѣчая того, что дѣлается кругомъ, заставляютъ подыскивать словечки, мѣняющія смыслъ, и проч.

Въ самомъ дѣлѣ, въ обыденной жизни развѣ мы не говоримъ: онъ совершенно истекъ кровью! Говоримъ и говоримъ нерѣдко, когда узнаемъ о какой-либо кровоточащей болѣзни, пораненіяхъ, несчастіи, и никому въ голову не приходитъ думать тогда о какомъ-либо ритуалѣ. А здѣсь нашли убитаго мальчика, всего израненнаго, добитаго звѣрски и удивляются и кричатъ:—Ахъ, какой ужасъ! Кровь изъ него источена!.. Это сдѣлали евреи...

— Позвольте-съ,—хочется спросить такого глубокомысленнаго человѣка,—почему „источена“ кровь, почему вы не говорите попросту, какъ говорили всегда раньше,—истекъ кровью. Это вѣрно. И нельзя не истечь, когда убійцы такъ расправились съ жертвой...

— Гдѣ кровь?—кричатъ.

— Да она тамъ осталась, гдѣ совершалось убійство: на томъ предметѣ, на чемъ лежалъ этотъ несчастный мальчикъ, на тѣхъ рукахъ, которыя убивали эту жертву, на ихъ платьѣ, на ихъ одеждѣ...

Когда говорятъ это обыватели, когда говорятъ это даже обвинители, которые, въ сущности, тѣ же обыватели въ мундирахъ и фракахъ,—это мнѣ еще понятно: легкомысліе и легковѣріе царятъ вездѣ и всюду—что же удивительнаго, что мало образованные люди вѣрятъ всякой ерундѣ, всякимъ сплетнямъ, не имѣя достаточнаго научнаго чутья, не владѣя научнымъ анализомъ, чтобы сказать да или нѣтъ въ томъ вопросѣ, который совершенно выходитъ изъ рамокъ ихъ обыденной дѣятельности, обыденныхъ, всегда крайне ограниченныхъ, знаній. Но вотъ, когда доктора, спеціально образованные, какими-то полунамеками, словечками начинаютъ вамъ преподносить все, какъ дѣлалъ Косоротовъ, тогда такъ и хочется сказать:

— Господинъ хорошій, для васъ, однако, чечевичная похлебка значительно дороже научнаго первородства. Говорили-ли вы такъ, съ такими спеціально для этого процесса, придуманными выкрутасами, говорили-ли гдѣ-либо еще хоть разъ въ своей жизни, когда вамъ приходилось осматривать трупы, изрѣшетенные ударами убійцъ? Нѣтъ, милостивый государь, вы этого не говорили, ибо вамъ не нужно тамъ было валять „подъ жида", какъ вы это изволили сдѣлать въ Кіевѣ.

У насъ обыкновенно принято отдѣлять соціально-политическое бытіе эксперта отъ науки отъ его научныхъ знаній, очевидно, выходя изъ того предположенія, что совѣсть должна людей ставить выше предвзятостей. Но что будешь дѣлать, если въ жизни это бываетъ далеко не такъ...

Я утверждаю, что въ экспертизѣ Косоротова насквозь было видно его антисемитское настроеніе, которымъ онъ такъ прочно давнымъ-давно зараженъ. Отсюда такое трогательное объединеніе „эксперта отъ науки", ставшаго въ полное противорѣчіе съ мнѣніемъ людей отъ науки не только кіевскаго процесса, но и всего міра,—единеніе со всѣми мракобѣсами нашего времени.

Судъ въ Кіевѣ кончился, но судъ надъ Косоротовымъ, Туфановымъ, Пранайтисомъ и Сикорскимъ только начинается. Имъ придется

испить до дна горькую чашу своей тенденціозности, ибо научный міръ всѣхъ странъ разберетъ ихъ слова и ихъ дѣла по капелькѣ и покажетъ имъ всю ихъ несправедливость, всѣ ихъ ошибки, всю ихъ неправду.

LXIV.

Экспертиза психіатрическая.

Вотъ онъ, старенькій, дряхлый старичекъ—господинъ Сикорскій.

О, этотъ давно извѣстенъ мнѣ. Подъ видомъ „науки“, подъ видомъ учености скрывается не только неучъ,—это бы ничего, мало ли ихъ въ наше время!—а человѣкъ, избравшій себѣ весьма удивительную спеціальность: доказать все, что только будетъ благоугодно начальству. Не только теперь, но и ранѣе онъ всегда продѣлывалъ такія же исторіи. Помните, какъ засадилъ онъ въ сумасшедшій домъ Кондратія Малеваннаго — этого, поистинѣ, удивительнаго человѣка, страстнаго пропагандиста-сектанта, причемъ, имѣйте въ виду, Малеванный былъ совершенно здоровымъ человѣкомъ и такимъ же, къ удивленію всѣхъ, вышелъ онъ изъ казанской лечебницы для душевно-больныхъ, просидѣвъ тамъ почти пятнадцать лѣтъ,—все по милости этого-же психіатра-психолога Сикорскаго.

Смотрите, какъ этотъ развязный господинъ, дышащій злобой и раздражительностью, толковалъ здѣсь на судѣ въ Кіевѣ. Вѣдь, по правдѣ говоря, всѣмъ курамъ кіевскимъ и тѣмъ на смѣхъ. Для того, чтобы не остаться совершенно одинокимъ, г. Сикорскій изобрѣтаетъ нѣкоего Даля, который никогда не былъ спеціалистомъ въ исторіи Востока и никакихъ научныхъ изслѣдованій о ритуальности у евреевъ міру не оставилъ.

Если онъ былъ знатокомъ русскаго языка, то это вовсе не исключаетъ того, что въ другихъ областяхъ и, между прочимъ, въ медицинской, хотя и былъ медикомъ, стоялъ на уровнѣ знахаря.

Зачѣмъ было тащить сюда старика Даля, который, по утвержденіямъ этого изумительнаго „психіатра“ Сикорскаго, является „ученымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Грѣшный человѣкъ,—до сего дня я по Гоголю зналъ только о дамахъ „пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ“, а тутъ теперь и ученый такой же нашелся. Ну что же—пускай будетъ такъ, но ссылки на этого „ученаго во всѣхъ отношеніяхъ“ человѣка не помогли Сикорскому хоть сколько-нибудь говорить основательно, учено, умно.

Отъ этого „умнѣйшаго“ изъ профессоровъ мы узнали, однако, непостижимо „умныя“, глубокомысленныя истины.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не прекрасно такое, напримѣръ, утвержденіе: „Вообще, убивать человѣка должно быть непріятно“,—догадывается профессоръ.

Или, напримѣръ, „иной разъ“ — именно тогда, когда бьютъ, вырывается чувство гнѣва, и подъ вліяніемъ этого человѣкъ „пытается защищаться“. Вотъ это глубокомысліе! Понимаете, читатель, если на васъ нападутъ, то вы будете защищаться: вѣдь, вотъ что онъ хотѣлъ сказать этотъ господинъ профессоръ,— и такъ красиво, и такъ учено,—но отчего такъ непроходимо тупо?

Но всего любопытнѣй картина убійства Ющинскаго.

По Сикорскому, она происходитъ такъ:

Вошелъ Андрюша, на него звѣрски посмотрѣли, ударили, такъ, легонько. На мальчика напалъ страхъ, и онъ окаменѣлъ. Ему стали наносить удары и чуть-чуть придерживали за руки.

— Зачѣмъ держать за руки? — говоритъ нѣкто.

— Брось, онъ и такъ стоитъ смирнехонько...—возглашаетъ другой.

— А третій все его тыкаетъ въ разныя части тѣла, а онъ, Андрюша-то, не сопротивляется, стоитъ себѣ и ухомъ не ведетъ.

Но вдругъ ему говорятъ:

— Ну, что ты стоишь дурнемъ? Снимай куртку!

И онъ сейчасъ-же покорно снялъ куртку, всю окровавленную его же кровью.

Отдавъ куртку, онъ снова отъ страха окаменѣлъ и стоитъ, руки по швамъ, такой молодчина, а его-то ранятъ, а его-то жалятъ острымъ шиломъ, а онъ, все отъ того же страха — никому ни гу-гу! Стоитъ себѣ, не шевелится, а потомъ взялъ да и легъ на полъ и тутъ его, сердешнаго, добили.

Вотъ воистину смиренная жертва убійцъ!

Было бы хорошо, если бы это былъ бредъ сумасшедшаго. Но, къ величайшему горю, вся эта неумная фантазія является мнѣніемъ эксперта, и она ляжетъ, она давитъ на совѣсть присяжныхъ, обременяетъ участь неповиннаго подсудимаго, долженствующаго отвѣчать за тысячелѣтнюю многострадальную исторію народа.

Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ можно представить совершенно иную картину убійства, но такую, какъ нарисовалъ Сикорскій, никакъ нельзя. И одно ужъ это говоритъ намъ о ничтожности этой психіатрической экспертизы, не умѣвшей разобраться въ самыхъ простыхъ пустякахъ, не говорю уже о *психологіи* убійцъ и всего этого процесса.

Но этотъ добродушный старичекъ, этотъ изнемогающій Сикорскій становится совершенно инымъ,—злымъ и хитрымъ, — какъ только коснулось дѣло ритуальности. О, тутъ

онъ загоготалъ гусемъ: откуда прыть взялась...

И вся его экспертиза, являясь сплошнымъ недоразумѣніемъ съ научной точки зрѣнія, дышитъ такимъ человѣконенавистничествомъ, такимъ изувѣрствомъ, что, право, трудно себѣ представить, какъ могутъ жить люди съ такими рѣчами на устахъ, съ такими мыслями и чувствами въ сердцѣ, тѣмъ болѣе тогда, когда обѣ ноги уже по колѣно стоятъ въ гробу и дни жестокой жизни избавительницей смертью сочтены окончательно...

LXV.

Экспертъ, который ничего не знаетъ.

Совершенно подстать Сикорскому ксендзъ Пранайтисъ.

Не только вся Россія, но и весь міръ ждалъ выступленія этого единственнаго эксперта обвиненія съ духовной стороны, выставленнаго обвинителями по процессу Бейлиса.

И какъ не ждать: вѣдь мы всѣ должны были услышать, должны были узнать съ доказательствами отъ всемірной науки, отъ текстовъ священнаго писанія и всей еврейской письменности, именно то, чего нѣтъ на свѣтѣ. Согласитесь сами, что выступленіе смиреннѣйшаго отца Пранайтиса должно было создать „большой день“ въ кіевскомъ окружномъ судѣ...

Но грянулъ громъ, да не изъ тучи...

Какъ хорошо, что именно въ этомъ процессѣ участвуетъ представитель средневѣковой инквизіи.

Въ черной сутанѣ, бритый, хитрый, мстительный и жестокій, онъ выступаетъ здѣсь, въ судѣ, при свѣтѣ XX вѣка, выступаетъ такъ, какъ когда-то выступали его предки въ давно прошедшія, полныя ужаса и крови, времена.

Помните, когда эти хранители святости, выходящей изъ Рима, распаленные страстью холостыхъ людей, живущихъ вдали отъ женскаго общества, находили удовлетвореніе своимъ бушующимъ, разнузданнымъ страстямъ въ жестокости, мученіяхъ и крови тѣхъ, на кого легче всего было поднять руку: сектанты, вѣдьмы, колдуны, евреи—вотъ ихъ пожива, вотъ ихъ отрада. О, какъ были изобрѣтательны они въ своемъ изувѣрствѣ! О какъ любили они пытать и терзать, эти католическіе монахи, терзать людей, особенно женщинъ! Вѣдь, здѣсь, въ застѣнкѣ, было все возможно. Здѣсь, въ застѣнкѣ, рукою палача срывались одежды съ красавицъ-дѣвушекъ, съ женщинъ, полныхъ силы и чистоты, и они, эти служители алтаря, упиваясь рѣдкимъ зрѣлищемъ обнаженныхъ женскихъ тѣлъ, и какъ истинные развратники, дошедшіе до грани сумашествія, въ терзаніяхъ и униженіяхъ

тѣхъ, кто былъ незапятнанъ въ своей чистотѣ, въ терзаніяхъ особенно женщинъ и дѣвушекъ, находили чудовищное удовлетвореніе своихъ страстей и сатанинской похоти.

А потомъ? Потомъ, когда тѣла превращались уже въ груду изможденнаго, исковерканнаго, страдающаго человѣческаго мяса, издающаго стоны и вопли, отъ которыхъ и до сихъ поръ содрогается міръ, они, эти святые отцы римской церкви, шли дальше, черезъ пытку къ костру, гдѣ ихъ пиръ, этотъ пиръ хуже чѣмъ людоѣдскій, завершался безумной оргіей, безумной пляской вокругъ тѣхъ, кто погибалъ въ пламени огня, въ вихрѣ и стонѣ крутящагося дыма...

Съ пѣснями, съ кликами сатанинскаго восторга, схватившись рука за руку, служители алтаря, католическіе монахи, крутились, летали, какъ демоны, озаряемые пламенемъ костровъ, на которыхъ жгли людей, жадно вдыхая запахъ крови и шипящаго на огнѣ человѣческаго мяса... И они, эти изверги рода человѣческаго, осмѣливались поднимать распятіе Христа, протягивать его къ кострамъ, какъ бы становясь подъ защиту Того, Кто былъ всепрощающимъ другомъ несчастныхъ, братомъ больныхъ и убогихъ, утѣшителемъ гонимыхъ и страдающихъ...

Образъ человѣческій теряли они, эти обезумѣвшіе, осатанѣлые монахи и подхваты-

ваясь вереницами, все быстрѣй и быстрѣй, кругомъ-кругомъ, безъ конца и счета, до полнаго изнеможенія, носились они черными змѣями, вокругъ принимавшихъ мученическую смерть невинныхъ жертвъ ихъ безумства.

И ихъ охрипшіе голоса оглашали площади казни, сливаясь въ хоръ иступленнаго пѣнія...

„Ognum gridi, com'io grido
Sempre pazzo, pazzo, pazzo!
Передъ Господомъ смиритесь,
Пляшите, не стыдитесь,
Какъ царь Давидъ плясалъ.
Подымемъ наши ряски—
Смотрите, чтобы въ пляскѣ
Никто не отставалъ.
Опьяненные любовью
Къ истекающему кровью
Сыну Бога на крестѣ,
Дики, радостны и шумны—
Мы безумны во Христѣ.
Мы крестиками машемъ
И пляшемъ, пляшемъ, пляшемъ,
Какъ царь Давидъ плясалъ.
Несемся другъ за другомъ
Все кругомъ, кругомъ, кругомъ
Справляя карнавалъ.
Попирая мудрость вѣка
И гордыню человѣка,
Мы, какъ дѣти, въ простотѣ
Будемъ божьими шутами,
Дурачками, дурачками,
Дурачками во Христѣ *).

*) Мережковскій. Воскресшіе боги. Леонардо да Винчи, стр. 217.

И вотъ духовный потомокъ этихъ-то людей, проливавшихъ неисчислимые потоки крови, потомокъ тѣхъ, кто замучилъ и сжегъ сотни тысячъ людей, ксендзъ Пранайтисъ пришелъ въ русскій судъ и заявилъ требованіе на еврейскую кровь. Кровь, пролитая духовными его отцами, подмываетъ и тревожитъ его и ему самому нужно хоть чѣмъ-нибудь удовлетворить эту жажду крови, жажду ненависти и человѣконенавистничества. И онъ осмѣлился нанести оскорбленіе и суду, и обществу, и всей Россіи, придти и заявить, что пытки— это хорошо, они были и будутъ. Пытками достигалась истина... Даже Замысловскій и тотъ покривился...

И я посмотрѣлъ на подсудимаго, на Бейлиса, который не то съ ужасомъ, не то съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на этого священника въ католической сутанѣ...

О, какъ бы былъ счастливъ этотъ ксендзъ Пранайтисъ если бы немножечко поднять этого Бейлиса на дыбу, немножечко пожечь, подсмолить, подкурить, потянуть туда-сюда, забить подъ ногти гвозди, пронять утомленіемъ—вотъ такая экспертиза, вотъ она ему по плечу, а то, поди пожалуйста, требуютъ знанія книгъ, переводовъ какихъ-то текстовъ... Зачѣмъ все это? Конечно, онъ обнаружилъ полное невѣжество, конечно, онъ явился сюда совершенно ничего незнающимъ, да не все-ли это равно? Вѣдь,

судятъ еврея, а для него, Пранайтиса, этого достаточно, чтобы обвинить Бейлиса въ чемъ угодно.

Что можно было представить болѣе позорнаго, чѣмъ это выступленіе католическаго ксендза, такъ постыдно посрамившаго ту религіозную организацію, къ которой онъ принадлежитъ. Много грѣховъ лежитъ на душѣ и совѣсти всемірной римско-католической организаціи, и народы особенно Западной Европы, не только долго, но и всегда будутъ помнить тотъ гнетъ, то уничтоженіе, которые широкой рѣкой цѣлыя столѣтія лились изъ всесвѣтной столицы, откуда поднимался надъ міромъ „звѣрь изъ бездны". Но чѣмъ всегда могла щегольнуть римская курія, это тѣмъ, что ея легаты, ея представители всегда являлись передъ лицомъ общественности вооруженные большими, особенно спеціально-духовными знаніями: невѣждъ истинные сыны и воспитанники Лойолы умѣли всегда держать на черной работѣ вдали отъ яркаго свѣта... Въ XX вѣкѣ обстоятельства мѣняются: ксендзъ Пранайтисъ въ своей офиціальной одеждѣ явилъ не только Россіи, но и міру крайнее невѣжество, обскурантизмъ, ограниченность и непроходимую тупость. Вѣдь, смотрите, онъ не просто заурядный тамъ какой-то. Онъ академикъ! Онъ профессоръ! Онъ экспертъ, да еще по какому дѣлу! И что же? Бо́льшаго

научнаго ничтожества намъ не приходилось видѣть. Стыдно было его слушать, стыдно было смотрѣть на эту топорную, черную фигуру, какъ маріонетка повторяющую единственно хорошо ему знакомое слово „нѣтъ“. Все то, что онъ разсказалъ о Талмудѣ, все это такъ банально, скучно и ограниченно, что право, зачѣмъ было звать сего ученаго мужа, когда любой кіевскій семинаристъ знаетъ въ этомъ вопросѣ значительно больше. Не знать какъ объяснить тексты Библіи, самые простые, заурядные, — человѣку, служащему мессы,— да вѣдь это несмываемый позоръ, вѣдь это пощечина всей католической реакціи, румянецъ отъ которой жаромъ будетъ пылать еще долгое-долгое время.

Каждый русскій сектантъ, живущій въ Кіевѣ, на Лукьяновкѣ или на Подолѣ, годится въ маститые учителя этому патеру римскаго престола.

Возвести кровавый навѣтъ на цѣлый народъ и потомъ стоять два дня пнемъ, не умѣть объяснить даже тѣхъ мѣстъ, на которыя самъ же онъ сослался въ несчастной брошюркѣ,—да вѣдь, это „отсутствіе всякаго присутствія“, вѣдь это такое убожество, за которое становится страшно...

Откуда онъ, этотъ Пранайтисъ?

Гдѣ же хваленая дисциплина католической церкви?

Какъ могли разрѣшить ему, этому новому чуду XX вѣка, выйти въ свѣтъ?

Вѣдь дошло до того, что, „въ виду запамятованія“ господина эксперта, рѣшили огласить часть экспертизы этого, отнынѣ знаменитаго, представителя римской куріи.

Вотъ это мнѣ, совершенно, непонятно, какъ могли допустить такое оглашеніе.

Мнѣ самому неоднократно приходилось выступать экспертомъ въ судахъ по дѣламъ сектантскимъ, и рѣшительно нигдѣ и никогда я не встрѣчалъ такую практику, какая была примѣнена въ кіевскомъ окружномъ судѣ. Цѣлыми днями приходилось выдерживать перекрестный допросъ по сектантскому и связаннымъ съ нимъ вопросамъ, давать всевозможнѣйшіе отвѣты, и никогда, нигдѣ я не видѣлъ, чтобы кому-либо изъ экспертовъ напомнилась бы представленная имъ письменная экспертиза. Вѣдь экспертъ не свидѣтель. Бывали обратные случаи, когда просили возможно меньше цитировать книги, а все разсказывать своими словами, но о „запамятованіи“ знаній по своему предмету, по которому считаешься спеціалистомъ, никогда и нигдѣ и вопроса не поднималось.

Насколько строго относятся суды къ вопросу именно устнаго показанія гг. экспертовъ на судѣ, изъ моей практикѣ мнѣ извѣстны такіе случаи: защита просила разрѣшенія

ссылаться на труды одного изъ экспертовъ, присутствовавшихъ на процессѣ. И что же? Судъ отказалъ защитѣ на томъ основаніи, что экспертъ здѣсь присутствуетъ и стороны могутъ допросить его лично и сказанное имъ является какъ бы послѣднимъ словомъ, послѣднимъ мнѣніемъ этого эксперта.

Экспертизы оглашались только въ томъ случаѣ, когда экспертъ не явился, и, тогда, вмѣсто него, иногда оглашалось его письменное мнѣніе. Полагаю, что оглашеніе въ виду запамятованія части экспертизы, какъ это произошло съ г. Пранайтисомъ, это совершенно исключительное явленіе, которое, несомнѣнно будетъ отмѣчено въ практикѣ процессовъ. Немощность патера Пранайтиса этимъ оглашеніемъ была подчеркнута еще болѣе, еще разительнѣе.

Какой же это экспертъ, который ничего не знаетъ, все забылъ, говоритъ только „да“— „нѣтъ“? Такимъ „экспертамъ“ нечего дѣлать въ судахъ, такъ же, какъ имъ нѣтъ мѣста и въ наукѣ. Пусть бы лучше они сидѣли по своимъ угламъ, мечтая о прекрасныхъ дняхъ костровъ и пытокъ, и не совались бы въ разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, до пониманія которыхъ имъ, какъ до звѣзды небесной, далеко.

Но я нахожу отраду въ этомъ всесвѣтномъ позорищѣ представителя дальняго Рима. Я радуюсь, что нужно было днемъ съ огнемъ

искать эксперта обвиненія по дѣлу ритуальнаго убійства, надо было исколесить всю Россію, и, не найдя никого, ни среди всего русскаго духовенства, ни среди русскихъ миссіонеровъ, ни среди русскихъ ученыхъ, наконецъ, отыскать гдѣ-то тамъ, въ Ташкентѣ, какого-то невѣдомаго католическаго патера, чтобы онъ пришелъ и утвердилъ ту нелѣпость, надъ которой такъ тщательно трудились столько ужъ лѣтъ всѣ темныя силы Россіи.

Право, я вижу въ этомъ много отраднаго... Все-таки мы, очевидно, ушли уже безвозвратно отъ средневѣковой тьмы и никакія силы не дадутъ побѣды и одолѣнія тому мраку, той реакціи, которыя такъ густо временно заволокли нашъ общественный горизонтъ.

LXVI.

Честь русской науки спасена.

Если блестящая спеціально-медицинская экспертиза профессоровъ Павлова, Бехтерева и Кадьяна уже сказала свое вѣское слово по поводу тѣхъ нелѣпыхъ построеній, которыя возвели угловатыя, топорныя руки Туфанова и Косоротова (о блаженномъ Сикорскомъ, котораго такъ необходимо было познакомить съ Бехтеревымъ—мы не говоримъ)—если эта экспертиза возвела вопросы, возникшіе въ Кіевѣ, на высоту современнаго мірового зна-

нія, то экспертиза академиковъ Коковцова и Троицкаго въ спеціальномъ вопросѣ древне-еврейской письменности, ученія и знанія еврейскихъ книгъ, сказала такъ много и такъ вѣско, что, право, становится страннымъ: неужели обвинители найдутъ въ себѣ мужество противопоставить свою отсебятину уровню европейской учености?

Честь русской науки спасена двумя блестящими экспертизами русскихъ академиковъ-профессоровъ, которые имѣли мужество и твердость сказать свое вѣское слово. Оба они, не голословно, а на основаніи тщательнаго изученія первоисточниковъ, твердо сказали, что никакихъ кровавыхъ ритуаловъ еврейскій народъ не знаетъ теперь, не зналъ никогда. Человѣческое жертвоприношеніе у евреевъ— это сказка, которой вѣрятъ тѣ легкомысленные люди, до которыхъ не доходитъ положительное знаніе. Вѣра въ ритуальное убійство среди евреевъ—публично названа академикомъ Коковцовымъ нелѣпостью...

Чего-же больше?..

— Если бы мнѣ сказали,—заявилъ въ своей экспертизы Коковцевъ,—что найденъ совершенно обезкровленный трупъ ребенка, если бы мнѣ доказали, что это убійство, что это обезкровливаніе совершилъ еврей и спросили бы у меня, что это такое: я скорѣй предположилъ бы, что еврей рѣшилъ съѣсть этого ре-

бенка, для чего и обезкровилъ его, но никогда не могъ бы даже подумать, что это сдѣлано съ ритуальной, богослужебной цѣлью. Изъ двухъ нелѣпостей, я предпочелъ бы меньшую.

Вотъ что сказала наука.

Что-то скажутъ господа присяжные?

Но что бы они ни сказали—уже судъ надъ ритуальностью въ дѣлѣ убійства Андрея Ющинскаго произошелъ: приговоръ уже вынесенъ. Съ еврейскаго народа на этотъ разъ усиліями русскихъ ученыхъ снятъ позоръ кроваваго навѣта и имя ученой Россіи спасено отъ стыда и поношенія.

LXVII.

Экспертъ Тихомировъ.

Третій экспертъ, Тихомировъ, почти во всемъ присоединяется къ профессорамъ Коковцову и Троицкому, и дѣлаетъ нѣкоторыя дополненія интересныя для дѣла.

Обвинители все время козыряли „замученнымъ отъ жидовъ“ отрокомъ Гавріиломъ. Экспертъ Тихомировъ разъясняетъ, что въ вопросѣ ритуальныхъ убійствъ среди евреевъ болѣе всего заинтересовано католическое духовенство, ибо здѣсь наблюдаются церковные интересы, а русская православная церковь совершенно не принимала никакого участія въ этихъ обвиненіяхъ. Католическая церковь

имѣетъ рядъ святыхъ подобнаго рода, и отрокъ Гавріилъ былъ уніатскимъ святымъ въ Польшѣ. Когда уніаты были возсоединены съ церковью, то и этотъ святой былъ оставленъ вмѣстѣ съ ними. Но не былъ, и до сихъ поръ не канонизированъ, православной церковью: это мѣстный святой, которому только недавно епископъ Антоній волынскій составилъ молитвы и службу. Документовъ о его жизни не имѣется никакихъ, ибо все что было, сгорѣло, и осталась только одна польская надпись о мученіяхъ. Само собой понятно, что этого еще слишкомъ мало, чтобы утверждать, то, что утверждается теперь объ отрокѣ Гавріилѣ.

Ссылку на средніе вѣка какъ на что-то доказательное, профессоръ совершенно отрицаетъ. Помимо процессовъ вѣдьмъ, въ средніе вѣка судили животныхъ, а подъ пытками мучимые евреи признавались въ какихъ угодно нелѣпостяхъ.

Въ заключеніе профессоръ рѣшительно заявляетъ, что о томъ, что Ющинскій убитъ въ ритуальныхъ цѣляхъ, объ этомъ и говорить не приходится: никакихъ признаковъ, никакого ритуала здѣсь нѣтъ.

Такимъ образомъ всѣ эксперты отъ науки,—конечно эксперта отъ мракобѣсія г. Пранайтиса мы въ счетъ не беремъ,—всѣ трое въ одинъ голосъ, заявили во всеуслышаніе, что никакихъ намековъ на ритуальное убійство

Андрея Ющинскаго здѣсь нѣтъ и не можетъ быть, также какъ и въ самомъ ученіи евреевъ нѣтъ обряда человѣческаго жертвоприношенія.

LXVIII.

Исповѣдь народа.

Тихо, взволнованно началъ говорить московскій раввинъ Мазе, вызванный въ судъ экспертомъ по дѣлу Бейлиса.

Ему предложили ограничить себя.

Зачѣмъ? Почему?

Вѣдь вотъ передъ нами онъ, истинный потомокъ древняго Израиля; кому-кому, а вѣдь ему этотъ судъ надъ Библіей, надъ Талмудомъ—ближе и дороже всего.

Вѣдь давно всѣ знаютъ, что судятъ не Бейлиса, а еврейскую вѣру, еврейское ученіе, такъ тѣсно связанное съ судьбами самого еврейскаго народа.

Судъ безъ подсудимаго.

Послушаемъ-же того, кто считаетъ себя призваннымъ самимъ Господомъ свидѣтельствовать по совѣсти всю правду, свидѣтельствовать передъ Богомъ и людьми, повѣдавъ всю глубочайшую правду о религіи своихъ предковъ, своихъ современниковъ.

И онъ, небольшого роста, вставши на стулъ, чтобы его было видно изъ-за конторки, все громче и громче свидѣтельствуетъ здѣсь о

религіозномъ сознаніи своего народа, о священныхъ обрядахъ, нравахъ, и обычаяхъ его.

Здѣсь, въ кіевскомъ окружномъ судѣ, и оттуда передъ всѣмъ міромъ, льется отъ сердца къ сердцу исповѣдь народа, народа, всюду гонимаго, униженнаго тѣлесно, въ страданіяхъ и несчастіяхъ сохранившаго всю мощь и силу своей духовной красоты.

Съ первыхъ же словъ, взволнованныхъ и страстныхъ, переходящихъ въ гнѣвъ пророка, когда говоритъ онъ о кощунственныхъ прикосновеніяхъ къ слову Божію,—въ залѣ создается настроеніе жгучее, хватающее за сердце.

Вотъ тамъ, за креслами суда, пробуютъ смѣяться, улыбаться, но нѣтъ, знаю я, и ваше сердце потребуетъ покоя и ваша душа смутится предъ словами безбоязненнаго исповѣданія вѣры, исповѣданія человѣка готоваго на жертву жизнью за счастіе и благо своего родного народа, за всю драгоцѣнность души его, за всю его культуру, міровоззрѣніе, пониманіе...

И я невольно перенесся въ отдаленныя времена жизни.

— Не такъ-ли стояли прежде, въ далекіе мрачные вѣка, они, эти сотни тысячъ замученныхъ и погибшихъ людей, о чьихъ душахъ вспоминаетъ въ молитвословіяхъ своихъ разсѣянный повсюду народъ, народъ израильскій!

Не такъ-ли и они тогда, давно-давно, исповѣдывали свою вѣру, исповѣдывали предъ лицомъ тѣхъ, кто дымъ и пламень костра предпочиталъ всякой юстиціи, кто въ кровавыхъ бѣсовскихъ мукахъ, кто въ убіеніи тысячъ людей—дѣтей, стариковъ и женщинъ,—видѣлъ проявленіе высшей справедливости...

Кто были эти мучители потомковъ библейскихъ праотцевъ?

Это были христіане, дѣйствовавшіе къ позору человѣчества, подъ непосредственнымъ внушеніемъ Рима и его легатовъ, одинъ изъ потомковъ которыхъ пришелъ теперь сюда и осмѣлился вновь открыто клеветать на неповинныхъ людей, забывъ, что именно его духовные предшественники, — это они, пьяные отъ крови, брели отъ костра къ костру, въ бѣшеныхъ и позорныхъ пляскахъ, подъ крыломъ своихъ черныхъ сутанъ, кругомъ-кругомъ, носились хороводомъ, освѣщенные зловѣщимъ заревомъ костра, заглушая своимъ сатанинскимъ пѣніемъ стоны, крики и мольбы погибающихъ въ дымѣ и въ пламени людей...

И теперь это черное крыло принеслось сюда и осѣнило насъ. Но времена прошли, имъ не вернуться, и мечта о пыткахъ, остается праздной, безумной мечтой отдѣльныхъ изувѣровъ...

Но что это: я не скажу, что слышу, я чувствую, я вижу, плачъ, чуть примѣтный ше-

лестъ губъ... Закрытыя лица, уткнувшіяся въ руки, тихія, неслышныя слезы, сидящихъ въ публикѣ дочерей страдальца-народа... Какъ не заплакать имъ? Вѣдь тутъ, „предъ Богомъ и людьми“ дается отвѣтъ въ томъ, что составляетъ для нихъ истинный завѣтъ Божій, глубочайшее святая-святыхъ...

Тихое воздыханіе... Молитва... Молитва глубокая, сердечная, въ тайнѣ скрытая, тамъ, во внутреннемъ храмѣ человѣка...

А тамъ, посреди залы, льется ровный, мѣрный голосъ ученаго служителя алтаря, который текстъ за текстомъ, строка за строкой, разбираетъ все то, что возложили непомѣрной тяжестью тѣ, кто, въ своей нечеловѣческой злобѣ, поддѣлывалъ тексты, измѣнялъ слова умышленно, объяснялъ ихъ невѣрно... А для чего все это?...

Единственная цѣль.

— Крови, крови хотимъ, — вопятъ вездѣ и всюду эти человѣконенавистники, въ антисемитизмѣ находящіе удовлетвореніе разгулу самыхъ темныхъ, животныхъ страстей своихъ.

А что-же тамъ, почему не смѣются болѣе? Почему всѣ, глубоко внимая, слушаютъ такъ, какъ надлежитъ это, серьезнымъ, взрослымъ людямъ?..

Не потому-ли, что теперь всѣмъ становится яснымъ — и будемъ надѣяться, что вскорѣ стыдно станетъ вспоминать объ этомъ, что

чудовищное обвиненіе въ ритуальныхъ жертвоприношеніяхъ среди еврейскаго народа есть гнусная сказка среднихъ вѣкокъ, навѣянная кошмаромъ католическаго изувѣрства и общей некультурностью...

Глубокій знатокъ Библіи, Талмуда, Каббалы и многихъ иныхъ книгъ еврейской письменности, раввинъ Мазе понятно, ясно, толково разъясняетъ все то, что интересовало судей и стороны въ этомъ безпримѣрномъ изумительномъ процессѣ.

И всѣ, рѣшительно всѣ,—я въ этомъ убѣжденъ,—въ глубинѣ души своей почувствовали облегченіе...

Вѣдь вотъ можно все узнать, все понять и раскрыть настоящій смыслъ...

И такъ хотѣлось встать и крикнуть голосомъ совѣсти:

— Развѣ здѣсь рѣшать намъ богословскіе споры?..

Въ залѣ душно, жарко...

Объявленъ перерывъ...

И вдругъ, грузно, по стариковски, поднимается изъ своего укромнаго уголка гражданскій истецъ Шмаковъ, знатокъ Библіи, пантеистъ и ярый антисемитъ...

Онъ добродушно, немного улыбаясь угломъ губъ, слегка подозвалъ къ себѣ раби Мазе и началъ, весь погруженный въ какую-то важную для него мысль, строго и добродушно

бесѣдовать съ нимъ, отыскивая тексты, что-то сличая, свѣряя...

И такъ хотѣлось бы знать, что въ XX вѣкѣ люди могутъ, люди должны относиться другъ къ другу по-людски и споры науки, вынесенные теперь въ судъ, оставить ученымъ людямъ...

Но, нѣтъ, эти утопическія мысли далеки отъ дѣйствительности...

Политика классовыхъ отношеній вѣнчаетъ дѣло. И въ то время, когда здѣсь поднята человѣческая мысль за пятьдесятъ вѣковъ, когда въ кіевскомъ окружномъ судѣ разбираются книги древнееврейской письменности, тамъ, въ глубинѣ окраинъ, въ тишинѣ и смятеніи мѣстечекъ идетъ широкой волной антисемитская агитація и, можетъ быть уже намѣчены не жертвы библейскихъ первенцевъ, о которыхъ такъ много говорилось въ судѣ, а жертвы безумія, свирѣпости и ужаса подонковъ толпы, въ которыхъ расшевеливаютъ этой агитаціей звѣря, поднимающагося изъ бездны мрака затемненной человѣческой души...

LXIX.

Рѣчь прокурора.

Мы понимаемъ, что положеніе г. прокурора въ процессѣ Бейлиса было крайне затруднительное. Дѣйствительно, создать изъ ничего нѣчто—это вѣдь такая хитрая штука, на которую не то что дѣловой человѣкъ, но

и не всякій кудесникъ, не всякій магъ и волшебникъ, бываетъ способенъ.

Прокуроръ приложилъ всѣ старанія чтобы выполнить возложенное на него. Но въ этомъ выполненіи мы постоянно встрѣчаемся съ его упоминаніемъ, что онъ такъ возмущенъ этимъ дѣломъ, такъ негодуетъ, что не можетъ говорить спокойно... Вотъ эта черта, имъ самимъ о себѣ подмѣченная, окрашивала все выступленіе г. прокурора въ опредѣленный цвѣтъ политической, страстной, нервозной рѣчи, тонъ которой, по нашему мнѣнію, совершенно не соотвѣтствовалъ безстрастности обвиненія государственной власти, блюстителя закона и представителя этой власти въ высокомъ учрежденіи суда. И это несоотвѣтствіе тона сейчасъ же сказалось и въ деталяхъ рѣчи: такъ прокуроръ нѣсколько разъ говорилъ о подкупахъ евреевъ, о давленіи еврейства, которое онъ чувствуетъ даже на себѣ самомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, никакихъ доказательствъ подкуповъ и засилья онъ не привелъ и былъ совершенно здѣсь голословенъ...

Совершенно произволенъ былъ прокуроръ и тамъ, когда рѣшился значительную группу свидѣтелей защиты назвать *лжесвидѣтелями.* Мы не понимаемъ, какъ, какимъ образомъ, могъ онъ это сказать. Вѣдь, совершенно же ясно, что всякій свидѣтель, дававшій показанія подъ присягой, до тѣхъ поръ, пока онъ

не опороченъ по слѣдствію и суду, пока на немъ нѣтъ вердикта, что онъ дѣйствительно лжесвидѣтельствовалъ, не можетъ быть никѣмъ, тѣмъ болѣе представителемъ закона, третированъ какъ лжесвидѣтель. Дѣло сторонъ критиковать свидѣтельскія показанія, сопоставлять ихъ и дѣлать выводы, но обвинять свидѣтелей въ такомъ тягчайшемъ преступленіи никто не можетъ. Вѣдь только некультурность и забитость этихъ свидѣтелей изъ простонародья, виновныхъ тѣмъ, что они опрокидывали своими показаніями многія изъ построеній обвинителей,—заставляетъ ихъ молчать и не искать законнаго удовлетворенія за публичное оскорбленіе въ общественномъ правительственномъ учрежденіи чиновникомъ государственной службы.

Нервозность тона сдѣлала то, что господинъ прокуроръ, почти ничего не сказавшій о Бейлисѣ, о его виновности, все-таки нашелъ возможнымъ въ репликѣ поднять руку и протянувъ ее по направленію къ скамьѣ подсудимыхъ, и заявить, что онъ убѣжденъ, что Бейлисъ—убійца. Господинъ прокуроръ такъ же назвалъ нѣсколькихъ лицъ, которыя, по его мнѣнію, причастны къ убійству. Вотъ это намъ рѣшительно непонятно! Что нибудь одно изъ двухъ: если они причастны, къ убійству а объ этомъ не могъ не знать прокуроръ до суда, ибо судебное слѣдствіе отно-

сительно Шнеерсона, Дубовика и еще одного, фамилію котораго представитель государственнаго обвиненія назвать не рѣшился,—ничего не прибавило новаго, то совершенно непонятно, почему они не привлечены. А если для этого нѣтъ никакихъ данныхъ,—что на самомъ дѣлѣ и есть,—то зачѣмъ объ этомъ говорить.

Въ то же время нельзя не удивляться, какъ, какимъ образомъ, были оставлены почти безъ всякаго прокурорскаго вниманія такіе персонажи процесса какъ Сингаевскій, Рудзинскій, Латышевъ, Чеберякова съ друзьями? Намъ кажется, что процессъ далъ такъ много не только косвенныхъ, но почти прямыхъ уликъ противъ этивъ лицъ, что ихъ вполнѣ достаточно для серіознаго разслѣдованія судебной властью...

LXX.

Рѣчь г. Замысловскаго.

Гражданскій истецъ Замысловскій принялъ очевидно на себя задачу, что называется „взять быка за рога", и разбивъ всѣ обвиненія третьихъ лицъ, ясно доказать всѣмъ, что Андрея Ющинскаго съѣлъ, вѣрнѣе сказать упился его кровью, никто иной какъ Бейлисъ. И чѣмъ больше я его слушалъ, то все ощутительнѣй чувствовалась потребность исполнить завѣтъ, данный намъ, обывателямъ, г. прокуроромъ: закричатъ что есть силы, благимъ матомъ: господа,

молъ, честные, остановите сего витязя, ибо если его послушать, да начать такъ людей на каторгу посылать, такъ лучше ужъ всѣмъ добровольно на каторгу уѣхать... И ему самому ѣхать надо въ первую голову... Замысловскій самъ очевидно сознавалъ это: въ началѣ рѣчи и у него нѣсколько зазрила совѣсть, пока не освоился онъ съ своимъ положеніемъ и самъ не убѣдилъ себя, что онъ правъ, что его устами возглашается сама истина. Есть такой грѣхъ у многихъ людей: говоритъ онъ, говоритъ, и самъ себя слушаетъ, соловьемъ заливается. Сострить что либо — всѣмъ тошнехонько, а онъ-то смѣется—закатывается: вотъ, молъ какъ остроумно, чортъ возьми...

Началъ говорить сей гражданскій истецъ и заволновался:—бѣлый-бѣлый, гдѣ твой румянецъ! Все сошло... А изсине-бѣлые губы дрожатъ... И только та же злая, почти хищническая, улыбка играла время отъ времени у его широкаго рта, открывая прямые, твердые, бѣлые зубы...

— Должно быть-таки трудненько,—подумалъ я,—обвинять невиннаго человѣка!...

А когда у него вдругъ упалъ голосъ, когда онъ долженъ былъ первый разъ произнести роковое:—вонъ онъ Мендель, это онъ убійца,— а Мендель сидитъ, нервно перебирая руками, и удивленно, широко смотритъ на него, словно говоритъ:

— Что ты, молъ, батюшка? Въ своемъ-ли умѣ? Или, того, спятилъ что-ли...

Когда онъ обернулся и встрѣтилъ этотъ растерянно-укоризненный взглядъ Бейлиса, такое какое-то смущеніе было во всемъ немъ то мнѣ невольно хотѣлось воскликнуть:

О, витязь, витязь...
Что съ тобой?..

Но воскликнуть не пришлось, ибо сей славный витязь земли русской быстро справился съ собой и пошелъ, повалилъ, какъ по писанному:

— Всѣ улики ведутъ къ Зайцеву на заводъ...

— Послѣдніе прижизненные слѣды пребыванія мученика Андрюши были у завода Зайцева, а послѣсмертные—шли отъ завода Зайцева...

Въ публикѣ переглядывались...

— Что онъ болтаетъ?.. Какъ ему не стыдно?.. Почему его не остановятъ?..

И въ самомъ дѣлѣ, какъ же такъ: вѣдь совершенно же было установлено, что самые послѣдніе слѣды были у дома Чеберяковой, туда заходилъ Андрюша съ Женей послѣ того, какъ они купили сала и оставили дома пальто, и книжки. Нѣтъ, это все забыто... На все это наплевать... Надо долбить свое, во чтобы то ни стало... А правда-ли это, или неправда... Стоитъ ли объ этомъ задумываться?..

— Послѣсмертные слѣды отъ завода...

— Позвольте-съ, какъ-же такъ?..

— Голубевъ показывалъ...

— Что показывалъ?..

— Какую то проблематическую лазейку изъ усадьбы, находящейся чуть ли не за полторы версты отъ завода Зайцева, при чемъ промежуточная мѣстность совершенно непроходима, благодаря оврагамъ...

Что тамъ! Пустяки!.. Все вали въ одну кучу...

Но вѣдь, помните, все это уже опровергнуто: всѣ эти странные гвозди, лазейки...

Вѣдь слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, приглашенные имъ понятые, всѣ въ одинъ голосъ сказали, что эти предположенія— сплошная ерунда... Нѣтъ, такъ какъ всѣ эти обвиненія представилъ г. Голубевъ, — здѣсь законъ и пророки.

Какъ странно смотрѣть на все, что здѣсь происходитъ!..

А господинъ Замысловскій? Тому какъ стѣнѣ горохъ. Сыпитъ и сыпитъ свое, наперекоръ всѣмъ возможностямъ...

И вотъ, говоритъ, Андрюшу могли убить только на заводѣ Зайцева, а Бейлисъ управляющій тамъ. Скажите, г.г. присяжные, ну кто можетъ убить безъ вѣдома управляющаго?

Вѣдь вотъ, подумаешь, наивность какая: словно такъ и бываетъ: захочетъ кто либо

убить, сейчасъ приходитъ къ управляющему и говоритъ:

— Такъ что, Микита Николаичъ убить тутъ намъ человѣчка надоть, такъ ты ужъ, баринъ, того, не взыщи: часочка на два отлучимся, а какъ справимся—сейчасъ за дѣла...

И вотъ такъ все въ этой рѣчи: крутитъ, крутитъ, что нибудь да и выкрутитъ...

И число-то двѣнадцатое роковое, и ружьецо Андрюши почти роковое, и тринадцать ранъ въ високъ—тоже роковое...

Все рокъ и рокъ... Словно живешь во времена Еврипида что-ли...

— А о Бейлисѣ что?

— Да ровно ничего...

— До смѣшного ничего...

Надо поражаться какъ берутся гражданскіе истцы обвинять человѣка въ такомъ тяжеломъ преступленіи при отсутствіи всякихъ уликъ, и при несомнѣнной закулисной тщательной работѣ частныхъ лицъ въ пользу обвиненія...

И какъ не старался я уловить значеніе, логическую мысль, основанія этой рѣчи—не могъ, ибо каждая посылка г. Замысловскаго, немедленно же разбивалась, какъ только чуть вспомнишь о свидѣтельскихъ показаніяхъ.

И Замысловскій, на мой взглядъ—совершенно оскандалился, хотя имъ и были приложены громадныя усилія изъ ничего создать нѣчто.

Впрочемъ онъ ведетъ вѣрный разсчетъ: демагогически вдалбливая мысль о томъ, что здѣсь всѣ подкуплены, что только онъ и его товарищи—Шмаковъ и Дурасевичъ — безкорыстные труженники, что только они сидятъ здѣсь на судѣ цѣлый мѣсяцъ и ничего не получаютъ, а что всѣ остальные:—и свидѣтели, и защита—все это слуги еврейства! Онъ расчитывалъ конечно, этими дешевыми пріемами заставить повѣрить присяжныхъ засѣдателей ему, а повѣрятъ, молъ, въ одномъ, повѣрятъ и во всемъ.

Но его ожиданія не оправдались...

LXXI.

Рѣчь Шмакова.

Странный человѣкъ—этотъ Шмаковъ, одинъ изъ представителей гражданскаго иска въ дѣлѣ Ющинскаго—Бейлиса.

Пожилыхъ лѣтъ, дряхлый старикъ, сѣдой какъ лунь, онъ фанатикъ-антисемитъ. Вездѣ и всюду выступаетъ онъ противъ евреевъ и кажется умретъ съ проклятіями на устахъ этой націи.

Что они сдѣлали ему?

Конечно, ничего... Шмаковъ — это яркій представитель отживающаго дворянскаго режима.

Любитель книгъ и своеобразной науки, освѣщающей ему всѣ вопросы съ узко-націо-

налистической точки зрѣнія. Онъ ненавидитъ все, что идетъ въ разрѣзъ съ жизнью того стараго порядка, къ которому онъ привыкъ. Еврейскій вопросъ — это то зеркало общественной жизни, въ которомъ для него отражается все ему непріятное, безпокоющее, новое, волнующее...

Евреи—это какое-то универсальное пугало для г. Шмакова. „Они все могутъ". „Они всевластны, вездѣсущи и всемогущи". Идя отъ нынѣшняго времени въ глубь вѣковъ онъ не оставляетъ въ покоѣ не только исторію христіанской эры, но сварливо ворчитъ и на библейскія времена, гдѣ онъ находитъ все тоже, для него непріятное, что и въ современномъ еврействѣ. Шмаковъ до такой степени фанатизированъ своей юдофобской идеей, что, идя послѣдовательно, готовъ,—это ясно видно,—расправиться и съ библіей и съ другими священными книгами еврейскаго происхожденія, расправиться круто, такъ какъ въ нихъ онъ видитъ залогъ того бѣдствія, которое онъ именуетъ „еврейскимъ засиліемъ". Ослѣпленный этой идеей онъ, забывая все, идетъ напроломъ, нисколько не считаясь ни съ правдой жизни вообще, ни съ обстоятельствами настоящаго дѣла въ частности. Ведя весь допросъ по дѣлу Бейлиса крайне пристрастно, Шмаковъ и въ рѣчи своей, и въ репликѣ, остался вѣренъ себѣ. Главная часть его обви-

ненiй была направлена въ сторону установленiя признаковъ ритуала. Понимая Ветхiй завѣтъ крайне односторонне, совершенно не соображаясь съ исторической библейской этнографiей, не зная, или не умѣя сопоставить тексты, дать имъ именно то толкованiе, которое соотвѣтствуетъ современному уровню знанiя, Шмаковъ постоянно смѣшиваетъ то, что говорится, напримѣръ, о животныхъ, съ тѣмъ что указывается для людей. Ему безразлично, что всѣ его выводы явно противорѣчатъ и здравому смыслу, и историческимъ знанiямъ: ему до этого нѣтъ никакого дѣла, ему нужно во что бы то ни стало доказать нелѣпую мысль о томъ, что евреи употребляютъ человѣческую кровь при приготовленiи мацы и ничѣмъ инымъ онъ не интересуется. Такъ какъ онъ все-таки понялъ, что обвинять Бейлиса нѣтъ никакой возможности, вся вина котораго сводилась лишь къ тому обстоятельству, что онъ—еврей, г. Шмаковъ сейчасъ же выставляетъ оригинальную версiю убiйства, что Ющинскiй убитъ не Бейлисомъ, а, Бейлисомъ и Чеберяковой. Онъ хитро улыбается при этомъ,—вотъ, молъ, открылъ я какую Америку...

И дѣйствительно, какъ все просто у него, у этого явно больного, бредившаго евреями старика: Бейлису, какъ еврею, нельзя проливать кровь, убивать, а Чеберяковой, какъ хри-

стіанкѣ, можно, и они добрые сосѣди, другъ другу оказываютъ услуги, ну вотъ, что тамъ долго говорить: Бейлису понадобилась человѣческая кровь, онъ сейчасъ къ сосѣдкѣ.

— Кума, а кума... У тебя время есть?

— А, что, куманекъ, что нужно-то?

— Да тутъ пустяки, крови мнѣ для мацы нужно, а рѣзать мнѣ самому нельзя, Моисеевъ законъ запрещаетъ, такъ ты ужъ, помоги, кума, мы возблагодаримъ...

— Ну, что-жъ, куманекъ, можно...

Мы съ тобой друзья вѣдь!..—и любвеобильная госпожа Чеберякъ огненнымъ взоромъ окинула черную бороду Менделя...

— Ну, такъ когда-же?

— А, что скоро надо-то?

— Да, надо бы скоро!..

— Рѣзать-то кого, курицу что-ли?

— Нѣтъ, Андрюшку, надо зарѣзать...

— Андрюшку, говоришь, ну что-жъ зарѣжемъ Андрюшку, что онъ, безпутный, все болтается здѣсь...

Вотъ собственно сокровенный смыслъ этой неслыханной, воистину сумасшедшей версіи господина Шмакова...

До какой глупости могутъ дойти еще господа антисемиты въ своихъ дѣйствительно изувѣрныхъ предположеніяхъ сказать не только трудно, но и невозможно... Для этихъ господъ

все допустимо, они не знаютъ предѣла, который устанавливается разумомъ, совѣстью, чувствомъ порядочности, велѣніемъ научнаго знанія... Для нихъ, какъ для пьяныхъ, море по колѣно: говори, плети, инсинуируй, какъ можно больше, какъ можно чаще и чѣмъ хуже — тѣмъ лучше... Ибо отъ клеветы всегда что либо останется, что либо прилипнетъ даже къ совсѣмъ неповиннымъ людямъ...

Рѣчи Шмакова были до крайности утомительны, изнывающи, и совершенно ни для кого не убѣдительны...

Стыдно было слушать, какъ этотъ старецъ, убѣленный сѣдинами, во время реплики, пустилъ въ ходъ такую непристойность, какъ клятвенное завѣреніе присяжныхъ, что онъ, старикъ, честью своей и совѣстью завѣряетъ, что убійцей Андрея Ющинскаго былъ Мендель Бейлисъ, и онъ поднялъ руку и показывалъ на него, этого несчастнаго человѣка, сидѣвшаго тамъ, за рѣшеткой, на скамьѣ подсудимыхъ, и очевидно не знавшаго что ему дѣлать, какъ быть, какъ защитить себя отъ этихъ нападковъ, этихъ утвержденій...

Но совѣсть присяжныхъ защитила его, нерушимой стѣной оградивши Менделя Бейлиса отъ всѣхъ тѣхъ, кто жаждалъ видѣть его осужденнымъ, кто хотѣлъ насладиться его, мученіями и жестокими страданіями...

LXXII.

Рѣчи защитниковъ.

Я не буду разбирать здѣсь каждую рѣчь защитниковъ въ отдѣльности. Постараюсь суммировать впечатлѣніе. Глубокая убѣжденность, глубокая искренность звучала во всѣхъ ихъ рѣчахъ, столь крѣпко, долго и мужественно стоявшихъ на стражѣ интересовъ не только подсудимаго Менделя Бейлиса, но и на стражѣ охраненія чести и достоинства двухъ націй: русской и еврейской.

Если рѣчь стараго льва Карабчевскаго была широка, художественна по своимъ пріемамъ построенія, но несомнѣнно трудна для состава присяжныхъ этой сессій кіевскаго окружного суда; если рѣчь Грузенберга напомнила мнѣ плачъ и рыданіе, печаль народа всѣми попираемаго; если она, какъ и пространная рѣчь-реплика Григоровича-Барскаго, подробно разбирала всѣ улики, всѣ мелкіе штрихи, выяснившіеся во время процесса, и болѣе всего обнаружившіе слѣды преступной дѣятельности Чеберяковой и всѣхъ ея многочисленныхъ друзей и поклонниковъ; если вдохновенное, почти пророческое слово глубоко вѣрующаго защитника Заруднаго, блестяще разбивала всѣ укрѣпленія г.г. прокурора, гражданскихъ истцовъ и распу-

тывала всѣ хитросплетенія Пронайтиса и Шмакова въ области кроваваго навѣта и ритуала жертвоприношенія, то страстная, воистину элегантная по формѣ, глубокая по содержанію и анализу рѣчь и реплика В. А. Маклакова, вознесли весь этотъ процессъ, всю защиту на ту политическую высоту, съ вершины которой сразу сталъ виднымъ тотъ общественный кошмаръ, тотъ ядъ и ужасъ, произволъ и насиліе, которые такъ ярко демонстрировались въ этомъ процессѣ. И это вознесеніе процесса на политическую высоту, возможную въ рамкахъ судебнаго разбирательства,—несомнѣнная заслуга предъ Россіей В. А. Маклакова. Мы хотѣли бы слышать еще болѣе глубокій анализъ, мы хотѣли бы видѣть установленной непосредственную связь между дѣятельностью реакціоннаго правительства и этимъ процессомъ, какъ красочнымъ проявленіемъ третьеіюньскаго столыпинскаго режима, но мы понимаемъ, что въ рамкахъ суда сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлалъ это В. А. Маклаковъ,—пожалуй и невозможно.

Рѣчи защитниковъ очевидно произвели сильное впечатлѣніе на присяжныхъ, напряженно ихъ слушавшихъ. Это не могли не учесть господа обвинители, поспѣшившіе сейчасъ же клятвенно увѣрять, что Бейлисъ виноватъ. Жалкое положеніе тѣхъ, кто въ под-

твержденіе своихъ словъ не можетъ привести никакихъ фактовъ, и долженъ бить себя въ грудь, божиться и клясться, и прибѣгать къ „звону колоколовъ“, дабы заглушить имъ справедливый голосъ народной совѣсти.

Защита съ достоинствомъ отвѣтила на эти выпады. Она еще болѣе углубила, еще болѣе развила свои доводы и, думаемъ, что эти искреннія слова сдѣлали свое цѣлительное дѣло, очистивъ, освѣживъ сознаніе тѣхъ, кто именемъ закона призванъ былъ въ Кіевскій окружный судъ вязать и разрѣшать, не только Менделя Бейлиса, но и весь тотъ общееврейскій вопросъ, который кипѣлъ и клубился возлѣ этого неслыханнаго, кошмарнаго дѣла...

LXXIII.

Послѣднее слово обвиняемаго.

Нервно, быстро поднялся Мендель Бейлисъ, когда предсѣдатель предложилъ ему сказать свое послѣднее слово... Все также хватался онъ за барьеръ рѣшетки, сжимая и разжимая свои блѣдныя руки.

Скороговоркой, тихо сказалъ онъ свои послѣднія слова, смотря прямо въ глаза присяжнымъ. Онъ просилъ отпустить его домой.— Я усталъ—говорилъ онъ.—Мнѣ хочется видѣть семью, я ни въ чемъ не виновенъ... Отпустите меня...

И онъ также торопливо сѣлъ, какъ и всталъ.

Спокойно, безстрастно смотрѣли ему въ глаза присяжные засѣдатели и рѣшительно нельзя ничего было сказать, что они думаютъ, что чувствуютъ, какъ относятся они къ тому, чья участь была въ ихъ рукахъ.

LXXIV.

Постановка вопросовъ.

Постановка вопросовъ вызвала страстныя юридическія пренія, при чемъ надо отмѣтить, что прокуроръ совершенно не говорилъ: онъ былъ на все согласенъ. Ратовали и бились гражданскіе истцы и защита.

Первый вопросъ вызвалъ у всѣхъ полное недоумѣніе: въ самомъ дѣлѣ центръ тяжести этого вопроса, очевидно, въ признаніи или непризнаніи самого факта убійства. И вотъ въ него искусственно вплѣли опредѣленія мѣста: „на заводѣ Зайцева“. Ясно, что надо было имѣть много юридическаго навыка, чтобы отвѣчая утвердительно на фактъ убійства отгородиться отъ отвѣта о мѣстѣ убійства. Именно этого и не случилось. Совершенно очевидно, что присяжные засѣдатели настолько были поглащены заботой объ отвѣтѣ на вторую часть вопроса—убитъ или не убитъ,—что о первой мало и думали, такъ какъ

всѣмъ тѣмъ кто былъ на процессѣ каждому понятно, что утверждать, что убійство было совершено на заводѣ Зайцева—рѣшительно немыслимо, такъ какъ для этого не было и нѣтъ никакихъ удостовѣреній и фактовъ, а есть фантазіи и догадки столь не убѣдительныя, что, конечно они ни кѣмъ не могли быть приняты во вниманіе. Центръ тяжести, конечно, былъ во второмъ вопросѣ, гдѣ были сосредоточены всѣ признаки ритуальности и именно на него-то очевидно такъ и разсчитывали г.г. обвинители.

Защита была несогласна и съ редакціей второго вопроса, но всѣ ея ходатайства судъ оставилъ безъ послѣдствія. Указанія защиты на неправильность внесенія въ вопросы религіозныхъ мотивовъ тоже оставлены безъ послѣдствія, несмотря на то, что это утвержденіе съ такой очевидностью вытекало изъ всѣхъ тонкихъ юридическихъ соображеній, представленныхъ вполнѣ исчерпывающе и Грузенбергомъ и Заруднымъ.

Но судъ не пожелалъ считаться съ ихъ аргументаціей и вопросы были утверждены.

LXXV.

Резюме предсѣдателя.

Вотъ, наконецъ, процессъ законченъ. Всѣми сказано все, что могли, что хотѣли ска-

зать тѣ, кто взялъ на себя выясненіе различныхъ сторонъ процесса. Наступило послѣднее, все завершающее дѣйствіе процесса,--наступило время для напутственнаго резюме предсѣдателя. По закону это слово должно быть воплощеніемъ объективности, справедливости. Предсѣдатель долженъ безстрастно и спокойно напомнить присяжнымъ засѣдателямъ всѣ обстоятельства дѣла, все „за“ и все „противъ“ обвиненія, не перегибая палку ни въ ту, ни въ другую сторону.

Слово предсѣдателя всегда очень важно въ процессѣ, и въ этомъ процессѣ, гдѣ составъ присяжныхъ былъ такой обывательскій, сѣрый,—имѣло особенное значеніе. Присяжные слушали его съ неослабѣваемымъ вниманіемъ.

Когда закончилось резюме, когда послѣ словъ послѣдняго напутствія, вопросный листъ былъ, наконецъ, врученъ старшинѣ присяжныхъ засѣдателей и они удалились къ себѣ въ комнату— громадное большинство присутствующихъ было увѣрено въ печальномъ концѣ процесса, въ осужденіи Менделя Бейлиса. Многіе до такой степени были увѣрены, что не желая переживать въ высшей степени тяжелыя минуты объявленія обвинительнаго приговора невиновному человѣку, уѣхали изъ зданія суда, не разсчитывая на твердость своихъ нервъ.

LXXVI.

Просьба о дополненіи резюме.

Лишь только послѣдній присяжный скрылся за дверьми совѣщательной комнаты, защита попросила судъ возобновить засѣданіе для дачи дополнительныхъ разъясненій.

Судъ вышелъ.

Грузенбергъ, отъ имени всей защиты, заявилъ суду, что они видятъ существенную неполноту въ резюмѣ г. предсѣдателя суда и просятъ его дополнить резюме. Грузенбергъ тутъ же указалъ около десятка такихъ пунктовъ. Судъ удалился на совѣщаніе и склонился къ тому, чтобы вызвать вновь присяжныхъ засѣдателей и дополнить резюме. Такое распоряженіе уже было сдѣлано судебному приставу. Тогда гражданскіе истцы и прокуроръ, ранѣе не возражавшіе, очевидно думавшіе, что все дѣло ограничится только занесеніемъ въ протоколъ, попросили слово и стали горячо протестовать противъ требованій защиты.

Судъ, принявъ во вниманіе эти протесты, тутъ же посовѣщавшись, вновь измѣнилъ свое рѣшеніе и заявилъ, что отмѣняетъ свое прежнее постановленіе, отказываетъ защитѣ въ дополненіи предсѣдательскаго резюме, и дѣлаетъ распоряженіе о занесеніи въ протоколъ указаній защиты.

По существу, конечно, врядъ-ли бы дополнительныя разъясненія г. предсѣдателя измѣнили бы мнѣніе г.г. присяжныхъ засѣдателей, но важно—и очень важно,—лишь то, что самъ судъ призналъ неполноту напутственнаго слова предсѣдателя, что и занесено въ протоколъ процесса.

Каждому само собой понятно сколь важно это разъясненіе защиты и признаніе суда.

LXXVII.

Передъ приговоромъ.

Томительно долго тянулось время пока совѣщались присяжные засѣдатели. Всюду шли различные толки и нервное напряженіе достигло своего послѣдняго предѣла.

Полиція ввела большіе наряды городовыхъ, околодочныхъ надзирателей и тайныхъ агентовъ, разсыпавшихся повсюду въ зданіи суда. Появились въ полномъ вооруженіи жандармы. На улицѣ показались конные стражники, казаки, городовые.

Панихида, служившаяся въ Сергіевскомъ соборѣ по Андреѣ Ющинскомъ, стянула многолюдныя толпы, враждебно другъ къ другу настроенныя. Вскорѣ показались на улицахъ группы учащихся, рабочихъ, горожанъ. Съ трехъ часовъ дня на площади присутствуетъ губернаторъ, вице-губернаторъ, полицеймейстеръ и другіе представители власти. Полиція

энергично разсѣиваетъ толпы, не давая никому собираться, останавливаться.

Въ судѣ у всѣхъ провѣряютъ билеты, и безбилетныхъ, которыхъ набралось множество, несмотря на то что они заявляютъ о своей несомнѣнной принадлежности къ „Двуглавому орлу“,—самымъ энергичнымъ образомъ, выпроваживаютъ изъ суда и городовые слѣдуютъ за ними до выходныхъ дверей.

Вотъ ввалилась большая группа „двуглавцевъ“ съ извѣстнымъ фанатизированнымъ, эпилептическимъ юношей Голубевымъ во главѣ... Они идутъ радостные, сіяющіе...

— Пришили, пришили его...—слышны восклицанія нѣкоторыхъ, объясняющихся на воровскомъ жаргонѣ стольнаго града Кіева...

Такъ были увѣрены они въ осужденіи Менделя Бейлиса.

Вотъ засуетились пристава... Вотъ повалила публика на свои мѣста... Ввели Бейлиса, ввели въ послѣдній разъ туда за рѣшетку, на скамью подсудимыхъ...

Онъ блѣденъ какъ смерть, взволнованъ, но владѣетъ собой...

Вошли судьи.

Публика стоитъ.

Тишина необычайная, жуткая, тревожная... Многіе крестятся, плачутъ...

— Судъ присяжныхъ идетъ! — раздается властное восклицаніе—прошу встать!..

Всѣ не шелохнулись, всѣ и безъ того стоятъ...

LXXVIII.

Приговоръ суда присяжныхъ.

Старшина подалъ вопросный листъ предсѣдателю. Быстро просмотрѣли первый вопросъ.

Тамъ, сзади судейскихъ креселъ сплошная стѣна чиновниковъ, военныхъ...

Всѣ охвачены волненіемъ...

Вотъ одинъ, смотрите, какъ тянется онъ къ предсѣдателю, какъ хочется ему узнать, прочесть завѣтныя слова...

Онъ блѣденъ и большой открытый бѣлый пластронъ его манишки еще болѣе оттѣняетъ эту смертельную блѣдность лица...

Вотъ предсѣдатель—тоже блѣдный, взволнованный,—переворачиваетъ листъ, а тотъ, наклонившійся, вдругъ выпрямляется, шатается, я думаю, что онъ вотъ-вотъ упадетъ и его лицо покрывается зеленоватымъ оттѣнкомъ, который бываетъ у тѣхъ, кто впадаетъ въ глубокій, долгій обморокъ...

На него страшно смотрѣть...

Надежда рождается въ груди и сердце бьется еще сильнѣй...

А присяжные?

Только нѣкоторые изъ нихъ стоятъ понурыми, а вонъ тѣ смотрятъ открыто въ лицо всѣмъ и новая увѣренность окрыляетъ душу...

Старшина читаетъ, читаетъ ровно, долго—вопросы такіе длинные,—и когда на первый вопросъ ухнуло: „да, доказано!“—жуткое шуршаніе пронеслось повсюду и блѣдность лицъ стала еще страшнѣй, еще ужаснѣй...

Вотъ читается второй вопросъ, еще болѣе длинный и кажется цѣлая вѣчность проходитъ здѣсь передъ нами въ этой духотѣ судебнаго засѣданія.

И наконецъ:

— **Нѣтъ, невиновенъ!...**

Отчетливо и громко произноситъ старшина...

И Мендель Бейлисъ стоявшій все время какъ столбъ, вытянувшійся, выросшій, плотно схватившійся за барьеръ рѣшетки мѣста подсудимаго, сразу исчезаетъ—безмолвно падаетъ, на скамейку, на полъ, опять вскакиваетъ, хватается за барьеръ, и опять падаетъ, и лишь глухой стонъ, стонъ безъ слезъ, говоритъ намъ, что онъ еще живъ...

Ему даютъ воды. Всѣ молчатъ. Жутью вѣетъ въ залѣ... Бейлисъ кланяется присяжнымъ, благодаритъ ихъ, и опять падаетъ.

Зала, оцѣпенѣлая, вдругъ пробудилась, зашевелилась, возликовала...

Предсѣдатель, отпуская домой, благодаритъ присяжныхъ за ихъ громадный трудъ... Его слова почти не слышны...

Присяжные торопливо уходятъ...

Двуглавцы, союзники—огорчены, пришиблены, растеряны. Они не ожидали такого результата и ихъ самоувѣренность быстро испаряется.

Въ публикѣ истинное ликованіе. Многіе крестятся. Вчерашніе поклонники и поклонницы обвинителей, сейчасъ, со словами: „Слава Богу! Слава Богу! Оправдали!!...“,—передаютъ другъ другу счастливую вѣсть и такъ радостно смотрѣть на нихъ, что теперь, хоть въ эту послѣднюю минуту, ихъ совѣсть озарена сознаніемъ добра и справедливости, и что можетъ быть эти минуты освѣжатъ ихъ стремленіемъ къ жизни иной, чѣмъ человѣконенавистническое злопыханіе черносотенныхъ организацій...

Залъ быстро пустѣетъ. Всѣ стремятся на улицу...

LXXIX.

Опредѣленіе суда.

Очень скоро выходитъ снова судъ и объявляетъ свое опредѣленіе. Подсудимый Мендель Бейлисъ, въ силу состоявшагося оправдательнаго вердикта присяжныхъ засѣдателей, по суду оправданъ.

— Вы свободны!..—объявляетъ предсѣдатель. Усиленный конвой, все время тщательно охранявшій Менделя Бейлиса, при этихъ торжественныхъ словахъ, единымъ взмахомъ вкла-

дываетъ сабли въ ножны, и сухой лязгъ рукоятокъ какъ-бы подтверждаетъ и заключаетъ послѣднее дѣйствіе громадной драмы такъ долго длившейся въ Кіевѣ и завершившейся въ зданіи Кіевскаго Окружного Суда. Бейлисъ до семи часовъ вечера оставался въ зданіи суда, когда подъ усиленнымъ конвоемъ, свободный и оправданный отъ страшнаго кроваваго навѣта, возведеннаго на него и всѣхъ его единоплеменниковъ, въ тюремной каретѣ былъ вновь доставленъ въ тюрьму, гдѣ сдавши всѣ казенныя вещи, онъ черезъ участки, чтобы подписать различныя бумаги, отправленъ былъ подъ конвоемъ домой, въ домъ Дубовика управляющаго заводомъ Зайцева. Здѣсь ждала его трепетная семья, пережившая столько несравненнаго горя и униженій.

LXXX.

На улицахъ.

Кипѣли народомъ улицы Кіева въ этотъ достопамятный вечеръ. Съ какой мучительной жаждой встрѣчали эти толпы каждаго, выходящаго изъ зданія суда, осаждая его распросами!

— Оправданъ! Оправданъ!..—неслось по Кіеву какъ благодатное эхо, заглушая повсюду злобные крики тѣхъ кто въ крови, ненависти и погромахъ ищетъ удовлетворенія своимъ низьменнымъ страстямъ...

Быстро появляются летучки, выпущенныя газетами и они нарасхватъ, почти съ боя, разбираются публикой...

Радостная, благая вѣсть о правдѣ, восторжествовавшей въ судѣ, несется все дальше по Кіеву, достигая дальнихъ окраинъ, гдѣ уже были, на всякій случай, потушены огни въ еврейскихъ домахъ.

Всѣ притаились и трепетно ждутъ несчастій отъ буйныхъ страстей...

Но напрасны пугливыя ожиданія...

Все спокойно вездѣ...

Однако усиленные конные и пѣшіе патрули охраняютъ городъ, а на Лукьяновкѣ гдѣ болѣе всего можно было ожидать всякихъ выступленій, куда я ѣздилъ въ этотъ же вечеръ, бѣдный, измученный, рабочій людъ съ величайшей радостью встрѣтилъ вѣсти изъ суда:

— Конечно Мендель не виноватъ!..

— Бейлисъ честный человѣкъ, — неслось отовсюду.

— Мы это давно говорили...

— Бейлисъ оправданъ,—вотъ они мужички то, правду восчувствовали...

И долго еще до глубокой ночи волновался Кіевъ громаднымъ событіемъ, совершившимся въ его стѣнахъ... И всѣ радовались, всѣ ликовали, что вѣковѣчный позоръ миновалъ этотъ одинъ изъ лучшихъ городовъ Россіи...

LXXXI.

Совѣсть народа.

Много-много разъ въ эти долгіе тридцать четыре дня съ тревогой и волненіемъ смотрѣли мы туда, на эти зачарованныя кресла, гдѣ возсѣдали судьи народа, посланные волею закона вязать и разрѣшать по совѣсти своей тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе сѣсть на скамью подсудимыхъ. Простые русскіе люди, все больше труженики земли, взятые отъ дѣлъ своихъ въ это торжественное зало суда, куда устремились очи всего міра, гдѣ, въ эти дни, какъ въ сердцѣ человѣчества, билась, рвалась и клокотала буйная кровь злыхъ страстей и любвеобильной справедливости.

Вотъ они, одѣтые въ свитки, поддевки, пиджаки, причесанные по-русски въ кружокъ; вотъ они каждый день чередой, одинъ за другимъ, мелькали предъ нами, когда шли, задумчивые и грустные, на свои высокія мѣста.

Кто они?

Невѣдомые никому, взятые изъ тысячной толпы,—имъ выпала тяжелая, казалось непосильная доля, доля разрѣшенія вопроса, взволновавшаго весь міръ, потрясшаго все человѣчество.

Многіе падали духомъ, многіе приходили въ отчаяніе, не зная, что думать, что сказать—

обнимутъ ли они,—ихъ сердце, мозгъ и совѣсть,—все то море безбрежныхъ ощущеній, которое разлилось и бушевало и волновалось передъ ихъ смиреннымъ и трепетнымъ лицомъ...

Вѣра въ русское народное сердце, надежда на русскую совѣсть присяжныхъ, не покидали меня ни на минуту и въ самое тяжелое время этихъ дней, онѣ свѣтили мнѣ какъ вѣрный неизмѣнный путеводный маякъ, разгонявшій туманъ всякаго сомнѣнія...

И вотъ наступило время, и вотъ пробилъ великій, грозный грозный часъ...

— Судъ идетъ!..

Всѣ встали и замерли, и, казалось, дыханіе младенца можно было ощутить, уловить въ этой полной притаившейся жути толпѣ.

Всѣ блѣдны...

Судъ присяжныхъ идетъ!—прошу встать!..

И предъ нимъ встала вся Россія, весь міръ...

Они, серіозные, просвѣтленные, вошли и смотрятъ широко въ глаза всей залы, всему міру...

И нѣтъ силъ ни думать, ни чувствовать, ни понимать...

Свершилось что то, огромное, великое...

Читаютъ вопросы...

Зачѣмъ такъ долго?... Скорѣй бы!

— **Нѣтъ, не виновенъ!..**

И закружилась, и заходила, и загудѣла и заколыхалась вся зала...

А онъ? Бейлисъ?..

Онъ блѣденъ какъ смерть, онъ тянется, онъ плачетъ, онъ говоритъ какія-то слова... Вотъ онъ упалъ на скамью подсудимыхъ—на скамью своей свободы... Всталъ опять, мечется, сѣлъ, склонился на скамью, и жметъ протянутыя руки, и плачетъ, и смотритъ туда, въ тотъ уголъ, гдѣ его жена, его сынъ, его родные...

— Спасибо вамъ, спасибо!.. — говорили многіе, обращаясь въ сторону присяжныхъ. И дѣйствительно есть за что благодарить.

Совѣсть народа русскаго теперь чиста не только предъ совѣстью древняго Израиля, но и передъ совѣстью всего міра.

Пусть Пранайтисы, Замысловскіе, Сикорскіе и Шмаковы правятъ свою тризну надъ могилой средневѣковыхъ суевѣрій... Пусть они куютъ новыя цѣпи прекрасной жизни... Пусть... Намъ теперь нѣтъ до этого никакого дѣла...

Вся Россія вмѣстѣ съ кіевлянами вздохнула полной грудью обновленной счастливой души... Въ борьбѣ радостенъ каждый мигъ побѣды...

LXXXII.

Въ гостяхъ у Бейлиса.

Онъ на свободѣ, его сейчасъ должны освободить, и выпустить плѣнника на волю...

Гдѣ же онъ? Его необходимо видѣть, пожать ему руку, сказать, хоть что-нибудь сказать.

И мы въ автомобилѣ колесимъ Кіевъ, ищемъ его...

Мы уже знаемъ, что его изъ тюрьмы передали въ Лукьяновскій участокъ...

Ѣдемъ на Лукьяновку, туда, гдѣ дней 20 тому назадъ мы были, когда производился осмотръ мѣстности, когда Мендель Бейлисъ, окруженный плотнымъ кольцомъ конвойныхъ, ходилъ по заводу, вспоминая свое былое житье...

Неужели онъ тамъ ходитъ теперь на свободѣ?.. Мы у воротъ старой конторы, гдѣ онъ писалъ квитанціи...

Звонимся. Не пускаютъ. Городовые говорятъ—здѣсь никого нѣтъ, здѣсь нѣтъ Бейлиса. Какъ изъ-подъ земли выростаетъ свидѣтель Добжанскій, еще и еще лукьяновскіе жители... Они уже знаютъ, что Бейлисъ оправданъ, и радуются какъ дѣти...

— Мы такъ и знали... Нешто завинятъ невиннаго?.. Нѣтъ, ты, братъ что думаешь, мужикъ, и у мужика совѣсть есть...

И нигдѣ ни одного слова противъ Бейлиса.

Мы беремъ проводника, какого-то юнца, и по невѣроятнымъ уличкамъ и переулкамъ, съ горы на гору, летимъ дальше по слѣду—сначала въ Плоскій участокъ. По дорогѣ встрѣчаемъ полицію, казаковъ, стражниковъ. Вездѣ усилены посты. Всѣ на изготовкѣ... У участка много полиціи.

— Бейлиса увезли.

Досадно.

Летимъ дальше. Вотъ мы отнынѣ у знаменитой больницы на Кирилловской улицѣ. Здѣсь по близости живетъ Дубовикъ.

Стучимся...

— Кто тамъ?.. Войдите...

И здѣсь полиція, охраняющая отъ всякихъ случайностей домъ, куда отвезенъ Бейлисъ.

Входимъ. Много народа. Вотъ онъ, Мендель Бейлисъ. Сидитъ на кожаномъ диванѣ возлѣ стола... Молчитъ, улыбается и все такъ же мнетъ и жметъ свои блѣдныя руки...

Жму ему руку, поздравляю съ свободой... Онъ радуется, глаза его вспыхиваютъ... Ощущаетъ-ли онъ, что такое свобода? Помнитъ-ли онъ ее?

Возлѣ него кто-то изъ друзей что-то говоритъ, разсказываетъ, старается шутить... Но шутка виситъ въ воздухѣ, не вызываетъ смѣха...

Вотъ она, его жена, худощавая, измученная женщина... Она растерялась и, вѣроятно, мало соображаетъ, что дѣлаетъ, какъ живетъ, что думаетъ...

Она рада и счастлива...

А рядомъ съ ней блѣдная, худенькая дѣвочка, это ихъ дочка...

Испугъ въ ея глазахъ, и страхъ и трепетъ во всей ея маленькой, тоненькой смущенной фигуркѣ.

Она отвыкла отъ отца... Узнала-ли она его?

А тамъ, въ сосѣдней комнатѣ много народа, родныхъ, друзей...

Но почему такъ тихо?

Почему всѣ ходятъ на цыпочкахъ?

Почему всѣ говорятъ шопотомъ? Двигаются тихо, плавно, словно боясь кого-то разбудить?

Вѣдь онъ живъ, этотъ несчастный Мендель Бейлисъ, вѣдь онъ здѣсь, на свободѣ, среди васъ!

Вѣрите-ли вы этому?

А вѣритъ-ли онъ самъ? Скоро-ли очнется, придетъ въ себя?

Прощаемся. Спѣшимъ. Нѣсколько улицъ промелькнули передъ нами... Вотъ мы въ центрѣ города... И здѣсь у Купеческаго клуба небольшая толпа народа, но тамъ, внутри все набито биткомъ...

— Ура, ура-а-а!..—несутся оттуда побѣдные клики...

Тамъ чествуютъ „русскихъ витязей“ Замысловскаго, Шмакова, Дурасевича...

Какія побѣды и одолѣнія совершили они?..

Чему радуются эти ослѣпленные люди?

Ну, что-жъ, разъ имъ весело,—пускай веселятся, пока чувство стыда и раскаянія не захватило и ихъ въ свои могучія волны... Можетъ быть и для нихъ когда-либо пробьетъ этотъ часъ.

— Конецъ —

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ и МАГАЗИНЪ
„ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
С.-Петербургъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19. Телефонъ 227-42.

КНИГИ Влад. БОНЧЪ-БРУЕВИЧА.

Матеріалы къ исторіи и изученію религіозно-общественныхъ движеній въ Россіи:

Выпускъ первый. Баптисты.—Бѣгуны.—Духоборцы.—Л. Толстой о скопчествѣ.—Павловцы.—Поморцы.—Старообрядцы.—Скопцы.—Штундисты. **Цѣна 2 руб.** Въ переплетѣ **2 руб. 75 к.**

Выпускъ второй. Животная книга духоборцевъ. **Цѣна 2 руб.** Въ переплетѣ **2 руб. 75 к.**

Выпускъ третій. Штундисты.—Духовные скопцы.—Постники.—Свободные христіане. **Цѣна 2 руб.** Въ переплетѣ **2 руб. 75 к.**

Выпускъ четвертый. Новый Израиль. **Цѣна 5 руб.** Въ переплетѣ **5 руб. 75 к.**

Выпускъ пятый. Полное собраніе сочиненій Г. С. Сковороды. Т. I. **Цѣна 4 руб.** Въ переплетѣ **4 руб. 75 к.**

Выпускъ шестой. Чемреки. (Отвѣтвленіе Стараго Израиля). **Цѣна 5 руб.** Въ переплетѣ **5 руб. 75 к.**

Выпускъ седьмой. Полное собраніе сочиненій Г. С. Сковороды. Т. II. **Цѣна 4 руб.** Въ переплетѣ **4 руб. 75 к.** (Печатается).

Выпускъ восьмой. Постоянные молокане. (Печатается). **Цѣна 5 руб.** Въ переплетѣ **5 руб. 75 к.**

Выпускъ девятый. Духовные молокане. (Печатается). **Цѣна 5 руб.** Въ переплетѣ **5 руб. 75 к.**

Выпускъ десятый. О. Стефанъ Подгорный и его послѣдователи. (Печатается). **Цѣна 5 руб.** Въ переплетѣ **5 руб. 75 к.**

Кровавый навѣтъ на христіанъ. Ц. 20 к.

Программа для собиранія свѣдѣній по изслѣдованію и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. (Высылается безплатно).

Назарены въ Венгріи и Сербіи.

(Къ исторіи сектантства).

Цѣна 30 коп.

1475

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00027904714